

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.social-economic.ru

Серия:

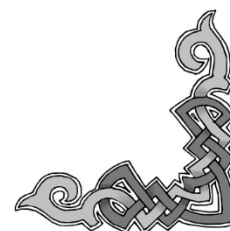
Исторические науки.

Культурология.

Политические науки.

**№ 4
2023**

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2023, № 4

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»).

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.

www.social-economic.ru)

Основан в 2019 г.

ISSN 2713-1742 (печать) ISSN 2686-8350 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.
Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 31.01.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-79416 от 13.11.2020

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
Договор № 453-12/2019

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД РФ.

ШЕФ-РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, Почетный работник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор ООО «Наука и образование».

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Медведев Валерий Иванович – Почетный работник сферы образования Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков им. А.К. Серова по учебной и научной работе.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК: *Шелкова Елена Андреевна*

КОРРЕКТОР: *Попов Михаил Юрьевич*

УЧРЕДИТЕЛИ: ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6.

Тел./whatsApp.: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF:

Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of Kuban, Director of LLC «Science and Education».

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism of Cuban State University;

Valery I. Medvedev – Honorary worker of the sphere of education of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A.K. Serov for academic and scientific work.

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

FIRST: *Elena A. Shelkova*

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

THE MURDERERS: LLC «Science and Education»

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, lane Narodny, 2/1, of. 6.

Tel./whatsApp.: 8 (988) 167-67-67

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Южно-Российского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Азизова Наиля Руслановна – доктор культурологии, руководитель учебно-методического отдела ООО ДПО «Университет профессионального стандарта»;

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор Вроцлавского университета, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологи Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук технологий Тюменского индустриального университета;

Грошев Роман Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Военной академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии Адыгейского государственного университета;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnology of the South Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving the Efficiency of Public and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Naila R. Azizova – Doctor of Cultural Studies, Head of the educational and methodological department of LLC DPO «University of Professional Standards»;

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociology, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Regionalism and Eurasian Studies at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Viktor Zbigniew – Doctor of Political Science, Professor at the University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies of Tyumen Industrial University;

Roman V. Groshev – Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State and Political Science of Adygea State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Natalia V. Kiseleva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета;

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева;

Мартыненко Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Ницевич Виктор Францевич – доктор политических наук, профессор, профессор Московского политехнического университета;

Ратушняк Валерий Николаевич – Заслуженный деятель науки РФ, Герой труда Кубани, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета;

Савеленко Вячеслав Михайлович – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова

Старостин Александр Михайлович – Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глобализации Ростовского государственного экономического университета;

Токтосунова Адаш Искендеровна – доктор политических наук, доцент, ООО «Диалог культур и цивилизаций»;

Узун В. Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета;

Sergey A. Kislitsyn – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the South Russian Institute of Management of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications of Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources of N.P. Ogarev Mordovian State University;

Vladimir V. Martynenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Viktor F. Nicevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of Moscow Polytechnic University;

Valery N. Ratushnyak – Honored Scientist of the Russian Federation, Hero of Labor of Kuban, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of Kuban State University;

Vyacheslav M. Savelenko – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A.K. Serov

Alexander M. Starostin – Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute for Interdisciplinary Studies of Global Processes and Globalization of Rostov State University of Economics;

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dialogue of Cultures and Civilizations LLC;

Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Pyotr Ya. Tsitkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Technologies of the Southern Federal University;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина;

Чимаров Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Sergey Yu. Chimarov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аганов А.А.</i> Кризис управления в Таганрогском обществе (институте) научной организации производства (по архивным материалам)	13
<i>Алексеев В.В.</i> Образ Лжедмитрия III: исторический контекст	22
<i>Валитов А.А., Дианов С.А.</i> Изъятие церковных ценностей в Тобольской епархии: борьба советской власти с русской православной церковью и верующими	27
<i>Дьяков С.И., Перевалов И.Н., Добряк С.Ю., Ванягин В.Е.</i> Деятельность Высшей офицерской артиллерийской штабной школы (ВОАШШ) Красной Армии (ка) по переподготовке и повышению квалификации офицеров-артиллеристов	32
<i>Емельянов Ю.Н.</i> Казачьи кадетские корпуса в Краснодарском крае: история и современное значение	39
<i>Емельянов Ю.Н.</i> Роль культурно-исторических традиций кубанских казаков в современной образовательной среде Кубанского казачьего войска	45
<i>Касьянов В.В., Попов М.Ю., Мацевский Г.О.</i> Историческая память в контексте современных геополитических вызовов России	50
<i>Султанбеков Р.М., Гасанов М.Р.</i> К вопросу об оценке российско-горских взаимоотношений в трудах современных кавказоведов	54

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Го Чжижэнь</i> Межкультурная коммуникация как общественный феномен	65
<i>Наумов В.А.</i> Эстетика одежды якутов: традиции и современность	69
<i>Халитова А.Ю.</i> Расширение возможностей для разнообразных голосов: влияние NFT и блокчейна на индустрию искусства	74
<i>Хуан Цзэхуань</i> Национальная танцевальная драма «Конфуций» в контексте диалога культур Востока и Запада	82
<i>Цзя Силун</i> Влияние китайской культуры на международное сообщество	87

<i>Чжан Мэньюй</i>	
Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы	91
<i>Чжоу Юйхан</i>	
Истоки профессионального музыкального образования в России	95
<i>Шао Мэнци</i>	
Философия любви (на примере оперы П.И. Чайковского «Чародейка»)	99

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Синь Юйдэ</i>	
Международные отношения: глобальные и региональные аспекты вызовов цивилизации	107

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

<i>Andrey A. Aganov</i> Management crisis at the Taganrog society (institute) of scientific organization of production (based on archival materials)	13
<i>Vladimir V. Alekseev</i> The image of False Dmitry III: historical context	22
<i>Alexander A. Valitov, Sergey A. Dianov</i> Seizure of church valuables in the Tobolsk diocese: the struggle of the soviet government with the russian orthodox church and believers	27
<i>Sergey I. Dyakov, Ivan N. Perevalov, Sergey Yu. Dobryak, Vladimir E. Vanyagin</i> Activities of the Higher officer artillery staff school (VOASHSH) of the Red Army (KA) for retraining and advanced training of artillery officers	32
<i>Yuri N. Emelyanov</i> Cossack cadet corps in the Krasnodar territory: history and modern significance	39
<i>Yuri N. Emelyanov</i> The role of cultural and historical traditions of the kuban cossacks in the modern educational environment of the Kuban cossack army	45
<i>Valery V. Kasyanov, Mikhail Yu. Popov, German O. Matsievsky</i> Historical memory in the context of modern geopolitical challenges to Russia	50
<i>Rabadan M. Sultanbekov, Magomed R. Hasanov</i> On the question of the assessment of russian-mountain relations in the works of modern kavkazologists	54

CULTURAL SCIENCE

<i>Guo Zhiren</i> Intercultural communication as a social phenomenon	65
<i>Vasily A. Naumov</i> Aesthetics of yakut clothing: traditions and modernity	69
<i>Alina Yu. Khalitova</i> Empowering diverse voices: the impact of NFTS and blockchain in the art industry	74
<i>Huang Zehuan</i> National dance drama «confucius» in the context of the dialogue of East and West cultures	82
<i>Jia Xilong</i> The influence of chinese culture on the international community	87

<i>Zhao Mengyu</i>	
The influence of russian piano art on the formation and development of the chinese pianistic school	91
<i>Zhou Yuhang</i>	
The origin of the professional music education in Russia	95
<i>Shao Mengqi</i>	
Philosophy of love (using the example of P.I. Tchaikovsky's opera «The Enchantress»)	99

POLITICAL SCIENCES

<i>Xin Yude</i>	
International relations: global and regional aspects of challenges to civilization	107

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.94.24.002>
УДК 94(47).084

Attribution
cc by

КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ В ТАГАНРОГСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ИНСТИТУТЕ) НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аганов А.А.

Южный Федеральный университет

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в исторической науке впервые рассматривается проблема трансформации уникальной организации как Таганрогское Общество научной организации производства (так с 1926 г. назывался Таганрогский Институт научной организации производства), который является иллюстрацией НЭПовской традиции переходного периода от классических теорий управления к новым, советским методикам государственного контроля и управления. В статье рассматривается кризис управления в Таганрогском Обществе (Институте) научной организации производства, который произошел в 1926 г. Он является проявлением процесса перестройки системы управления, которая была заложена еще в начале 20-х гг. XX века к новым советским методикам государственного управления. Методологической основой проведенного исследования послужил комплекс общенаучных и специально-научных методов, главными из которых являются историзм в подаче материала, объективность в его оценках и выводах. Применение данных методов позволило отразить взаимозависимость, взаимовлияние исторических процессов и явлений, охватить достаточно широкий круг источников и опубликованной литературы по теме. Кризис проявился в конфликте директора Таганрогского Общества научной организации производства П.М. Есманского и его заместителя А.Д. Чухалкина. Есманский пытался в условиях Новой экономической политики сохранить за организацией независимость, стараясь минимизировать партийное вмешательство. Чухалин был представителем партийных структур. Результатом данного кризиса стало увольнение П.М. Есманского и ликвидация Таганрогского Общества научной организации производства весной 1927 г.

Ключевые слова: ВКП(б), Гастев, Есманский, конфликт, НКРКИ, НЭП, Общество научной организации производства, СовНОТ, Таганрог, Чухалкин.

MANAGEMENT CRISIS AT THE TAGANROG SOCIETY (INSTITUTE) OF SCIENTIFIC ORGANIZATION OF PRODUCTION (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Andrey A. Aganov

Southern Federal University

Abstract. The relevance of the research is due to the fact that historical science for the first time considers the problem of transformation of a unique organization as the Taganrog Society for Scientific Organization of Production (since 1926 the Taganrog Institute for Scientific Organization of Production was called), which is an illustration of the NEP tradition of the transition period from classical management theories to new, Soviet methods of state control and management. Examines the management crisis in the Taganrog Society (Institute) for the Scientific Organization of Production, which occurred in 1926. It is a manifestation of the process of restructuring the management system, which was laid back in the early 20s. XX century to new Soviet methods of public administration. The methodological basis of the study was a complex of general scientific and special scientific methods, the main of which are historicism in the presentation of material, objectivity in its assessments and conclusions. The use of these methods made it possible to reflect the interdependence and mutual influence of historical processes and phenomena, to cover a fairly wide range of sources and published literature on the topic. The crisis manifested itself in the conflict between the director of the Taganrog Society for the Scientific Organization of Production P.M. Esmansky and his deputy A.D. Chukhalina. Under the conditions of the New Economic Policy, Esmansky tried to maintain the organization's independence, trying to minimize party interference. Chukhalin was a representative of party

structures. The result of this crisis was the dismissal of P.M. Esmansky and the liquidation of the Taganrog Society for the Scientific Organization of Production in the spring of 1927.

Keywords: All-Union Communist Party (b), Gastev, Esmansky, conflict, NKPKI, NEP, Society for the Scientific Organization of Production, SovNOT, Taganrog, Chukhalkin.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в исторической науке впервые рассматривается проблема трансформации уникальной организации как Таганрогское Общество научной организации производства (так с 1926 г. назывался Таганрогский Институт научной организации производства), который является иллюстрацией НЭПовской традиции переходного периода от классических теорий управления к новым, советским методикам государственного контроля и управления, на примере конфликта директора ОНОПа П.М. Есманского с его заместителем А.Д. Чухалкиным. Данная проблема до сих пор не была исследована историками. Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе развития кризиса в Таганрогском ОНОП, который привел к ликвидации организации.

К началу 1921 г. советские власти сумели разгромить своих основных политических противников на фронтах Гражданской войны. В это время в Советской России власти отказались от политики проведения «военного коммунизма» и ввели НЭП. В рамках НЭПа власти изменили систему государственного управления: отказались от чрезвычайных методов, милитаризации экономики и частично возродили рыночные отношения. В управлении стала усиливаться роль общественных организаций, но при этом в политической сфере власти приступили к установлению однопартийной диктатуры. Правящей Коммунистической партии в политической сфере отводилась роль руководящего ядра в системе власти и управления. В период НЭПа общество находилось в поисках новых форм хозяйствования и социального развития. Экономические эксперименты в период НЭПа приобрели достаточно широкие формы. В процессы развития новых форм управления активно включились Институты научного управления, сеть которых была создана в 1920-е гг. по личной инициативе В.И. Ленина. Такие институты действовали в Москве, Казани, Харькове, а также Таганроге, курируя каждый свою экономическую зону ответственности. Именно Ленин выступил главным инициатором эксперимента по повсеместному введению научной организации труда, которая предполагала усовершенствование при помощи передовых научных достижений организации труда и управления. В рамках данной системы управления личная инициатива руководителя или работника предприятия и органа государственной власти была важнее административного (бюрократического) порядка управления. Но в конце 1920-х гг. наметился отход от данной системы управления. Усиливалась свои позиции командно-административная система, главной особенностью которой была высокая централизация управления, не поощрявшая самостоятельность и личную инициативу. Из-за этого власти отказа-

лись от использования научной организации управления, которая была признана «буржуазной». В конце 1920-х гг. власти стали ликвидировать существовавшие научно-рационализаторские центры. Они сделали ставку на «сильного руководителя», который управляет вверенным ему участком и полностью выполняющий все решения центра. На это обращает внимание историк Е.Г. Гимпельсон в своей работе «Формирование советской политической системы 1917–1923 гг.» [6]. Примером данного перехода от одной теории управления к другой служит кризис в управлении Таганрогского Общества научной организации производства в 1926 г.

Методологической основой проведенного исследования послужил комплекс общенаучных и специально-научных методов, главными из которых являются историзм в подаче материала, объективность в его оценках и выводах. Применение данных методов позволило отразить взаимообусловленность, взаимовлияние исторических процессов и явлений, охватить достаточно широкий круг источников и опубликованной литературы по теме.

К сожалению, в современной российской и зарубежной историографии поднимаемая нами научная проблема не рассматривалась. Мало внимания уделялось и деятельности Таганрогского Института научной организации производства. Вклад сотрудников ОНОПа в реформирование советской экономики в период НЭПа анализировали ученые В.Е. Ланкин и В.Г. Шевелев [11, с. 96–97]. А.В. Карашев в одной из глав своей кандидатской диссертации рассматривал деятельность научной школы Таганрогского Института научной организации производства и проанализировал воззрения главы организации П.М. Есманского [7]. А.А. Аганов в одной из своих работ [2] изучил деятельность ОНОПа на предприятиях его треста. В другой своей статье [3] проанализировал идеи ученых организации об организации товарообмена между городом и деревней. Т.Ю. Анпилогова в своей статье [4] обращает внимание на то, что организация была ликвидирована из-за «сворачивания» НЭПа и произошедшими административно-территориальными изменениями. При этом историография, посвященная деятельности других Институтов научной организации труда весьма обширна. Деятельности Института техники управления (ИТУ) и Всеукраинского института труда (ВСУИТ) посвящена монография Э.Д. Корицкого и В.Х. Шетова «Каким быть управлению: воззрения российских экономистов 20-х годов» [8], в которой авторы исследовали основные идеи выдающихся представителей экономической мысли – Н.А. Витке и Ф.Р. Дунаевского. В статье «Развитие науки о менеджменте в России в 1900–1950-е гг.» Э.Б. Корицкий [9, с. 127–144] изучил идеи руко-

водителей советских Институтов организации труда и их вклад в развитие наук о менеджменте. Д.Ю. Михайличенко в статье «Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента» [12, с. 100–106] исследовал деятельность Всеукраинского института труда и пришел к выводу о том, что данная организация «была плодом общественной инициативы» [12, с. 105], но она в 1929 г. была реорганизована, а её руководство в 1931 г. было заменено из-за обвинений в эсеровском и меньшевистских «уклонах» [Михайличенко, 2012, с. 106]. Современный российский историк С.П. Костриков в своей статье [10, с. 69–75] на примере директора Казанского Института научной организации труда обращает внимание на то, что советские власти не подвергали репрессиям руководство организации. Деятельности Центрального Института труда было посвящено исследование [13, с. 15–22] Ю.П. Надехиной, Е.В. Крюковой, А.Г. Геокчакяна.

Настоящая статья была написана на основе неопубликованных документов, которые хранятся в Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области. Кроме этого, источником для написания статьи послужил протокол № 19 Заседания Пленума Партколлегии Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) [20], который был обнаружен в Центре документации новейшей истории Ростовской области.

Обсуждение. ТИНОП был создан 30 марта 1921 г. [17, л. 2] в Таганроге после проведения в январе 1921 г. в Москве I-й Всероссийской конференции по научной организации труда. В рамках договора с советскими государственными и крайвыми учреждениями ТИНОП получил в аренду на срок в 10 лет несколько мельниц и маслозаводов на территории Юга РСФСР, которые в феврале 1924 г. были объединены им в опытно-промышленный трест. ТИНОП являлся общественной организацией, которая за все время своего существования не получала какой-либо финансовой поддержки от государства. Работа ТИНОПа контролировалась отделом научной организации ВСНХ; то есть, он не подчинялся местным краевым органам. В первые несколько лет своего существования ТИНОП подвергался критике со стороны краевых государственных и партийных органов, которым не нравилось, что в рядах данной организации кроме его председателя фактически нет представителей правящей Коммунистической партии и то, что он проводит свою, независимую политику, не соотносившейся с политикой РКП(б). В апреле 1925 г. СовНО-Том при НКРКИ СССР было проведено обследование ТИНОПа. По его итогам к 13 ноября 1925 г. проверяющие написали доклад «О Таганрогском институте научной организации производства» [18, л. 42], текст которого был утвержден на заседании Бюро СовНОТа при НКРКИ СССР. В данном документе его авторы признавали правоту ТИНОПа в его конфликте с местными и крайвыми органами по поводу арендованных предприятий. В тексте постановления предлага-

лось оставить за ТИНОПом его «прежней организационной самостоятельности» [18, л. 42] без юридического закрепления организации за каким-либо советским государственным учреждением. Институт должен был периодически отчитываться перед НКРКИ СССР и ВСНХ СССР, а также он должен быть освобожден от обследования центральными и местными организациями на срок не менее года. В последнем, третьем разделе под названием «Политическое положение ИНОПа» говорилось, что из-за недовольства местных органов власти и деятельностью ТИНОПа СовНОТ будет просит НКРКИ СССР «обеспечить для работы в Институте и укрепления краевой НОТовской работы – командирование видных партийных работников» [18, л. 42]. Данное решение было принято для усиления партийного контроля за деятельностью ТИНОПа.

Уже в начале 1926 г. вопрос о прикомандировании к ТИНОПу партийного работника был окончательно решен. 28 января 1926 г. П.М. Есманский отправил письмо [16, л. 1] в Первый дом Советов Александру Дионисовичу Чухалкину. В данном письме Есманский сообщил своему адресату, что Краевым партийным комитетом был подготовлен вопрос о его прикомандировании к ТИНОПу. Есманский спрашивал Чухалкина о том может ли тот приехать в Таганрог. Уже 2 февраля 1926 г. Чухалкин отправил Есманскому телеграмму [16, л. 2], в которой информировал его что он уже через несколько часов приедет в Таганрог. Из обнаруженного в Таганрогском филиале ГАРО списка личного состава организации на 01 декабря 1926 г. [19, л. 1] мы можем получить небольшую информацию о данной персоне. Чухалкин родился в 1883 г. Он имел низшее образование и по специальности являлся слесарем. Русский по национальности. Его семья состояла из жены, сына и дочери. До революции он работал на заводах рабочим.

Исходя из сохранившихся документов личного дела Чухалкина, хранящегося в Таганрогском филиале ГАРО, мы можем сделать вывод о том, что 14 февраля 1926 г. Чухалкин уже являлся сотрудником ТИНОПа. Об этом свидетельствует обнаруженное удостоверение [16, л. 3] от этого числа, в котором сообщалось, что А.Д. Чухалкин является членом Административной коллегии ТИНОПа, а также его уполномочие. Согласно ему [16, л. 4], А.Д. Чухалкин был уполномочен Институтом поддерживать интересы учреждения его иску к «Ласкараки, находящемуся на производстве Северо-Кавказского Краевого суда» [16, л. 4], а 09 марта 1926 г. он был уполномочен вести дело [16, л. 10] о Георгиевской мельнице № 4 с правом ходатайства во всех государственных учреждениях. Помимо этого, распоряжением [16, л. 6] П.М. Есманского от 19 февраля 1926 г. А.Д. Чухалкин был назначен заместителем председателя ТИНОПа с окладом в 150 рублей [16, л. 6] с 01 февраля 1926 г. 05 марта 1926 г. Бюро СовНОТа при НКРКИ СССР провело заседание, на котором был заслушан вопрос «Об изменениях в административном аппарате Таганрогского

Института (ИНОП)» [18, л. 54]. Члены совещания подтвердили. принятое еще 11 ноября 1925 г., решение о целесообразности включения А.Д. Чухалкина в Административную коллегия Института на должность заместителя председателя ТИНОПа. Во втором пункте выписки из протокола говорилось о том, что распределение обязанностей между членами Административной коллегией необходимо предоставить на её разрешение по мере сработанности нового ее состава. При этом они должны были ориентироваться на следующее распределение обязанностей между председателем и его заместителем. У главы ТИНОПа были следующие обязанности: руководство принципиальными и методическими сторонами деятельности учреждения, заведывание опытно-исследовательскими и рационализаторскими работами ТИНОПа и руководство его Учетно-Контрольным отделом. Заместитель председателя Чухалкин был ответственен за распорядительную деятельность по тресту ТИНОПа, организационно общественную деятельность по «увязке ИНОПа с краевыми и местными органами» [18, л. 54].

Но уже к маю 1926 г. отношения между председателем ТИНОПа П.М. Есманским и его заместителем А.Д. Чухалкиным резко ухудшились, и между ними начался конфликт. Об этом свидетельствуют обнаруженные документы в Таганрогском филиале ГАРО и ЦДНИРО. Чухалкин в своем письме [16, л. 19] от 22 мая 1926 г. начальнику Донской Рабоче-Крестьянской инспекции (ДОНРКИ) Г.Н. Яковлеву сообщал, что управляющий делами организации И.И. Лунев «заданиям Есманского выехал без ведома аппарата Административной коллегии, всей вероятности в Москву, склока переносится мимо Края» [16, л. 19]. Помимо этого, он в этот же день отправил письмо [16, л. 22] в Москву заместителям наркома НКРКИ СССР С.Е. Чуцкаеву и Д.З. Лебедю, в котором просил их не разрешать вопроса его взаимоотношений с Есманским до решения его краевыми партийными органами 27 мая 1926 г. Через два дня отправил еще одно письмо [16, л. 25] в Москву, но уже главе НКРКИ РСФСР Н.И. Ильину и его заместителю Н.В. Лисицыну, в котором информировал, что положение дел в организации требует срочных решений, его отношения с Есманским «обостряются» [16, л. 25], а хозяйственное положение треста и ТИНОПа стремительно ухудшается. В тот же день заместитель председателя отправил письмо [16, л. 27] директору Центрального Института труда и заместителю председателя СовНОТа при НКРКИ А.К. Гастеву. В нем Чухалкин информировал Гастева о том, что 27 мая 1926 г. Краевая РКИ заслушает вопрос его взаимоотношений с Есманским. В письме он пишет, что «дальнейшая работа опытного треста ухудшается» [16, л. 27], а в конце сообщил, что ждет распоряжений Гастева. На основании данных источников можно сделать вывод о том, что Чухалкин целиком и полностью делает ставку в данном конфликте на краевые органы власти, но при этом он информирует центральные органы власти о

положении дел в организации.

В чем же заключается причина конфликта между Есманским и Чухалкиным? Возможно, ответ нам может дать протокол № 19 Заседания Пленума Партколлегии Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) [20, л. 42-46], который был обнаружен в ЦДНИРО. Заседания Пленума состоялось 14 октября 1927 г. в Ростове-на-Дону уже после ликвидации Таганрогского ОНОПа. На данном заседании рассматривалась апелляция П.М. Есманского об исключении его из рядов ВКП(б), которое было принято 03 декабря 1926 г. постановлением Таганрогского Краевого комитета. Совершенные правонарушения он сделал во время пребывания в должности председателя ТИНОПа. Его обвиняли в том, что он пользовался тем, что юридическое положение не было закреплено официально и это «стало ему предлогом для уклонения от гласной отчетности и от распределения капитала ИНОПа по нормам, установленным для государственных учреждений» [20, л. 43], а также в том, что он довел предприятия опытного треста организации до «негодного состояния» и брал за помол крестьянского зерна большую оплату. Помимо этого, он в должности председателя списал безнадежных долгов и выданных в разное время авансов на 20000 рублей [20, л. 43] и оплатил наложенный на него штраф в размере 450 рублей [20, л. 43] из средств организации, а не из своих собственных и не считался с мнением Административной коллегией и Советом Института.

Но нас в данном источнике больше интересует проблема взаимоотношений Есманского со своим заместителем. В финальной части документа говорилось о том, что Есманский игнорировал краевые партийные организации и все присылаемые ими директивы, а также отказывался брать на работу членов ВКП(б), а при проверке списка служащих ТИНОПа в нем было обнаружено, что среди них есть бывшие владельцы предприятий, домовладельцы, офицеры и крупные царские чиновники, которые, как было сказано в документе, находились там на руководящих должностях. Из текста протокола следовало, что Есманский, руководя организацией, отказался принимать на должность заведующего производства, присланного из Таганрогского окружного комитета партии её члена, и даже провел через Административную коллегия постановление «О недопущении новых лиц, не имеющих опыта и знания в работе Института» [20, л. 44], на основании которого он и принял свое решение.

После этого в протоколе появляется фамилия Чухалкина, который был назначен Краевым комитетом партии и утвержден НКРКИ в должности заместителя директора ОНОПа. Согласно тексту документа, Чухалкин начал возражать против проводимой Есманским политики в ОНОПе. В ответ на возражения своего заместителя Есманский стал его дискредитировать, обвиняя того в том, что он появляется на работу в «пьяном виде» [20, л. 44] и угрожает рядовым сотрудникам

ОНОПа Объединенным Государственным политическим управлением). Но уже далее в тексте документа говорится о том, что в ответ на то, что Чухалкин отказался проводить «антипартийные постановления Есманского» [20, л. 44], принятые Административной коллегией, директор провел через нее распоряжение об освобождении своего заместителя от административных функций. Уже через несколько дней Есманский без согласования с краевой партийной организацией уволил Чухалкина. Помимо этого, Есманский миновал окружную и краевую организацию ВКП(б) и перенес возникший конфликт непосредственно в НКРКИ СССР. Когда было получено распоряжение о вызове туда для дачи показаний Есманского и Чухалкина, директор ОНОПа не поставил об этом в известность своего заместителя и выехал в Москву сам для дачи показаний в НКРКИ СССР. Данная информация частично подтверждается вышеупомянутым нами письмом Чухалкина руководителю ДОНРКИ, в котором говорится о том, что без ведома Административной коллегии Есманский отправил в Москву сотрудника ОНОПа И.И. Лунева и пытается вынести конфликт за пределы края. На основании вышеизложенной информации мы можем сделать вывод о том, что Есманский не желал подчиняться краевым партийным органам, проводил самостоятельную политику, то есть действовал в соответствии со взглядами на управление, которое было заложено в начале 1920-х гг.

Увольнение Чухалкина подтверждается и другими документами, которые хранятся в Таганрогском филиале ГАРО. В личном деле Чухалкина было обнаружено текста постановления Административной коллегии ОНОПа от 29 мая 1926 г. [16, л. 32], в котором сообщалось об освобождении заместителя директора от его обязанностей впредь до разрешения конфликта. Скорее всего, речь идет об упомянутом нами выше конфликте между Есманским и Чухалкиным. В своем письме [16, л. 33] Чухалкину от 29 июня 1926 г. Есманский сообщал, что на основании решения бухгалтерии, тому не будут платить жалованье. В личном деле Есманского хранится письмо СовНОТа при НКРКИ СССР с подписью А.К. Гастева, которое было отправлено 5 июня 1926 г. в Таганрог. Гастев информировал П.М. Есманского и А.Д. Чухалкина о том, что их было решено пригласить на заседание данного органа для дачи «объяснений о последних событиях в административной жизни Института» [15, л. 102]. Но в последнем абзаце есть просьба сообщить о том, когда они смогут приехать в Москву ввиду болезни Есманского. Своим распоряжением № 85 [15, л. 43] от 09 июня 1926 г. Есманский оставлял в качестве временно исполняющего обязанности директора ОНОПа А.П. Кувшинского. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Есманский все же отправился в Москву. В июле 1926 г. Чухалкин по распоряжению [16, л. 38] Есманского был отправлен в Ейск, в станицу Лабинскую, Дондуковскую, Брховецкую и Двинскую для обследования мельниц ОНОПа, руко-

водства заготовкой зерна, а также для контроля за реализацией продукции. На основании данной информации мы можем сделать вывод о том, что Чухалкин был восстановлен в должности; то есть, он имел поддержку от центральных и краевых органов власти, без которых вряд ли смог бы остаться работать в организации.

Результаты. Скорее всего, летом 1926 г. конфликт между ними не был решен. Осенью 1926 г. отношения между директором ОНОПа П.М. Есманским продолжали оставаться конфликтными. В своем письме [16, л. 50] от 03 октября 1926 г. Есманский подвергает Чухалкина критике из-за новостей, которые пришли из Георгиевской мельницы опытного треста ОНОПа «о безобразном состоянии дел» [16, л. 50] на ней. Есманский сообщал, что помещение конторы мельницы находится в грязном состоянии, оно не оборудовано, а документы разбросаны на полу, скамьях и окнах. На мельнице по этой причине невозможно проводить рационализаторскую работу, и поездка служащего ОНОПа И.Ф. Мареева по этой причине была бесполезной. Есманский в письме обращает внимание на то, что вся распорядительная работа и общее руководство работой на ней целиком возложено на Чухалкина, и он несет личную ответственность за все происходящее на ней. Есманский для устранения хаоса на мельнице советовал своему заместителю отправить туда «на длительный срок» [16, л. 50] и добиться «выделения помещения для конторы, ее ремонта и дооборудования, приглашения для нее штата» [16, л. 50] для восстановления там порядка. Только после наведения порядка туда собирались послать специалиста-рационализатора, в задачу которого не входит, как писал Есманский, «чистить от грязи помещение, закупать столы и шкафы, воевать с Маслотрестом» [16, л. 50]. В конце письма Есманский просил своего заместителя немедленно выехать по получению данного сообщения в Георгиевск и на месте лишить все проблемы. На наш взгляд, данное письмо показывает следующее. Есманский пытался отправить Чухалкина в длительную командировку и заодно старался его опорочить. Георгиевская мельница находилась в ведение ОНОПа с 1923 г. и трудно себе представить, что рабочие и служащие мельницы не смогли за это время, навести на ней элементарный порядок.

Скорее всего, данная командировка Чухалкина не состоялась. При этом в личном деле Чухалкина было обнаружено адресованное ему письмо [16, л. 53] Есманского, написанное 20 октября 1926 г. Есманский информировал своего коллегу о том, что он во время поездки в Москву по делам организации обратился к заместителю наркома НКРКИ СССР Д.З. Лебедю за указаниями о том, как будет ликвидирован конфликт между организацией и Чухалкиным. Лебедь приказал Есманскому возвращаться обратно в Таганрог, продолжать работу и ждать скорого вызова в Москву вместе с Чухалкиным на заседание Бюро СовНОТа, на котором будет обсуждаться их конфликт, а также, создавшееся в

ОНОПе положение. На его заседании данный вопрос должен был быть окончательно разрешен. До его заседания они должны вести работу согласно решению Совета Института, но при этом Чухалкин мог выполнять те или иные ответственные задания. Есманский сообщал ему в письме, что «такая форма сотрудничества будет оформлена постановлением Правления» [16, л. 53]. В последнем абзаце Есманский предупредил своего заместителя, что было бы неразумно переносить возникший между ними конфликт на рассмотрение Совета ОНОПа до решения Бюро СовНОТа при НКРКИ СССР. Но если Чухалкин бы настаивал на этом, то Есманский вынес рассмотрение данного вопроса из-за смерти бывшего служащего ОНОПа и инженера-рационализатора А.А. Андреева «на совместное обсуждение членов Правления и Ревизионной комиссии» [16, л. 53].

Но проигравшей стороной в данном конфликте стал П.М. Есманский. Из доверия [15, л. 225], которое было выдано П.М. Есманского как «сотруднику Научно-исследовательского отдела» [15, л. 225] ОНОПа 24 ноября 1926 г. заместителем временно исполняющего обязанности директора Общества научной организации производства Н.Ф. Боговаровым, мы узнаем следующую информацию. С 16 ноября 1926 г. Есманский находится в двухмесячном отпуске на основании протокольного постановления от 15 ноября 1926 г за № 8/4 [15, л. 225], и на день принятия постановления он уже не является директором ОНОПа. Временно исполняющим обязанности директора ОНОПа был назначен А.Д. Чухалкин. После завершения отпуска Есманский должен был быть уволен из ОНОПа, а 03 декабря 1926 г. Постановлением Таганрогским Краевым Комитетом Есманский был исключен из партии «как идеологически чуждый элемент» [20, л. 44]. Фактически, из-за нежелания подчиняться партийным органам власти и попыток сохранить самостоятельность в принятии решений, Есманский потерпел поражение в конфликте с А.Д. Чухалкиным, который был представителем центральных и краевых государственных и партийных органов власти. При этом стоит отметить, что похожая судьба постигла в 1931 г. Всеукраинский институт научной организации труда, во главе которого был поставлен полуграмотный и некомпетентный коммунист, латыш Я. Муценек, а прежде руководство обвинено в эсеровском и меньшевистском «уклоне» [12, с. 105]. В 1926 г. похожая ситуация произошла и в Центральном статистическом управлении СССР. Вместо П.И. Попова руководителем был назначен коммунист Н. Осинский (настоящее имя В.В. Оболенский), который являлся представителем правящей партии. Несмотря на то, что Попов состоял в РКП(б) с 1924 г., «ученый в нем брал верх над политиком» [5, с. 61] и это стоило ему должности. Историк В.Н. Абрамов в своей работе «Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.)» [1] обратил внимание на то, что после проведения XIV съезда ВКП(б),

который прошел в 1925 г., власти изменили свое отношение к технической интеллигенции в худшую сторону; то есть, в изучаемый нами период времени.

Судя по сохранившимся архивным документам, Чухалкин провел ревизию организации и обнаружил, что бывшие сотрудники организации совершали различные правонарушения. В личном деле Есманского была обнаружена справка [15, л. 231] от 01 февраля 1927 г., в котором сообщалось о том, что против ряда своих бывших сотрудников ОНОПом были заведены судебные дела. Против И.Т. Зарубина было заведено гражданское дело за задолженность; против Малыгина уголовное и гражданское дело из-за его незаконных действий и убытков; против Орехова и Сиканова уголовное и гражданское дело из-за «самовольного перебора жалованья» [15, л. 231] (то есть, самовольной растраты денежных средств); на Гринченко из-за превышения им полномочий было заведено уголовное дело; на Ласкараки гражданское дело за «перебор содержания» [15, л. 231] (растрата заработной платы); на К.С. Мешко и Бахчивандки гражданское дело за задолженность, а к А.А. Землянскому был предъявлен иск о задолженности. Данный документ был создан юрисконсультom организации А.П. Кувшинским. Таким образом, после отстранения Есманского от руководства ОНОПом временно исполняющий обязанности директора А.Д. Чухалкин приказал завести ряд дел по нецелевому использованию финансовых средств бывшими служащими организации. В сохранившихся архивных документах мы можем найти частичное подтверждение того, что некоторые из сотрудников организации во время работы в ней действительно совершили ряд злоупотреблений и преступлений.

14 февраля 1927 г. Правление ОНОПа в лице директора А.Д. Чухалкина, заведующего предприятими Н.Ф. Боговарова и юрисконсульта А.П. Кувшинского отправили письмо [15, л. 232] П.М. Есманскому, в котором сообщали ему, что в связи с окончанием его отпуска и грядущего увольнения, они просят его в кратчайший срок вернуть, находящееся у Есманского имущество и книги ОНОПа. 28 февраля 1927 г. П.М. Есманскому была выдана справка [15, л. 233] о том, что он с 14 февраля 1927 г. «не числится на службе в Обществе научной организации производства» [15, л. 233]. Конфликт между П.М. Есманским и А.Д. Чухалкиным имел сильные последствия для Таганрогского ОНОПа. 28 марта 1927 г. начала свою работу Ликвидационная комиссия Северо-Кавказского Краевого исполнительного комитета по делам ОНОПа. А.Д. Чухалкин входил в ее состав с 28 марта 1927 г. по 25 июня 1927 г. Данную информацию мы можем обнаружить в выданном А.Д. Чухалкину удостоверении [16, л. 77]. Председатель Ликвидационной комиссии в документе охарактеризовал Чухалкина как честного человека, который добросовестно относится к возложенным на него обязанностям с «полным знанием своего дела» [16, л. 77]. В конце

документа было указано, что Чухалкин согласно протоколу Северо-Кавказского Крайисполкома от 09 марта 1927 г. за №140/177 был освобожден от должности из-за ликвидации ОНОПа. Но официально о ликвидации ОНОПа было сообщено лишь через месяц. В №79 (118) таганрогской газеты «Красное знамя» за 7 апреля 1927 г. [14, с. 1–4] на последней странице номера в разделе «Несколько строк» было следующая, короткая новость о таганрогском ОНОПе: «ИНОП постановлением центральных органов ликвидируется» [14, с. 4].

Заключение. Таким образом, кризис управления в таганрогском ОНОПе имел огромные последствия для организации и лично для его директора П.М. Есмманского. Несмотря на то, что Есмманский был членом правящей партии и имел довольно солидный дореволюционный стаж, он, в первую очередь, являлся ученым, который не желал подчиняться контролю со стороны партийных структур и пытался бороться за сохранение независимости организации. ТИНОП, созданный на завершающем этапе Гражданской войны, нес на себе печать многих традиций этого периода времени и с трудом вписывался в быстро меняющееся социальное пространство нового государства, в котором росла вертикальная ответственность и росло значение партии. Представителем правящей партии в ОНОПе был А.Д. Чухалкин, который был назначен заместителем Есмманского центральными органами вла-

сти при полном согласии краевых партийных структур. Он стал возражать против проводимой Есмманским политики, и именно из-за этого в организации начался кризис, продолжавшийся более полугода. Есмманский пытался дискредитировать в глазах партийных структур Чухалкина и для этого пытался заручиться поддержкой центральных органов власти, но все его попытки закончились полным провалом. В результате, П.М. Есмманский в ноябре 1926 г. был отстранен от своих обязанностей, отправлен в принудительных отпуск и, спустя два месяца, был уволен из таганрогского ОНОПа. Сильным ударом для него стало и исключение из рядов правящей Коммунистической партии. Другим последствием данного кризиса стало принятие решение о ликвидации Таганрогского ОНОПа весной 1927 г. Данный конфликт является проявлением процесса перестройки всей системы управления, заложенных в начале 20-х гг. XX века, когда личная инициатива работника или руководителя была важнее чем административный порядок управления. Этот процесс совпал с усилением партийного влияния на экономическую жизнь страны, которое проявилось в отказе от проведения НЭПа и перехода к командно-административному планированию, выразившемуся в усилении роли государственно-партийной бюрократии при отсутствии экономических свобод, ликвидации независимости организации и учреждений, руководители которых могли принимать самостоятельные решения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.). СПб. : Афина, 2006. 197 с.
2. Аганов А.А. Деятельность Таганрогского института научной организации производства на предприятиях его опытно-промышленного треста (по материалам таганрогского филиала ГАРО) / А.А. Аганов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. № 4. С. 10–14.
3. Аганов А.А. Таганрогский институт научной организации производства об организации товарообмена между городом и деревней (по материалам Таганрогского филиала ГАРО) / А.А. Аганов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 2. С. 13–16.
4. Анпилогова Т.Ю. Таганрогский Институт научной организации производства – первое научно-исследовательское учреждение Донбасса / Т.Ю. Анпилогова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. Ростов-н/Д. : Издательство Южного Федерального университета, 2016. Т. 7. С. 89–91.
5. Блюм А. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / А. Блюм, М. Меспуле. М. : Росийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 328 с.
6. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917–1923 гг. М. : Наука, 2006. 232 с.
7. Карашев А.В. Первые научные школы организации труда и управления в истории российской экономической мысли 20-х годов : дис. ... кандидата экономических наук. СПб., 1997. 198 с.
8. Корицкий Э.Б. Каким быть управлению: воззрения российских экономистов 20-х годов / Э.Б. Корицкий,

- В.Х. Шетов. Нальчик : Эльбрус, 1995. 142 с.
9. Корицкий Э.Б. Развитие науки о менеджменте в России в 1900–1950-е гг. // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1. С. 127–144.
 10. Костриков С.П. И.М. Бурдянский: «За рационализацию!» / С.П. Костриков // Вестник университета. 2014. № 18. С. 69–75.
 11. Ланкин В.Е. Опыт работы Таганрогского института научной организации производства Донбасса и юго-востока России в условиях новой экономической политики (1921–1926 гг.) / В.Е. Ланкин, В.Г. Шевелев // Известия ТРТУ. 1995. № 1. С. 96–97.
 12. Михайличенко Д.Ю. Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента (1921–1930 гг.) / Д.Ю. Михайличенко // Гилея. 2012. № 5. С. 100–106.
 13. Надехина Ю.П. «Культура труда» и «культурная революция» / Ю.П. Надехина, Е.В. Крюкова, А.Г. Геокчакян // Человек и культура. 2023. № 2. С. 15–22.
 14. Таганрогская библиотека имени А.П. Чехова. Красное Знамя: ежедневная газета Таганрогского Округа РКП(б). Окрисполкома и Окровпрофа: 1927. № 79(1518) (07 апр.). 4 с.
 15. Таганрогский филиал ГАРО. Ф.Р-107. Оп. 1. Д. 26.
 16. Таганрогский филиал ГАРО. Ф.Р-107. Оп. 1. Д. 53.
 17. Таганрогский филиал ГАРО. Ф.Р-107. Оп. 1. Д. 70.
 18. Таганрогский филиал ГАРО. Ф.Р-107. Оп. 1. Д. 85.
 19. Таганрогский филиал ГАРО. Ф.Р-107. Оп. 1. Д. 99.
 20. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 563.

References:

1. Abramov V.N. Technical intelligentsia of Russia in the conditions of the formation of the Bolshevik political regime (1921 – late 30s). SPb. : Athena, 2006. 197 p.
2. Aganov A.A. Activities of the Taganrog Institute of Scientific Organization of Production at the enterprises of its experimental industrial trust (based on materials from the Taganrog branch of GARO) / A.A. Aganov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Culturology. Political science. 2022. № 4. P. 10–14.
3. Aganov A.A. Taganrog Institute of Scientific Organization of Production on the organization of commodity exchange between city and village (based on materials from the Taganrog branch of GARO) / A.A. Aganov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Culturology. Political science. 2023. № 2. P. 13–16.
4. Anpilogova T.Yu. Taganrog Institute of Scientific Organization of Production – the first scientific research institution in Donbass / T.Yu. Anpilogova // Donetsk readings 2016. Education, science and challenges of our time. Rostov-on/D. : Southern Federal University Publishing House, 2016. Vol. 7. P. 89–91.
5. Blum A. Bureaucratic anarchy: Statistics and power under Stalin / A. Blum, M. Mespule. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. 328 p.
6. Gimpelson E. G. Formation of the Soviet political system 1917–1923. M. : Nauka, 2006. 232 p.
7. Karashev A.V. The first scientific schools of labor organization and management in the history of Russian economic thought of the 20s : dis. ... candidate of economic sciences. SPb., 1997. 198 p.
8. Koritsky E.B. What kind of management should be: views of Russian economists of the 20s / E.B. Koritsky, V.Kh. Shetov. Nalchik : Elbrus, 1995. 142 p.
9. Koritsky E.B. Development of management science in Russia in the 1900-1950s. // Russian Journal of Management. 2005. Vol. 3. № 1. P. 127–144.
10. Kostrikov S.P. I.M. Burdyansky: «For rationalization!» / S.P. Kostrikov // Bulletin of the University. 2014. № 18. P. 69–75.
11. Lankin V.E. Experience of the Taganrog Institute of Scientific Organization of Production of Donbass and South-East Russia in the conditions of the new economic policy (1921–1926) / V.E. Lankin, V.G. Shevelev // News of TRTU. 1995. № 1. P. 96–97.
12. Mikhailichenko D.Yu. All-Ukrainian Institute of Labor and the formation of the Kharkov school of scientific management (1921–1930) // Gileya. 2012. № 5. P. 100–106.
13. Nadekhina Yu.P. «Culture of labor» and «cultural revolution» / Yu.P. Nadekhina, E.V. Kryukova, A.G. Geokchakyan // Man and culture. 2023. № 2. P. 15–22.
14. Taganrog Library named after A.P. Chekhov. Red Banner: daily newspaper of the Taganrog Regional Committee of the RCP (b). District Executive Committee and Okrovprof: 1927. № 79(1518) (April 07). 4 p.
15. Taganrog branch of GARO. F.R-107. Op. 1. D. 26.
16. Taganrog branch of GARO. F.R-107. Op. 1. D. 53.
17. Taganrog branch of GARO. F.R-107. Op. 1. D. 70.
18. Taganrog branch of GARO. F.R-107. Op. 1. D. 85.
19. Taganrog branch of GARO. F.R-107. Op. 1. D. 99.
20. Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNIRO). F.R-7. Op. 1. D. 563.

Информация об авторе

Аганов Андрей Анатольевич
аспирант кафедры отечественной истории
средних веков и нового времени
Института истории и международных отношений,
Южный Федеральный университет
Aganoff.a@yandex.ru

Andrey A. Aganov
Postgraduate Student
of the Department of National History
of the Middle Ages and Modern Times
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University
Aganoff.a@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.54.24.003>
УДК 93/94

Attribution
cc by

ОБРАЗ ЛЖЕДМИТРИЯ III: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Алексеев В.В.

«Военный институт (военных дирижеров) Военного университета имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Смутное время и воцарение Лжедмитрия III – один из самых малоизученных этапов отечественной истории. В широком доступе информации о данном периоде достаточно мало, однако, благодаря архивам и летописям Пскова, удалось найти редкие документы с информацией о последнем Самозванце в России. В статье рассматриваются такие вопросы, как: появление Лжедмитрия как царя, восход на престол, царствование и последующая его жизнь. В задачи исследования вошло: систематизировать из разных источников информацию о социальной борьбе в Пскове в начале XVII века, максимально полно отобразить образ Лжедмитрия III, найти и убрать сомнительные сведения о Самозванце. Затронутая тема достаточно обширна и малоизученна, что может представлять большой интерес для историков.

Ключевые слова: смутное время, Лжедмитрий II, Лжедмитрий III, Шуйский, Псков XVI–XVII вв., Сидорка, социальная борьба.

THE IMAGE OF FALSE DMITRY III: HISTORICAL CONTEXT

Vladimir V. Alekseev

Military Institute (Military Conductors) Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The Time of Troubles and the accession of False Dmitry III is one of the most poorly studied stages of history. There is very little information about this period in the public domain, however, thanks to the archives and chronicles of Pskov, it was possible to find rare documents with information about the last Pretender in Russia. The article discusses such issues as: the emergence of False Dmitry as a king, his ascension to the throne, his reign and his subsequent life. The objectives of the study included: systematizing information from various sources about the social struggle in Pskov at the beginning of the 17th century, displaying the image of False Dmitry III as fully as possible, finding and removing dubious information about the Pretender. The topic raised is quite extensive and little studied, which may be of great interest to historians.

Keywords: time of troubles, False Dmitry II, False Dmitry III, Shuisky, Pskov XVI–XVII centuries, Sidorka, social struggle.

Введение.

Смутное время конца XVI – начала XVII веков, ставшее переломным в судьбах Русского государства, относится к числу наиболее сложных и драматичных периодов отечественной истории. Все общественные силы страны оказались, так или иначе, вовлечёнными в быстро меняющиеся события. Особенно острой была политическая борьба. Достаточно сказать, что за время Смуты на русский престол претендовало 14 человек, 8 из них правили страной [1, с. 3].

Один из претендентов, Лжедмитрий III, с лёгкой руки современников вошёл в историю как «псковский вор» Сидорка: в условиях Смутного времени самозванцу удалось почти на 6 месяцев утвердиться в Пскове. Некоторое время он был популярен, и 02 марта 1612 года отряды Первого ополчения даже присягнули объявившемуся «царевичу Дмитрию».

Между тем, в исторической литературе отсутствуют сколько-нибудь подробные сведения о самозванце. В фундаментальных «Очерках по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков» известного историка С.Ф. Платонова о Сидорке почти не говорится [2]. В «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва самозванцу посвящено несколько строк [3]. Даже в научно-популярных изданиях «Псков. Очерки истории» [4] и «Псковский край в истории России» его имя не упоминается [5].

Вот почему настоящая работа имеет своей целью собрать воедино имеющиеся о Лжедмитрии III данные: появление как царя, восход на престол, царствование и последующая. Но прежде чем обратиться к биографии самозванца и обстоятельствам утверждения его в Пскове, следует коснуться некоторых событий псковской истории начала XVII века и особенно восстания 1606–1611 годов.

Социальная борьба в Пскове в начале XVII века.

В Пскове XVII века положение различных слоёв населения и даже различных групп внутри одного слоя было неодинаковым. Следствием имущественного расслоения явилось явное деление жителей на две противоположные силы, столкновение интересов которых на протяжении 17 столетия неоднократно доходило до вооружённой борьбы. С одной стороны, «молодые» посадские люди, молодые стрельцы, монастырские служки, площадные подьячие, некоторые попы и дьяконы из низших слоёв духовенства, с другой – «лучшие» посадские люди, стрелецкие пятидесятники, чёрное и, отчасти, белое духовенство, подьячие на государственной службе и дети боярские. Посередине стоят промежуточные группы: старые стрельцы, «средние» посадские люди, казаки, пушкари и часть духовенства [6, с. 36–47].

К началу XVII века социальные противоречия в Пскове, как и во всей России, оказались обострёнными до предела. Это было обусловлено, в первую очередь, хозяйственным упадком посадков, наступившим в результате Ливонской войны и связанной с нею жестокой фискальной политикой царского правительства. К налоговому гнёту добавились злоупотребления воевод. Голод 1601–1603 гг. ещё более усугубил тяжесть положения горожан. Социальная напряжённость в Пскове привела к восстанию 1606–1611 гг., в развитии которого прослеживается несколько этапов.

Началось восстание в связи с тем, что в 1606 г. «царь Василий Шуйский просал денег з гостей славных мужей и великих, ... и оне собрали девятьсот рублей со всего Пскова, з больших и с меньших и со вдовиц по раскладу» [7, с. 267]. В Москву с деньгами отправили пятерых псковичей. Одновременно псковский воевода Пётр Шереметев послал письмо, в котором обвинил четверых из них в нежелании добра государю и отказе дать деньги. Посланцы были арестованы и приговорены к казни. Только заступничество псковских стрельцов, находившихся в то время в Москве, позволило арестованным сохранить жизнь.

Известие о судьбе четверых псковичей вызвало в Пскове бурю возмущения против семерых «гостей» во главе с Алексеем Хозиным – виновником несправедливого «расклада». Воевода вынужден был посадить их в тюрьму во избежание восстания и расправы. В Москву послали письмо с требованием отпустить задержанных псковичей: «... а за тех людей гости посажены в тюрьмы, и смятение великое во Пскове» [7, с. 268]. Задержанные вернулись из Москвы домой, но волнения не утихли: «Развращение бысть велие во Пскове, болшии на меньших, меньшии на больших, и тако бысть к гибели всем» [7, с. 268]. В 1607 г. царь Василий Шуйский прислал в Псков, в тюрьмы, более 400 человек

болотниковцев, «и тех псковичи поили, и кормили, и одевали, и плакали на них смотря» [7, с. 269]. Из того, что псковичи не отважились выпустить заключённых, несмотря на сочувствие к ним, видно, что к этому времени волнение в Пскове временно затихло [8, 87].

Новый подъём восстания произошёл 01 сентября 1608 г. и был связан с многочисленными злоупотреблениями со стороны воеводы П. Шереметева и дьяка И. Грамотина, а также опасностью подхода шведских интервентов. К этому времени на западных окраинах России появился Лжедмитрий II, вокруг которого объединились и польская интервенция, и массовое движение различных социальных сил внутри самого Русского государства. Отряды самозванца, состоявшие преимущественно из русских, достигли Псковской земли и стали агитировать население за «законного царя». Воевода П. Шереметев не смог организовать отпор тушинцам и решил воспользоваться помощью шведов, с которыми вёл переговоры М.В. Скопин-Шуйский о совместных военных действиях против Лжедмитрия II и польско-литовских магнатов. Однако псковичи решительно отказались от услуг иноземцев: «Мы де не хотим Немець, и за то погрём» [7, с. 270].

Антинациональная политика и злоупотребления местной власти привели к её полной изоляции. Население города разделилось на две части, большинство было против воеводы и иноземной помощи. К тому же, стало известно, что П. Шереметев направил в Москву письмо с обвинением в измене государю 70 псковичей. Он надеялся с приходом новгородско-шведского войска «стрельцов казнити, и Псков смирити» [7, с. 270].

Как только 01 сентября 1608 г. пронёсся слух, будто шведы появились в устье Великой, псковичи впустили в город отряд тушинского воеводы Ф. Плещеева. Его боеспособность была крайне низкой: «... а людишки худые стрельцы и подымщина не многие ратные люди» [7, с. 271]. Власть воеводы рухнула, следовательно, не под напором тушинцев, а в результате восстания. На другой день, 02 сентября, горожане целовали крест «царевичу Дмитрию Московскому» (т.е. Лжедмитрию II), выпустили из тюрем болотниковцев. Шереметев был заключён в тюрьму, его место заняли тушинские воеводы. Псковичи не чувствовали себя изменниками. Для них было главным, чтобы иноземцы не овладели псковскими городами. Вслед за Псковом осенью 1608 г. целовали крест Лжедмитрию II Копорье, Ям, Ивангород, Корела, Орешек.

Третий этап восстания, принёсший победу наиболее радикально настроенной прослойке «меньших», начался в связи с большим пожаром 15 мая 1609 г. «Меньшие» обвинили «больших» в поджоге и поднялись на их дома и дворы. Вскочив к Пскову, по приказу М.В. Скопина-Шуйского, подошёл новгородско-шведский отряд, неоднократно пытавшийся овладеть городом. При попытке перебежать к шведам, было пойма-

но несколько богатых псковичей, которые под пытками рассказали о многочисленных фактах связи «больших» людей с врагами.

В этой обстановке социальная борьба в Пскове достигла своей высшей точки. Заново сложились два борющихся лагеря, размежевание стало резче и чётче: в лагере «меньших» не стало даже ничтожного числа «детей боярских», а «средние» отошли от «больших». В городе воскресли вечевые порядки, все дела решались всенародно. Тушинского воеводу не свергли, но инициатива перешла в руки выборных старост, посадских мелких людей и стрельцов. Среди них выдвинулся «мужик простой» Тимофей Кудекуша, который «воеводам указывал и стоял крепко у пыток, а инии к нему таковыи же присташи и овладеша градом» [7, с. 272].

В июне 1609 г. был убит свергнутый воевода П.Н. Шереметев. Но пытки и казни не были самоцелью, они были средством вернуть городу его силу и неприступность, отразить шведов и их сторонников. С лета 1609 г. Псков не подчинялся ни тушинцам, ни Шуйскому, а жил сам по себе и помогал пригородам в борьбе с иноземцами. Высокий подъём восстания продолжался 3 месяца. Перелом произошёл 18 августа 1609 г., когда стрельцы без совета со всем Псковом казнили видного псковского купца Алексея Хозина, за что были изгнаны из города в свою слободу. Если прежде «больших» казнили за связь с интервентами, то теперь на первый план выступили социальные причины. Такой оборот дела напугал «средних» людей, и они переметнулись в лагерь «больших». Соотношение сил изменилось, началась расправа над восставшими: 10 руководителей из их числа были казнены, остальных пытали и били кнутом.

Однако в феврале 1610 г. борьба обрела новый поворот. Получив известие о разгроме отрядов Лжедмитрия II, «большие» люди вооружились и собрались за стенами Крома, чтобы принести присягу Василию Шуйскому и окончательно смирить «мелких» людей. Опасность расправы привела к объединению сил и вооружённому выступлению торгово-ремесленного населения и стрельцов. «Меньшие» снова пришли к власти. Хотя в их действиях не было прежнего радикализма, население города выстояло против внутренней оппозиции и решало без всякой помощи извне сложные дела повседневной жизни и обороны от поляков и шведов. «В те лета смутные воевод не было во Пскове, один был диякъ Иван Леонтеевич Луговской да посадские люди даны ему в помочь. И с теми людьми всякие дела и ратные и земские расправы чинил. И Божию милостию иноземцы не совладели ни единым городом псковским» [7, с. 276]. На требование Москвы присягнуть польскому королевичу Владиславу псковичи ответили решительным отказом.

Именно в этот период на псковской земле неожиданно объявился новый самозванец.

Лжедмитрий III.

Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь заходила о Лжедмитрии III. В грамотах князя Дмитрия Пожарского, например, самозванец именуется «вором Сидоркой» [9, с. 95]. В рассказе «Нового летописца» с заголовком «О Сидорке, Псковском воре», вдруг сообщается, что он «с Москвы из-за Язы дьякон Матюшка и назвался царём Дмитрием» [10, с. 115]. Исследователи так никогда и не установили истинного имени Лжедмитрия III, как и многих других фактов его биографии.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. В поле зрения историков, сбегавший из Москвы «роздьякон», попал уже будучи в Новгороде, где пытался заняться мелкой торговлей. Вскоре он разорился, вынужден был просить милостыню, тогда-то и объявил новгородцам своё «царское» имя. Толпа осыпала новоявленного царя насмешками: многие узнали в нём бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось бежать из Новгорода в Ивангород в сопровождении нескольких десятков поверивших ему казаков [11, с. 399]. Летопись сообщает, что 23 марта 1611 г. «в Великую субботу проявился последнеи вор из Новагорода, назвався царевичем Димитрием» [7, с. 275].

Обосновавшись в Ивангороде и добившись там признания, Лжедмитрий III начал рассылать грамоты в Псков и пригороды, заявляя, что он «царь». Псковичи невероятной новости не поверили. Они с позором отправили назад привезшего грамоту посланца «царевича» и заявили, что «ивангородский вор» безбожник и вероотступник и что они не хотят его к себе в цари [12, с. 159–161]. Ворами в те времена называли людей, которые шли против царя.

Однако среди горожан обнаружили и сторонники самозванца. Псковские казаки объявили 15 апреля, что выступают в поход против отрядов Лисовского, а сами «пошли на Ивангород к вору» [7, с. 276]. Получив такую поддержку, Лжедмитрий III собрал всё своё воинство и 08 июля 1611 г. подошёл к Пскову. Псковичи отклонили требование «царевича» предоставить ему ключи от города и не открыли ворот.

Началась более чем шестинедельная осада. В ход были пущены стенобитные и метательные орудия, город постоянно обстреливался, но мужественное сопротивление горожан свело на нет все усилия самозванца.

Внезапно осаждавшие ушли: испугавшись приближения шведов, Лжедмитрий III со своим войском 23 августа бежал к Ивангороду. Иноземцы настигли беглецов за Гдовом, перебили многих людей, но самому «вору» с небольшим отрядом удалось спастись [12, с. 161].

Восставший Псков в этот период времени оказался в тяжелейшем положении. Псковская зем-

ля подверглась разорению от набега польско-литовских войск гетмана Яна Ходкевича, отрядов служившего полякам тушинского воеводы А.Лисовского, шведских войск во главе с И. Горном. Враги неоднократно осаждали и обстреливали город, пытались завладеть им. «Многие напасти отсюда сходятся, а помощи ниоткуда нет», – восклицает летописец [7, с. 276].

Из последних сил отражая натиск иноземных захватчиков, псковичи обратились за помощью к первому ополчению. Оттуда в октябре прибыли воеводы Н. Хвостов и М. Милославский с отрядом казаков, среди которых было много сторонников казнённого Лжедмитрия II. Это, очевидно, изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации из Пскова в Ивангород были посланы выборные от всех сословий. Они явились к «царевичу Дмитрию» с повинной и передали приглашение псковского «мира».

Самозванец не заставил себя ждать: «декабря в 4 день проиде сквозе Немец вор во Псков», где был принят со всеми почестями [7, с. 277]. Такой поворот событий – приезд бояр-воевод и признание нового самозванца – означал, видимо, конец восстания и победу «больших» в Пскове: из темниц были освобождены богатые псковичи, на их место посажены представители «меньших» [8, с. 97].

Одним из первых дел Лжедмитрия III по водворении его в Пскове явилась посылка в подмосковные таборы казачьего атамана Герасима Попова с грамотами, в которых сообщалось, что «царевич» жив «и ныне во Пскове» [10, с. 115]. В ответ подмосковные воеводы в январе 1612 г. направили в Псков Казарина Бегичева, лично знавшего убитого Лжедмитрия II. Бегичев, встретившись с самозванцем и увидев вокруг него плотное кольцо грозных телохранителей, побоялся расправы и вынужден был подтвердить «подлинность» чудом спасшегося «царевича». «Той же Казарин не пожелел своей души и старости и, увидев вора, воскричал велиим гласом, что «истинной государь наш, Колужской» [10, с. 118]. В результате, уже 02 марта 1612 года подмосковные таборы «целовали крест» самозванцу.

Однако руководители и ветераны ополчения, своими глазами видевшие труп Лжедмитрия II с отрубленной головой, решили разоблачить «псковского вора». Его ещё открыто не отвергли, но имя «царевича Дмитрия» уже в марте исчезло из грамот подмосковных воевод. В Псков с целью «правда вора досмотреть» был послан в марте Иван Васильевич Плещеев, который у «Калужского вора близок был» и потому авторитетнее других мог выяснить, он ли царствовал теперь в Пскове [9, с. 102].

Плещеев прибыл в Псков 11 апреля, и в начале мая под Москвой получили от него известие о самозванстве нового Дмитрия. Уже 10 мая, чтобы лишить Лжедмитрия III верных ему казаков, последних послали из Пскова в Порхов [9, с. 103]. Положение самозванца в Пскове к этому времени было очень непрочным. Горожане разочаровались в «царевиче»: он лишь развратничал и облагал поборами, оказался неспособным изгнать за пределы Псковщины иноземцев. «Тогда псковичи окончательно разуверились в лжецарях, обманщиках, и начали тужить и страдать от его притеснений» [12, с. 161].

Почуввав близкую опасность, Сидорка ночью 18 мая 1612 г. бежал к Гдову с небольшим отрядом казаков. Однако уже 20 мая его поймали, привезли на позор в Псков, а 1 июля под усиленной охраной отправили в Москву [7, с. 277]. Там руководители ополчения поступили мудро. Вместо того, чтобы казнить «вора», они посадили его на цепь в клетку для всеобщего обозрения. Всякий мог увидеть лжецаря и плюнуть на него [11, с. 489]. Исследователи, специально занимавшиеся изучением биографии Сидорки, отмечают, что дальнейших известий о его судьбе не сохранилось [11, с. 489; 13, с. 857]. Вместе с тем, историк В.И. Охотникова сообщает, что после избрания на престол Михаила Романова самозванец был повешен [12, с. 568]. Так бесславно закончилась жизнь авантюриста Сидорки (или Матюшки), третьего по счёту Лжедмитрия.

Заключение.

В начале XVII века Псков не был в эпицентре бурных событий в Российском государстве и в сложной политической борьбе того времени занимал независимую позицию. По справедливому замечанию В.И. Охотниковой, псковичи сами решали, кому присягать и кого признавать, кого из новых претендентов на царский престол поддерживать [12, с. 566–567]. История утверждения в Пскове на пять с половиной месяцев Лжедмитрия III является тому подтверждением.

Однозначно оценить позицию псковичей невозможно, она была противоречивой и осложнялась внутренней борьбой между различными социальными группировками в самом Пскове. Следует отметить, однако, что в это смутное время Псков был почти единственным городом, который не шёл ни на какие соглашения с иноземцами, претендовавшими на политическое господство. Псковичи защищали свои земли от польских отрядов Лисовского, в течение нескольких лет вели постоянную борьбу со шведами, отказались присягать королевичу Владиславу, ставленнику московского боярства. Как и в прежние века, Псков оставался верен Отчизне и с завидным упорством отстаивал интересы Русского государства.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Морозова Л.Е. Смутное время в России (конец XVI – начало XVII в.). М., 1990. 63 с.
2. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). М., 1937. 624 с.
3. Соловьев С.Н. Сочинения : в 18 кн. М., 1989. Кн. 4. История России с древнейших времен. Т. 7–8.
4. Псковский край в истории СССР. Очерки истории. Л., 1970. 479 с.
5. Псковский край в истории России. Псков, 1994. 319 с.
6. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России 17 в. М., 1969. 444 с.
7. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. 364 с.
8. Псков. Очерки истории. Л., 1990. 367 с.
9. Любомиров П.Г. Очерк по истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. 342 с.
10. Новый летописец // Полное Собрание Русских Летописей. М., 1965. Т. 14. 285 с.
11. Скрынников Р.Г. Крушение царства: Историческое повествование (Смутное время. Конец XVI – начало XVII в.). М., 1995. 129 с.
12. Псковская летописная повесть о Смутном времени (Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой). Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 146–161.
13. Назаров В.Д. Сидорка. Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. 792 с.

References:

1. Morozova L.E. Time of Troubles in Russia (late 16th – early 17th centuries). M., 1990. 63 p.
2. Platonov S.F. Essays on the history of the Time of Troubles in the Moscow State of the 16th – 17th centuries. (Experience in studying the social system and class relations in troubled times). M., 1937. 624 p.
3. Soloviev S.N. Essays. In 18 books. M., 1989. Book. 4. History of Russia since ancient times. Vol. 7–8.
4. Pskov region in the history of the USSR. Essays on history. L., 1970. 479 p.
5. Pskov region in the history of Russia. Pskov, 1994. 319 p.
6. Tikhomirov M.N. Class struggle in Russia in the 17th century. M., 1969. 444 p.
7. Pskov Chronicles / Edited by A.N. Nasonov. M., 1955. Iss. 2. 364 p.
8. Pskov. Essays on history. L., 1990. 367 p.
9. Lyubomirov P.G. Essay on the history of the Nizhny Novgorod militia of 1611–1613. M., 1939. 342 p.
10. New Chronicler // Complete Collection of Russian Chronicles. M., 1965. Vol. 14. 285 p.
11. Skrynnikov R.G. The Collapse of the Kingdom: Historical Narrative (Time of Troubles. End of the 16th – beginning of the 17th century). M., 1995. 129 p.
12. Pskov chronicle story about the Time of Troubles (Text preparation, translation and comments by V.I. Okhotnikova) / Monuments of literature of Ancient Rus. The end of the 16th – the beginning of the 17th centuries. M., 1987. P. 146–161
13. Nazarov V.D. Sidorka / Soviet historical encyclopedia. M., 1969. Vol. 12. 792 p.

Информация об авторе

Алексеев Владимир Валентинович
курсант «Военного института (военных дирижеров)
Военного университета
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации,
г. Москва
vova54417@gmail.com

Vladimir V. Alekseev
Cadet of the Military Institute (Military Conductors)
of the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow
vova54417@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.34.91.001>
УДК 93

Attribution
cc by

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ: БОРЬБА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ВЕРУЮЩИМИ

Валитов А.А.¹, Дианов С.А.²

¹ФГБУН Тобольская комплексная научная станция,

²ФГАОУ ВО Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Аннотация. В статье проанализирована деятельность советской власти в 1922 г. Становление нового большевистского государства сопровождалось утверждением революционных идеологических установок. Политические руководители определили в качестве основного врага Русскую Православную Церковь. На протяжении первых десятилетий существования Советов идет целенаправленная борьба по ослаблению авторитета и роли РПЦ в жизни общества. Одним из этапов репрессий против Церкви и верующих является кампания по изъятию церковных ценностей. На материалах Тобольской епархии показано, каким образом и какими средствами осуществлялась данная реквизиция. Основной целью кампании 1922 г., направленной на конфискацию ценностей являлось физическое уничтожение церкви и верующих. Отчуждение богослужебных предметов ставило под вопрос существование церкви. Выводы. Анализ исторических источников свидетельствует о том, что кампания по изъятию ценностей 1922 г. проходившая под лозунгом помощи голодающим, выступала в качестве важного этапа борьбы советского государства с РПЦ и, в том числе с верующими. Кампания 1922 г. была своеобразным «учением» советской власти, каким образом и какими средствами можно в дальнейшем действовать по отношению к РПЦ и верующим. Отсутствие массовой реакции со стороны населения, особенно на местах, свидетельствовало, о том, что в дальнейшем можно действовать более жестко.

Ключевые слова: Русская православная церковь, церковные ценности, голод, духовенство, идеология, репрессивная политика, Тобольская епархия.

SEIZURE OF CHURCH VALUABLES IN THE TOBOLSK DIOCESE: THE STRUGGLE OF THE SOVIET GOVERNMENT WITH THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND BELIEVERS

Alexander A. Valitov¹, Sergey A. Dianov²

¹Tobolsk Integrated Scientific Station,

²Perm National Research Polytechnic University

Abstract. The article analyzes the activities of the Soviet government in 1922. The formation of a new Bolshevik state was accompanied by the establishment of revolutionary ideological attitudes. Political leaders have identified the Russian Orthodox Church as the main enemy. During the first decades of the existence of the Soviets, there has been a purposeful struggle to weaken the authority and role of the ROC in the life of society. One of the stages of repression against the Church and believers is a campaign to seize church values. The materials of the Tobolsk diocese show how and by what means this requisition was carried out. The main goal of the 1922 campaign aimed at the confiscation of valuables was the physical destruction of the church and believers. The alienation of liturgical objects called into question the existence of the church. Findings. An analysis of historical sources shows that the 1922 campaign to confiscate valuables, which took place under the slogan of helping the starving, was an important stage in the struggle of the Soviet state against the Russian Orthodox Church, including believers. The campaign of 1922 was a kind of "teaching" of the Soviet authorities on how and by what means they could act in the future in relation to the Russian Orthodox Church and believers. The lack of mass reaction on the part of the population, especially on the ground, indicated that it was possible to act more harshly in the future.

Keywords: Russian Orthodox Church, church values, famine, clergy, ideology, repressive policy, Tobolsk Diocese.

Введение.

В отечественной историографии в последние годы идет процесс переосмысления исторических событий, происшедших более ста лет назад. Современные исследователи все чаще приходят к выводу, а том, что кампания 1922 г. по изъятию церковных ценностей являлась одним из ключевых моментов конфессиональной политики советской власти по отношению к Русской Православной Церкви и православным верующим (далее РПЦ).

Обсуждение. Результаты.

А.В. Горбатов, П.К. Дашковский называют в качестве организаторов репрессий, направленных против церкви В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, основной целью которых являлась постепенное уничтожение РПЦ [1, с. 47]. Выводы авторов убедительно доказывают и опровергают устоявшееся мнение, что исследуемый период выступал в качестве одного из этапов становления государственно-церковных отношений [2, с. 142].

А.В. Вольдко на архивных материалах показал, что кампания 1922 г. выглядела как организованная специальная операция, которая преследовала две цели: привлечение финансовых средств и разрушение РПЦ [3, с. 341].

Следовательно, в 1922 г. со стороны советских органов власти реализовывалась спланированная акция, которая была призвана обрушить влияние и материальное положение церкви, используя массовый голод как повод для борьбы с РПЦ.

Несмотря на обращение патриарха Тихона в начале февраля 1922 г. о том, что церковь готова оказать посильную помощь голодающим, ВЦИК 26 февраля 1922 г. издал Декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [4, с. 19]. Декрет предполагал изъятие всех ценностей, в том числе, имеющих богослужебную необходимость. Патриарх остро отреагировал на данный декрет; им 28 февраля 1922 г. было подготовлено новое воззвание. В своем обращении он еще раз подчеркнул о важности внесения пожертво-

ваний для удовлетворения потребностей голодающих, но указал на то, что не может одобрить отчуждение имущества, которое используется в богослужении. Действия советских органов он оценил, как «святотатство», которое не может получить благословение со стороны духовных властей [5, с. 114–115].

Кампания по конфискации церковного имущества прокатилась по стране в 1922 г., в отдельных регионах происходили столкновения между верующими и представителями советской власти, например, в Шуе [3, с. 339].

Рассмотрим каким образом проходила кампания по отчуждению церковного имущества в Тобольской епархии, которая в исследуемый период находилась в рамках Тюменской губернии, образованной в 1919 г.

В Тобольской епархии открытых вооруженных столкновений не было; в целом, большинство жителей региона относились достаточно лояльно к данной операции.

В качестве важных факторов, исследователи указывают на большую пропагандистскую кампанию, которая велась по всей стране, и в том числе на территории Тобольской епархии. Призывы быть едиными в оказании помощи, в том числе пострадавшим от неурожая и в южной части епархии, например, жителям Ишимского района [6, с. 173].

Местная печать активно представляла на страницах своих изданий многочисленные обращения и совместно принятые решения, от региональных предприятий и священнослужителей, которые призывали жертвовать на нужды голодающих Поволжья.

Губернская комиссия по изъятию церковных ценностей в достаточно короткий срок провела работу. В качестве причин оперативной работы комиссии можно указать на тот факт, что, в большинстве своем, местное население и религиозные общины Тобольской епархии не оказывали сопротивления, а, наоборот, на общих собраниях верующих принимались постановления о содействии и помощи членам комиссии.

Таблица 1

Период изъятия церковных ценностей в Тобольской епархии в 1922 г.

№	Город	Период
1.	Березов	22–28 апреля
2.	Ишим	13–15 апреля
3.	Сургут	13–22 апреля
4.	Тобольск	7–22 апреля
5.	Туринск	7–29 апреля
6.	Тюмень	08 апреля по 02 мая
7.	Ялуторовск	22–28 апреля

Например, так было в Тобольске и Тюмени; общины высказались, что окажут помощь комиссии [7, с. 1]. В числе подписавших данные решения были ряд приходских советов, а также – некоторые священнослужители.

Действия советской власти, направленные на принудительную реквизицию ценностей, одобряли не все представители местного духовенства. В частности, многие из священников на собраниях религиозных общин вели себя пас-

сивно. Часть духовенства высказывали свое мнение относительно того, что выступают против изъятий всех ценностей и были солидарным с позицией патриарха. Многие из священников подписывали акты об изъятии под давлением гражданских властей; так, например, поступил иерей В. Марсов из Вознесенско-Георгиевской церкви г. Тюмени. Он публично высказался, что подписывает акт по принуждению и осуждает действия советской власти, которая творит святотатство [8, л. 54].

В качестве провокационного заявления, которое развязало руки местных Советов в Tobольской епархии, стало заявление епископа Тюменского Иринарха; он высказался о том, что верующие должны выступить в защиту Церкви и не отдавать церковные ценности. Подготовленное им письмо было направлено представителям Губкомиссии и его подписали более 300 верующих.

Советские органы отреагировали оперативно, и в конце апреля подписантов из числа верующих и священников во главе с епископом Иринархом арестовали; последний получил три года заключения [8, л. 55].

Таким образом, любые сопротивления против реквизиции церковного имущества советская власть использовала для борьбы с духовенством и верующими.

Попытки оказать сопротивления изъятию ценностей отмечались в г. Туринске и Туринском уезде.

Религиозная община Пятницкой церкви в г. Tobольске во главе с настоятелем Е. Пельымским отказалась допускать губкомиссию в храм, в итоге священник был арестован [8, л. 54].

Губкомиссия действовала очень жестко церковные ценности забирались практически все, в том числе и имеющие богослужебное значение.

18 мая 1922 г. епископ Tobольский Николай написал обращение в Губкомиссию, чтобы разрешили вернуть священные сосуды и одно кадило, ссылаясь, на то, что в архейском домовом храме нет ни одного кадила, и схожая ситуация была в Ялуторовском соборе. Местные власти решили выдать кадило архиерею, а в остальном было отказано по причине того, что конфискованные предметы были вывезены за пределы Тюменской губернии [9, л. 31].

Несмотря на агрессивные и репрессивные меры со стороны советского государства, духовенство и верующие стремились высказывать свое мнение и пытались отстоять определенные права, а также – сохранить предметы, которые были непосредственно связаны с богослужением.

Выстроенная система управления молодым советским государством, строилась по принципу жесткой вертикали; в местные советы из Москвы отправлялись рекомендации и указания, подписанные ВЦИК, которые требовали действовать жестко и производить изъятие всех ценностей [5].

Таблица 2

Сведения о изъятых церковных ценностях в Tobольской епархии в 1922 г.

№	Город	Серебро	Золото	Ценные камни
1.	Березов	9 пудов 35 фунтов 73 золотника	–	–
2.	Ишим	5 пудов 4 фунта 12 золотников	–	–
3.	Tobольск	76 пудов 21 фунт 50 золотников 47 долей	1 фунт 67 золотников 6 долей	1690
4.	Туринск	5 пудов 4 фунта 12 золотников	–	–
5.	Тюмень	52 пуда 30 фунтов	5 фунтов	1609
6.	Обдорск	11 пудов 5 фунтов	–	–

Губернская комиссия легко провела изъятие всех церковных предметов в г. Tobольске, в том числе и тех, которые имели определенную историко-культурную ценность, не обращая внимания на инструкцию Главмузея. В данной инструкции давался комментарий, что церковные предметы до 1725 г. не следует конфисковывать, а в отношении вещей, относящихся к периоду с 1725 по 1835 гг., можно произвести изъятие только в исключительных случаях.

Комиссия посчитала, что голод в стране есть исключительный случай, а также в г. Tobольске не смогли найти эксперта, который бы мог правильно определить историко-культурную ценность реквизируемых вещей.

В целом, к середине лета 1922 г. в Tobольской епархии было изъято 240 пудов 16 фунтов серебра, около 19 фунтов золота, ценных камней

общим количеством 3299 штук [10, с. 117].

В качестве сложившейся практики еще в годы Гражданской войны, когда религиозные общины выкупали священников, верующие из Tobольской епархии организовали сбор средств, чтобы сохранить церковные предметы. Например, таким образом поступили прихожане Михаило-Архангельской церкви г. Тюмени, Богоявленской церкви Сургутского района, Рождественской церкви Самаровского района. Итогом этого стала, что деньги от церковных общин были получены комиссией, но изъятия продолжались [11, л. 12].

Обыденной практикой стало воровство реквизируемого имущества; в Tobольской епархии данные эпизоды тоже были зарегистрированы, причем, в кражах и подлогах были замечены члены Губернской комиссии.

Заключение.

Анализ исторических источников свидетельствует о том, что кампания по изъятию ценностей 1922 г., проходившая под лозунгом помощи голодающим, выступала в качестве важного этапа борьбы советского государства с РПЦ и, в том числе с верующими. В Тобольской епархии не было острых противостояний; население и сами священники относились к деятельности комиссии достаточно лояльно, оказывали содействие. При этом члены комиссии стремились спровоцировать конфликт, когда реквизировали предметы, имеющие богослужебную ценность; отмечены единичные случаи противостояния местных религиозных общин и органов власти. Все случаи сопротивления подавлялись, недовольных подвергали репрессиям, арестовывали, судили и

отправляли в тюрьмы.

Региональные материалы свидетельствуют о нарушениях со стороны Губкомиссии. Изъятие церковных предметов, имеющих отношение к совершению богослужений, ставило под угрозу осуществления религиозных обрядов и, соответственно, отвечала целям ВЦИК по уничтожению церкви и сокращению числа верующих.

Кампания 1922 г. была своеобразным «учением» советской власти, каким образом и какими средствами можно в дальнейшем действовать по отношению к РПЦ и верующим. Отсутствие массовой реакции со стороны населения, особенно на местах, свидетельствовало, о том, что в дальнейшем можно действовать более жестко.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Горбатов А.В. Изъятие церковных ценностей органами советской власти в Западной Сибири: итоги и последствия / А.В. Горбатов, П.К. Дашковский // *Религиоведение*. 2023. № 2. С. 47–58.
2. Борисова В.В. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Тюменской губернии в 1922 году / В.В. Борисова // *Вестник Челябинского государственного университета: История*. 2009. Вып. 34. С. 142–148.
3. Володько А.В. Л.Д. Троцкий и кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. / А.В. Володько // *Диалог со временем*. 2023. № 83. С. 333–343.
4. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы / Отв. сост. О.Ю. Васильева. М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. 326 с.
5. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. : в 2-х кн. / подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск : Сиб. хронограф; М. : РОССПЭН, 1997. 597 с.
6. Мавлютова З.Ш. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Тюменской губернии в 1922 г. / З.Ш. Мавлютова // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2007. № 7. С. 172–176.
7. К изъятию церковных ценностей в помощь голодающим в г. Тобольске // *Тобольский Север*. 1922. № 34. С. 1.
8. ГБУТО «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Ф. 1. Оп. 1. Д. 359.
9. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» (далее ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 272. Оп. 1. Д. 74.
10. Очерки истории Тюменской области / В.М. Кружинов, А.В. Матвеев, А.П. Зенько [и др.]; Редкол. В.М. Кружинов; Отв. ред. [и др.]. Тюмень, 1994. 269 с.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 704. Оп. 1. Д. 163.

References:

1. Gorbatov A.V. Seizure of church values by Soviet authorities in Western Siberia: results and consequences / A.V. Gorbatov, P.K. Dashkovsky // *Religious studies*. 2023. № 2. P. 47–58.
2. Borisova V.V. Seizure of church valuables from Orthodox churches of the Tyumen province in 1922 / V.V. Borisova // *Bulletin of the Chelyabinsk State University: History*. 2009. Iss. 34. P. 142–148.
3. Volodko A.V. L.D. Trotsky and the campaign for the seizure of church valuables in 1922 / A.V. Volodko // *Dialogue with Time*. 2023. № 83. P. 333–343.
4. The Russian Orthodox Church and the Communist State 1917–1941. Documents and photographic materials / Rel. comp. O.Y. Vasilyeva. M. : Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, 1996. 326 p.
5. Archives of the Kremlin. The Politburo and the church. 1922–1925 : in 2 books / Prepared by N.N. Pokrovsky, S.G. Petrov / Book 1. The Politburo and the Church. 1922–1925. Novosibirsk : Siberian Chronograph; M. : ROSSPAN, 1997. 597 p.
6. Mavlyutova Z.S. On the issue of the seizure of church valuables in the Tyumen province in 1922 / Z.S. Mavlyutova // *Bulletin of Archeology, anthropology and Ethnography*. 2007. № 7. P. 172–176.

7. To the seizure of church valuables to help the hungry in Tobolsk // Tobolsk North. 1922. № 34. P. 1.
8. GBUTO «State Archive of socio-political history of the Tyumen region». F. 1. Op. 1. D. 359.
9. GBUTO «State Arch in Tobolsk» (hereinafter GBUTO GA in Tobolsk). F. 272. Op. 1 74.10. Essays on the history of the Tyumen region / V.M. Kruzhinov, A.V. Matveev, A.P. Zenko [et al.]; Editorial board V.M. Kruzhinov; Ed. [et al.]. Tyumen, 1994. 269 p.
10. GBUTO GA in Tobolsk. F. 704. Op. 1. D. 163.

Информация об авторах

Валитов Александр Александрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН
ORCID 0000-0002-2338-7880
val11@bk.ru

Alexander A. Valitov

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
Tobolsk Integrated Scientific Station
of the Ural branch
of the Russian Academy of Sciences
ORCID 0000-0002-2338-7880
val11@bk.ru

Дианов Сергей Александрович

доктор исторических наук,
профессор,
заместитель заведующего кафедрой
Государственного управления и истории,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
ORCID 0000-0001-6536-6853
sadianov@gmail.com

Sergey A. Dianov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Deputy Head of the Department
of Public Administration and History,
Perm National Research Polytechnic University
ORCID 0000-0001-6536-6853
sadianov@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.63.63.012>

УДК 93/94

Attribution

cc by

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШЕЙ ОФИЦЕРСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ШТАБНОЙ ШКОЛЫ (ВОАШШ) КРАСНОЙ АРМИИ (КА) ПО ПЕРЕПОДГОТОВКЕ И ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ ОФИЦЕРОВ-АРТИЛЛЕРИСТОВ

Дьяков С.И.¹, Перевалов И.Н.², Добряк С.Ю.³, Ванягин В.Е.⁴

^{1, 2, 3}Михайловская военная артиллерийская академия,

⁴Санкт-Петербургский военный

ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. Цель исследования. Провести исторический анализ и предпосылки становления института переподготовки и повышения квалификации офицеров-артиллеристов для штабов различного уровня. Актуальность темы обусловлена освещением исторических фактов, связанных с деятельностью ВОАШШ КА с 1943 г. и до момента ее расформирования. Методы исследования: аналитический, научный, причинно-следственный, историко-системный. Ключевые выводы. На протяжении своей деятельности ВОАШШ подготовила высококвалифицированные кадры для Вооруженных сил, которые внесли огромный вклад в повышение обороноспособности страны и развитие теории и практики офицеров-артиллеристов для работы штабов. Школа подготовила теоретический и практический фундамент подготовки штабных офицеров для артиллерии, который после ее расформирования внедрился в образовательный процесс Высшей офицерской артиллерийской ордена Ленина Краснознаменной школы.

Ключевые слова: артиллерия, офицер-артиллерист, штабная школа, ВОАШШ, артиллерийский полигон, выпускные экзамены, профиль подготовки, дисциплины подготовки.

ACTIVITIES OF THE HIGHER OFFICER ARTILLERY STAFF SCHOOL (VOASHSH) OF THE RED ARMY (KA) FOR RETRAINING AND ADVANCED TRAINING OF ARTILLERY OFFICERS

Sergey I. Dyakov¹, Ivan N. Perevalov²,
Sergey Yu. Dobryak³, Vladimir E. Vanyagin⁴

^{1, 2, 3}Mikhailovskaya Military Artillery Academy,

⁴St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

Abstract. Objective. To conduct a historical analysis and prerequisites for the formation of the institute of retraining and advanced training of artillery officers for headquarters of various levels. The relevance of the topic is due to the coverage of historical facts related to the activities of the SAASH KA from 1943 to the moment of its disbandment. Research methods: analytical, scientific, cause-and-effect, historical and systemic. Key Findings: Throughout its activity, the ASHASH has trained highly qualified personnel for the Armed Forces, who have contributed immensely to improving the country's defense capability and developing the theory and practice of artillery officers for the work of headquarters. The school prepared the theoretical and practical foundation for the training of staff officers for artillery, which, after its disbandment, was introduced into the educational process of the Higher Officer Artillery Order of Lenin of the Red Banner School.

Keywords: artillery, artillery officer, staff School, VOASHSH, artillery range, finals, provisioning profile, disciplines of training.

Введение.

Централизованной переподготовки и повышение квалификации в военно-учебном заведении офицеров-артиллеристов для штабов различного уровня (от дивизиона до корпуса) в артиллерии Красной армии до 1943 г. не было. В связи с повышением роли планирования огневого поражения противника в различных видах боя, возникла необходимость подготовки специалистов

артиллерийских штабов с целью более согласованных действий войск на поле боя по времени, месту, действиям и выполняемым боевым задачам подразделениями, частями, соединениями и объединениями. В связи с необходимостью повышения уровня планирования и взаимодействия действий подразделений, частей, соединений и объединений на всех уровнях, было принято решение помимо действующей Высшей офицерской артиллерийской школы создать во-

енно-учебное заведение, осуществляющих переподготовку и повышение квалификации штабных офицеров для артиллерии.

Обсуждение.

Результаты исследования были доложены и обсуждены на заседании факультета (артиллерийского) Михайловской военной артиллерийской академии и вошли в монографию «Переподготовка и повышение квалификации специалистов ракетных войск и артиллерии с 1918 по 1996 г.», изданную в 2023 году

Результаты.

Офицерская штабная школа (ОШШ) подготовки штабных командиров артиллерии сформировалась в соответствии со штатом № 017/459 в период с 01 июля по 01 сентября 1943 г. в г. Бронницы Московской области [1]. ОШШ формировалась под руководством начальника школы генерал-майора артиллерии Кузнецова С. Н. Постоянным и переменным составом школа комплектовалась 3-им отделом Управления Кадров Артиллерии Красной Армии за счет фронтов и округов. Подразделения обеспечения укомплектовывались рядовыми и сержантами Коломенского артиллерийского лагеря по нарядам штаба Московского военного округа (МВО) [2]. Для размещения школы были предоставлены помещения 7-го запасного артиллерийского полка Западного фронта [3].

В соответствии с директивой УК ГУ КАКА № 1528743 от 12 декабря 1943 г., начало второго сбора школе было установлено с 5 января 1944 г. [4]. 24 февраля 1944 г. было увеличено количество преподавателей в штат школы. 2 августа 1944 г. в состав курсов дополнительно были введены две учебные группы начальников штабов полков и бригад гвардейских минометных частей (ГМЧ), а также – сформирован артиллерийский полк школы по штату № 017/536 [5].

В соответствии с приказом НКО № 0234 от 03 августа 1944 г., ОШШ получила новое наименование «Высшая офицерская артиллерийская штабная школа (ВОАШШ) Красной Армии (КА)» [6].

Боевая подготовка переменного состава в течение 1944 г. года проходила по программе утвержденной начальником штаба артиллерии Красной Армии генерал-полковником артиллерии Самсоновым. Курс обучения на втором третьем и четвертом сборах продолжался 86 учебных дней (688 учебных часов). За весь период обучения 1944 г. было слушателями получено было получено: отличных оценок – 27,9 %; хороших – 51,3 %; посредств. – 20,4 %; плохих – 0,4 %. Из числа слушателей, окончивших школу в 1944 г., было аттестовано на должности штабных офицеров 99,54 % и 0,46 % – на командные должности.

В 1944 г. для повышения квалификации по тактической артиллерийской подготовке, изучения новейшей техники и приемов ведения боя, на фронт были откомандированы группы препода-

вателей артиллерийско-стрелкового и разведывательного циклов [7].

23 марта 1945 г. в штат школы введен отдел кадров [8], в октябре она была переведена на новый штат № 17/606 [9].

В первой половине 1945 г. школу проверяла комиссия ГУКАРТ КА под руководством генерал-лейтенанта артиллерии Гулейко; по результатам работы она вынесла положительное заключение о всех без исключения этапах подготовки слушателей (теоретический и практический).

В 1945 г. программа обучения включала 756 учебных часов. С начала седьмого набора школа перешла на новый распорядок дня продолжительностью учебного времени составила – 9 часов; из них, на плановые занятия отводилось 6 часов, остальные на самостоятельную работу. Результаты успеваемости сборов 1945 г.: отличных оценок – 36,6 %; хороших – 43,8 %; посредств. – 19,4 %; плохих – 0,2 %.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1945 г. за выдающиеся успехи в подготовке высококвалифицированных артиллерийских кадров для Красной армии и боевые заслуги перед Родиной, школа награждена орденом Красной Звезды [10].

В 1946 г. были проведены боевые стрельбы слушателей и постоянного офицерского состава на Щуровском артиллерийском полигоне. В соответствии с Директивой штаба Артиллерии ВС № 340026с от 24 ноября 1946 г. срок обучения слушателей был установлен 10 месяцев [11]. В 1946 г. средний балл успеваемости слушателей 7-го сбора составил – 4,4, а 8-го – 4,35.

В феврале 1947 г. начато расформирование артиллерийского полка школы со сроком исполнения к 15 апрел.1947 г. [12]. В марте и августе этого же года были проведены зимние боевые артиллерийские стрельбы со слушателями и постоянным офицерским составом. Средний балл успеваемости 9-го сбора был – 4,3.

На основании директивы штаба МВО № 5082 от 25 апреля 1947 г., школе присвоено условное наименование «Войсковая часть 74382». В ноябре 1947 г. был проведен методический сбор преподавателей в целях подготовки к очередному сбору слушателей.

В штат школы внесены изменения: введена батарея боевого обеспечения и изменен численный состав паркового и хозяйственного взводов, введен караульный взвод [13] на основании директивы штаба МВО № 6108 от 13 мая 1947 г.

В сентябре 1948 г. были проведены выпускные экзамены слушателей 10-го сбора, средний балл успеваемости составил – 4,35. Занятия 11-го сбора слушателей было установлено с 19 ноября, а перед этим в октябре-ноябре проведен методический сбор преподавателей в целях подготовки к новому учебному году.

В период с 11 по 19 марта 1949 г. комиссией под руководством маршала артиллерии Чистякова была проведена проверка планирования, организации учебно-воспитательного процесса и материально-технического обеспечения учебного процесса школы [14], которая сделала положительные выводы.

В период с 17 ноября 1948 по 28 августа 1949 года школой был проведен 11-й сбор по подготовке артиллерийский штабов ВС по девяти профилям подготовки, обучение проводилось по 10-ой месячной программе.

В 1949 г., согласно плану, утвержденному Командующим артиллерией ВС, были проведены зимние учебно-боевые артиллерийский стрельбы на временном полигоне в районе г. Коломна (март) и летние зачетные боевые стрельбы слушателей и постоянного состава на Гороховецком артиллерийском полигоне (с 21 июня по 9 июля 1949 г.).

В сентябре были проведены выпускные экзамены 11-го сбора со средним баллом успеваемости по дисциплинам:

«Основы марксизма-ленинизма» – 4,46;

«Оперативная подготовка» – 4,3;

«Тактическая подготовка» – 4,2;

«Артиллерийская стрельба» – 4,3.

Общий балл успеваемости составил – 4,3.

Приказом Министра Вооруженных сил Союза ССР № 098 от 13 мая 1949 г. дата 01 августа была определена, как годовой праздник ВОАШШ [15].

В ноябре месяце 1949 г. по указанию старшего начальника была введена новая дисциплина – «История советского военного искусства» [16].

В период с 21 ноября 1949 года по 20 сентября 1950 года школой был проведен 12-й сбор по подготовке офицеров для артиллерийских штабов СА по восьми профилям. При Высшей Военной Академии им. Ворошилова в Ленинградском Военном Округе были проведены учения профилей подготовки: начальников штабов и начальников оперативных отделений штабов артиллерии армий и начальники штабов артиллерии стрелковых корпусов. В 1950 г., с целью совершенствования обеспечения учебного процесса в подготовке штабных офицеров и частичного сокращения штатов, в школе, согласно директивы Генерального штаба Советской Армии и Командующего Войсками МВО, были проведены организационно-штатные преобразования:

– сокращено 10 офицеров и 5 солдат и сержантов;

– вместо 2-х огневых взводов Батареи обеспечения взводом батареи обеспечения введены взвод радиосвязи и взвод телефонной связи;

– введены в состав батареи обеспечения коммандантский взвод и взвод хозяйственного обслуживания [17].

В сентябре 1950 г. были проведены выпускные экзамены у слушателей 12-го сбора со средним баллом успеваемости по предметам:

«Основы марксизма-ленинизма» – 4,6;

«Оперативно-тактическая подготовка» – 4,5;

«Артиллерийская стрельба» – 4,7;

«Артиллерийско-разведывательная служба (АРС)» – 3,9.

Общий средний балл успеваемости составил за выпускные экзамены – 4,4.

С 14 февраля по 18 февраля 1950 г. под руководством штаба артиллерии СА в школе проводилась командно-штабная игра с постоянным и переменным составом [18].

С 20 ноября 1950 г. по 16 сентября 1951 года был проведен 13 сбор слушателей по подготовке офицеров артиллерийских штабов СА по профилям подготовки:

– начальников штабов артиллерии стрелковых корпусов и дивизии;

– начальников штабов артиллерийских полков и дивизионов;

– начальников разведки артиллерии стрелковых корпусов и дивизий;

– командиров и начальников штабов разведывательно-артиллерийских дивизионов (РАД);

– командиров батарей артиллерийской инструментальной разведки (АИР) стрелковых дивизий;

– начальников топографической службы артиллерийских частей.

В период с 17 сентября по 18 октября 1951 г. были проведены выпускные экзамены слушателей с общим средним баллом – 4,41. Отдельно по дисциплинам подготовки:

«Основы марксизма-ленинизма» – 4,43;

«История советского военного искусства» – 4,36;

«Тактика» – 4,40;

«Дисциплины АРС» – 4,43.

В период с 5-го по 15 августа 1951 года на Тамбовском артиллерийском полигоне были проведены показательные, учебные и зачетные артиллерийские стрельбы слушателей и постоянного офицерского состава.

В феврале месяце 1952 года руководящий состав школы, преподаватели циклов военного искусства, тактики, АРС и материальной части артиллерии участвовали в военной игре на карте,

проводимой штабом артиллерии Советской армии.

с 01 декабря 1951 года по 24 сентября 1952 года бы проведен 14-й сбор слушателей по подготовке офицеров артиллерийских штабов по 6 профилям:

- начальники штабов и начальников разведки артиллерии стрелковых корпусов и дивизии;
- начальники штабов артиллерийских полков;
- начальники штабов артиллерийских дивизионов;
- командиры и начальники штабов разведывательно-артиллерийских дивизионов (РАД);
- командиры батарей артиллерийской инструментальной разведки (АИР) стрелковых дивизий;
- начальники топографической службы артиллерийских частей.

Выпускные экзамены слушателей в 1952 г. были проведены с 25 сентября по 20 октября. Успешность слушателей по результатам экзаменов по дисциплинам в баллах представлена ниже:

- «Вопросы теории и истории КПСС» – 4,27;
- «Партполитработа и основы воинского воспитания» – 4,60;
- «История советского военного искусства» – 4,24;
- «Тактика» – 4,05;
- «Стрельба артиллерии» – 4,16;

«Артиллерийская разведывательная служба» – 4,44.

Общий средний балл по дисциплинам, вынесенных на экзамен составил – 4,13.

В августе месяце 1952 г. (с 04.08 по 15.08) на Тамбовском артиллерийском полигоне были проведены боевые артиллерийские стрельбы и тактические учения с боевой стрельбой. Результаты: слушатели – 4,24 (хорошо); постоянный офицерский состав – 3,8 (хорошо).

05 января 1953 г. после продолжительной болезни скончался начальник школы генерал-лейтенант артиллерии В.П. Стеснягин. Временное исполнение должности начальника с июня 1952 г. и по день расформирования исполнял заместитель начальника школы полковник Арефьев Е.Н. 20 января по 05 марта 1953 г. школа была расформирована. Слушатели состав 1-го, 2-го и 4-го курсов 15-го сбора, поступившего в школу к 01 декабря 1952 г. откомандированы для обучения в Высшую офицерскую артиллерийскую ордена Ленина Краснознаменную школу. Офицеры 3-го курса откомандированы к прежнему месту службы. Постоянный офицерский состав, солдаты, сержанты, вольнонаемный состав, имущество и боевая техника школы были отправлены, согласно приказам и нарядам Командующего артиллерией СА и командующего войсками МВО [19].

Ввиду расформирования школы, 06 марта 1953 г. знамя школы с исторической справкой и грамотой о вручении его сдано в Центральный Музей СА [20].

Ниже, в таблице 1 представлены количественные сведения по выпускам, произведенных в ВОАШШ.

Таблица 1

Выпуски начальников штабов различного уровня управления в ВОАШШ 1943–1953 г. [21]

Номер выпуска (дата)	Основание	Количество (чел.)
1 (05.12.1943 г.)	Приказ Командующего Артиллерии Красной Армии (КАКА) № 0491 от 05.12.1943 г.	300
2 (10.04.1944 г.)	Приказ КАКА № 0262 от 10.04.1944 г.	289
3 (06.08.1944 г.)	Приказ КАКА № 0681 от 06.08.1944 г.	242
4 (25.12.1944 г.)	Приказ КАКА № 01093 от 25.12.1944 г.	278
5 (15.05.1945 г.)	Приказ КАКА № 0417 от 15.05.1945 г.	433
6 (05.10.1945 г.)	Приказ КАКА № 0774 от 15.10.1945 г.	356
7 (20.04.1945 г.)	Приказ КАКА № 05 от 20.04.1946 г.	328
8 (10.10.1946 г.)	Приказ КАКА № 0383 от 10.10.1946 г.	301
9 (20.09.1947 г.)	Приказ КА ВС (Вооруженных сил) № 01191 от 20.09.1947 г.	376
10 (20.09.1948 г.)	Приказ КА ВС № 01302, 01304 от 20.09.1948 г.	374
11 (16.09.1949 г.)	Приказ КА ВС № 01243 от 16.09.1949 г.	347
12 (18.09.1950 г.)	Приказ КА СА (Советской армии) № 01191 от 18.09.1950 г. (по 10-ой программе обучения)	425
13 (03.10.1951 г.)	Приказ КА СА № 01191 от 03.10.1951 г.	422
14 (25.10.1952 г.)	Приказ КА СА № 1300 от 14.10.1952 г. и № 1306 от 22.10.1952 г.	410
ИТОГО		4881

Как видно из таблицы 1, в каждом выпуске было, примерно, 200–400 чел. Причем, резкое повышение прослеживается в последний год войны, когда потребность в штабных офицерах-артиллеристах была высока в связи с проведе-

нием крупных наступательных операций Красной Армии.

За период своего существования ВОАШШ неоднократно учувствовала в различных подписках и

займах, которые проводились массово на всей территории СССР во всех организациях и учре-

ждениях с целью поддержания экономического развития государства (табл. 2).

Таблица 2

Подписки и займы ВОАШШ [22]

Год	Подписка. Заем
1944	4-я денежно-вещевую лотерею, общая сумма которой составила 29,9 % к фонду зарплаты
1945	При общей сумме подписки в 815150 руб. что составило 104,24 % к месячному фонду денежного содержания (было охвачено 100 % личного состава)
1948	4-й государственный заем восстановления и развития народного хозяйства, дав в займы государству 118 % к месячному заработку (100 % личного состава приняли участие)
1950	Государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР (заем Государству составил 145,93 % к месячному фонду заработной платы)
1951	Подписка на государственный заем развития народного хозяйства СССР. Подпиской было охвачено 100 % личного состава. Заем составил 2619140 р. или 151,46 % к месячному фонду
1952	Весь личный состав школы в 1952 г. был охвачен подпиской на Государственный заем развития народного хозяйства СССР и дал в займы Государству 2948920 р., что составляет 169,6 % к общему фонду заработной платы личного состава школы

Заключение.

Каждое действие в истории не происходит просто так; так и было с развитием института переподготовки и повышения квалификации штабных офицеров-артиллеристов. У руководства артиллерии Красной Армии в середине 1943 г. возникла потребность в штабных офицерах для артиллерии, в связи с этим и необходимость в качественной их подготовке. На основании приказа НКО, было создано военно-учебное заведение – «Офицерская штабная школа (ОШШ) подготовки штабных командиров артиллерии»; в дальнейшем – 03 августа 1944 г. ее переименовали в «Высшую офицерскую артиллерийскую штабную школу (ВОАШШ)».

На протяжении своей деятельности ВОАШШ подготовила 4881 офицеров-артиллеристов для штабов различного уровня (от уровня дивизиона до уровня корпуса), в том числе командиров батарей АИР и начальников топографических служб артиллерийских частей, так как они на прямую, по своему должностному функционалу, замыкались на штабы (обеспечивали контрбатарейную борьбу, создавали и разворачивали топографическую сеть).

С каждым выпуском мероприятия, проводимые в школе, были направлены на совершенствование образовательной деятельности:

- проводились командно-штабные игры на карте;
- вводились различные новые предметы («История советского военного искусства», «Артиллерийская разведывательная служба» и др.);
- в практику школы внедрялось выполнение индивидуальных огневых задач с боевой стрельбой, как слушателей, так и постоянного офицерского состава;
- совместное проведение тактических учений с боевой стрельбой всех специалистов, обучающихся в школе под руководством преподавателей школы;
- несмотря на сложные послевоенные годы, личный состав школы всегда откликался на призывы «Подписок» и «Займов» для поддержания экономики государства.

На протяжении своей деятельности ВОАШШ подготовила высококвалифицированные кадры для Вооруженных сил, которые внесли огромный вклад в повышение обороноспособности страны и развитие теории и практики офицеров-артиллеристов необходимой для работы в штабах. Школа подготовила теоретический и практический фундамент подготовки штабных офицеров для артиллерии, который после ее расформирования внедрился в образовательный процесс Высшей офицерской артиллерийской ордена Ленина Краснознаменной школы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Приказ НКО № 0389 от 24.06.1943 г.
2. Директива Управления кадров Главного Управления Командующего Артиллерии Красной армии (Директива УК ГУ КАКА) № 1215454 от 18.08.1943 г.
3. Директива УК ГУ КАКА № 139293 от 12.07.1943 г.
4. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 2.
5. Директива Организационно-учетного Управления Генерального штаба № ОРГ2/7/305899 от 24.02.1944 г.
6. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 2.
7. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 10.
8. Директива Генерального штаба Красной Армии № 83134 от 23.03.1945 г.
9. Директива штаба МВО № 15396с от 24.07.1945 г.
10. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 24.
11. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 10 об.
12. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 2 об.
13. Директива штаба МВО № 6108 от 13.05.1947 г.
14. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 12.
15. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 31.
16. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 3 об.
17. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 5.
18. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 13 об.
19. Директива Командующего войсками СА от 09.01.1953 г. № 291666сс.
20. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. Л. 36.
21. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. ЛЛ. 2–7.
22. ЦАМО Ф. 60780. Оп. 348532 с. Д. 1. ЛЛ. 16–23 об.

References:

1. Order of the NGO № 0389 dated 06/24/1943.
2. Directive of the Personnel Department of the Main Directorate of the Commander of the Artillery of the Red Army (Directive of the Criminal Code of GU KAKA) № 1215454 dated 08/18/1943.
3. Directive № 139293 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated 07/12/1943.
4. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 2.
5. Directive of the Organizational and Accounting Department of the General Staff № ORG2/7/305899 dated 02/24/1944
6. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 2.
7. TsAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 10.
8. Directive of the General Staff of the Red Army № 83134 of 03/23/1945
9. Directive of the Headquarters of the Ministry of Internal Affairs № 15396с dated 07/24/1945.
10. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 24.
11. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 10 vol.
12. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 2 vol.
13. Directive of the Headquarters of the Ministry of Internal Affairs № 6108 dated 05/13/1947.
14. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 12.
15. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 31.
16. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 3 vol.
17. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 5.
18. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 13 vol.
19. Directive of the Commander of the SA troops dated 09.01.1953 № 291666ss.
20. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. L. 36.
21. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. LL. 2–7.
22. TSAMO F. 60780. Op. 348532 S. D. 1. LL. 16–23 vol.

Информация об авторах

Дьяков Сергей Иванович

кандидат педагогических наук,
доцент,
начальник факультета,
Михайловская военная артиллерийская академия,
Санкт-Петербург
Dyakoff@yandex.ru

Перевалов Иван Николаевич

соискатель,
курсовой офицер-преподаватель,
Михайловская военная артиллерийская академия,
Санкт-Петербург
perevalov.iv1997@gmail.ru

Sergey I. Dyakov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Faculty,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy,
St. Petersburg
Dyakoff@yandex.ru

Ivan N. Perevalov

Applicant,
Course Officer-teacher,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy,
St. Petersburg
perevalov.iv1997@gmail.ru

Добряк Сергей Юрьевич

кандидат психологических наук,
доцент,
доцент кафедры военно-политической работы,
Михайловская военная артиллерийская академия,
Санкт-Петербург
serg_dobryak@mail.ru

Ванягин Владимир Евгеньевич

кандидат военных наук,
заместитель начальника кафедры
огневой подготовки – начальник артиллерии,
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова,
Институт войск национальной гвардии
Российской Федерации, Санкт-Петербург
bobastik@yandex.ru

Sergey Yu. Dobryak

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Military and Political Work,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy,
St. Petersburg
serg_dobryak@mail.ru

Vladimir E. Vanyagin

Candidate of Military Sciences,
Deputy Head of the Department
of Fire Training – Chief of Artillery,
St. Petersburg Military Order of Zhukov,
Institute of the National Guard
of the Russian Federation, St. Petersburg
bobastik@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.51.81.004>
УДК 371.2(470.620)"17/20"

Attribution
cc by

КАЗАЧЬИ КАДЕТСКИЕ КОРПУСА В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Емельянов Ю.Н.

Филиал Кубанского государственного университета, г. Славянск-на-Кубани

Аннотация. Изучение и анализ деятельности казачьих кадетских корпусов является актуальным. В настоящее время в Краснодарском крае, как и в других казачьих регионах России, продолжается процесс развития реестровых войсковых казачьих обществ, взявших на себя обязательства по несению государственной службы. Автор статьи объясняет необходимость вести образовательную и воспитательную работу с казачьей молодежью, способной в будущем руководить казачьими структурами по выполнению государственных задач любой сложности. Раскрыта роль кадетских традиций, согласно которым подростки в кругу своих сверстников, под руководством опытных педагогов-офицеров и казаков-наставников, проникаются чувством патриотизма, закаляются духовно и физически, привыкают к порядку и дисциплине, вырабатывают ответственность и служебное рвение. Показано значение современных казачьих кадетских корпусов – учебных учреждений интернатного типа – они создают кадетам особую специфическую среду для прохождения казачьей социализации, развития высоких человеческих качеств полезных Отечеству.

Ключевые слова: история, Кубанское казачье войско, казачий кадетский корпус, интернат, кадеты, образование, воспитание, традиции, казаки-наставники, православие.

COSSACK CADET CORPS IN THE KRASNODAR TERRITORY: HISTORY AND MODERN SIGNIFICANCE

Yuri N. Emelyanov

Branch of the Kuban State University, Slavyansk-on-Kuban

Abstract. The study and analysis of the activities of the Cossack cadet corps is relevant. Currently, in the Krasnodar Territory, as in other Cossack regions of Russia, the process of development of registered military Cossack societies that have assumed obligations to perform public service continues. The author of the article explains the need to conduct educational and educational work with the Cossack youth, who in the future will be able to lead Cossack structures to fulfill state tasks of any complexity. The role of cadet traditions is revealed, according to which teenagers in the circle of their peers, under the guidance of experienced teachers-officers and Cossack mentors, imbued with a sense of patriotism, hardened spiritually and physically, get used to order and discipline, develop responsibility and service zeal. The importance of modern Cossack cadet corps – boarding-type educational institutions is shown – they create a special specific environment for cadets to undergo Cossack socialization, the development of high human qualities useful to the Fatherland.

Keywords: history, Kuban Cossack army, Cossack cadet corps, boarding school, cadets, education, upbringing, traditions, Cossack mentors, Orthodoxy.

Введение. В 1990-е гг., в Краснодарском крае, как и в других, исторически казачьих регионах Российской Федерации, стало развиваться общественное движение за возрождение казачества. В программных документах всех казачьих организаций, учрежденных в районах края, обязательно имелся пункт, который касался образования и воспитания кубанской молодежи. Члены казачьих обществ – потомки казаков и их сторонники прекрасно осознавали необходимость воспроизводства казачьего социума, сохранения и передачи последующим поколениям историко-культурных традиций казачества и его поведенческих соционормативов. Выполнить эту задачу в рамках самих казачьих общественных объеди-

нений не представлялось возможным, так как с первых дней возрождения казачества стало очевидным, что молодежь в казачьем движении представляла значительное меньшинство – возраст казаков основного состава превышал 40-летний рубеж. Весьма редким было явление, когда возрождать казачество подключались все поколения семей из казачьих родов. В этих условиях атаманы казачьих структур, для охвата казачьей идеей широких масс молодежи, стали говорить о необходимости создания казачьих классов и клубов для кубанских школьников. Предполагалось включить в существующую систему образования и воспитания казачий компонент, приобщить учащихся к казачьему возрож-

дению и, таким образом, через несколько лет значительно расширить казачьи ряды.

Идея количественного и качественного усиления современного казачества за счёт молодёжи, задействованной в системе государственных образовательных структур, быстро распространилась в муниципальных образованиях Краснодарского края. Интерес был вызван тем, что, помимо казачьего аспекта, решались и вопросы улучшения духовно-нравственного воспитания детей с применением ярких и привлекательных элементов традиционной казачьей культуры [1, с. 46–52].

Не менее перспективным стал проект об учреждении для казачат образовательных учреждений интернатного типа, наподобие ранее существовавших в Российской империи кадетских корпусов. Суть замысла сводилась к тому, чтобы новые казачьи кадетские корпуса готовили будущую казачью элиту. Для успешного осуществления задуманного надлежало создать соответствующие материально-технические условия, правила приёма и методики обучения.

Формирование казачьего кадетского образования в Краснодарском крае началось с города Краснодара. Здесь, в 1994 г., открылся первый казачий кадетский корпус – Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение кадетская школа-интернат «Кубанский казачий кадетский корпус имени атамана М.П. Бабыча». Корпус был учрежден по инициативе Кубанского казачьего войска при взаимодействии управления образования администрации Краснодарского края и вошёл в структуру краевого управления образования. Долгое время он оставался единственным на Кубани государственным общеобразовательным учреждением интернатного типа военизированного характера обучения и казачьего воспитания молодёжи. С момента открытия корпус приобрёл широчайшую популярность в казачьих обществах Краснодарского края. Желание поступить в него на обучение стало неотступным для многих детей Кубани, причём, не только из семей потомственных казаков. В скором времени кандидатам на поступление стало необходимо проходить весьма строгий конкурсный отбор, что создавало условия для формирования элитного состава обучающихся на начальном этапе. В первую очередь, кандидату надлежало заручиться поддержкой казачьего общества по месту постоянного проживания и получить от него рекомендацию, заверенную атаманом. В образовательное учреждение для будущей казачьей элиты не допускались кандидаты, состоящие на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних.

Таким образом, исключались намерения избавиться на местах от «трудных» подростков и перенаправить их на воспитание коллективу корпуса.

Поступление в казачий кадетский корпус сопряжено с тщательным отбором кандидатов. При приёме в корпус особо учитывается состояние

здоровья и физическое развитие поступающих. Приёмная комиссия действует по принципу: «Главное здоровье кадетов, а любить Родину и служить ей их научат!». Кроме того, кандидату надлежит в теории и на практике подтвердить знания казачьих историко-культурных традиций. Например, во время собеседования испытуемому необходимо, в первую очередь, обратиться к святому образу на иконе в той аудитории, где работает приёмная комиссия, а затем представиться экзаменаторам и ответить на вопросы по истории кубанского казачества.

Впоследствии, порядок приёма в Кубанский казачий кадетский корпус имени атамана М.П. Бабыча распространился на все образовательные учреждения подобного типа, которые стали открываться в Краснодарском крае уже в начале XXI в. Один за другим были созданы: Кропоткинский казачий кадетский корпус имени Г.Н. Трошева, Бриньковский казачий кадетский корпус имени М.Я. Чайки, Курганинский казачий кадетский корпус, Новороссийский казачий кадетский корпус, Ейский казачий кадетский корпус. В 2015 г. возникла потребность открыть филиал старейшего казачьего кадетского корпуса – ГБОУ КШИ КККК имени атамана М.П. Бабыча в г. Крымске. С сентября 2017 г. начал работу самый молодой, на сегодняшний день, казачий корпус – кадетская школа-интернат «Тимашевский казачий кадетский корпус» [2].

Особое значение возымел жизненный этап, который был определен для кандидатов в корпус – выпускники 6-х классов (13–14 лет) – начало переходного возраста, когда мальчикам необходимы новые формы воспитательного воздействия. Этот момент полностью соответствует традиционной системе социализации казачьей молодёжи – в казачьих общинах имперского периода мальчики 13–14 переводились в статус «подказачники», что сопровождалось военными тренировками с настоящим оружием и участием, наряду с взрослыми казаками, в ежегодных военно-полевых сборах в казачьих лагерях [3].

Обсуждение. Исследовательский интерес отечественных историков к деятельности современных кадетских корпусов стал проявляться с момента их создания. Уже в 2002 г. В.Н. Мироновым была подготовлена кандидатская диссертация на тему «Кадетские образовательные учреждения в России», где кадетское образование оценивается весьма высоко. Приводятся веские аргументы потребности в кадетских корпусах интернатного типа, и представляется высокая значимость кадетского воспитания в современном российском обществе. Кадетские корпуса рассматриваются как центры духовно-нравственного, патриотического и военного воспитания, способные подготовить профессиональных и преданных защитников Отечества. Однако, по мнению специалиста, оправдать ожидаемые надежды кадетские корпуса смогут при условии наличия единой государственной политики в отношении создания корпусов, фи-

нансирования их деятельности, унифицированной учебно-методической базы и центрального органа управления всей системой кадетского образования. Подготовка педагогических кадров для столь специфических учебно-воспитательных учреждений тоже требует самого пристального внимания [4].

В 2003 г. Т.И. Буковская в своей диссертационной работе о кадетском образовании в России отводит большую роль использованию опыта кадетских корпусов и суворовских училищ в современной системе обучения и воспитания [5].

Г.О. Мацневский, исследуя проблемы современной системы казачьего образования на Кубани, акцентирует внимание на неподдельном интересе и заботливом отношении органов власти, казачьих объединений и кубанской общественности к совершенствованию качества системы казачьего образования. Обозначив большое значение казачьего воспитательного и образовательного компонента для духовно-нравственного обогащения молодёжи, снижения преступности и межнациональной консолидации в регионе, исследователь указывает на учебно-методические аспекты, требующие значительной доработки: дополнить обязательные казачьи дисциплины, активизировать работу казаков-наставников, обеспечить обучающихся и преподавателей учебным материалом [6].

В.А. Вазлеев, рассуждая о причинах возросшего интереса к кадетскому образованию в современной России, приводит объяснение этому явлению – стремление восполнить недостаток потенциальных абитуриентов в высшие военные учебные заведения, который возник в конце прошлого века, когда падал престиж воинской службы [7].

Е.Е. Седова и С.В. Пономарева в работе «Преимущество воспитательных традиций в кадетских корпусах» показывают роль традиций как важнейшую скрепу системы кадетского воспитания. Авторы выявляют факторы, формирующие специфические традиции в кадетских корпусах, которые, в свою очередь, становятся инструментом сотворения в воспитанниках особого кадетского духа и шарма. Выдержки из воспоминаний бывших кадет повествуют об особом воспитательном воздействии на юношей традиций ношения военной формы, товарищеской взаимовыручки, почитания старших младшими. В качестве примера осуществления преимущественности полезных кадетских традиций здесь приводится метод проведения уроков мужества, экскурсий по местам боевой славы, участия в торжественных парадах. Особая миссия современных кадетских корпусов в данном исследовании отводится заботе офицеров-преподавателей о воспитании мужского характера у мальчиков из неполных семей или сирот [8].

Из приведённых примеров обсуждения проблемы следует, что практически все исследователи находят полезным использовать опыт работы

российских кадетских корпусов имперского периода, а также их советских аналогов – суворовских и нахимовских училищ. Выпускники этих учебных заведений всегда выделялись высоким уровнем духовности, образования, глубоким чувством патриотизма и бескорыстным служением Отечеству.

Результаты. Современные казачьи кадетские корпуса Краснодарского края постепенно приобретают значение как в деле возрождения историко-культурных традиций кубанского казачества, так и во всём образовательном пространстве региона.

Находясь на обучении в казачьих кадетских корпусах интернатного типа, погружаясь в обособленную среду социализации, молодые люди получают не только знания по общеобразовательным дисциплинам, но также осваивают историю и традиции кубанского казачества, проникаются жизнью и делами современного Кубанского казачьего войска. Находясь вдали от родного дома, в условиях, где исключена чрезмерная родительская опека, под руководством суровых педагогов – профессиональных офицеров и казаков-наставников казаки-кадеты быстрее и в большей степени приобретают самостоятельность и выносливость. С другой стороны, в кадетских корпусах находят приют и возможность получить путёвку в жизнь дети-сироты, дети из малоимущих и неполных семей. Например, в 2012 г. только в Кубанском казачьем кадетском корпусе имени атамана М.П. Бабыча обучалось более 70 % воспитанников из социально необеспеченных категорий населения. В условиях совместного проживания подростки на практике осваивают традиции воинского братства, взаимопомощи и взаимовыручки.

Духовно-нравственный аспект является неотъемлемой частью казачьего воспитательного процесса. За каждым кадетским корпусом прикреплён духовник – священник Русской православной церкви, который приобщает кадет к православной культуре: беседует на религиозные темы, приводит их на богослужения в храм в воскресные дни и на православные праздники. В жилых помещениях обустроены молельные комнаты с православной библиотекой [9]. Всё это необходимо для формирования основной составляющей казачьей ментальности – готовности в любой момент пожертвовать жизнь за Веру и Отечество [10, с. 96].

Приоритетной задачей всех кадетских корпусов является военно-патриотическая подготовка. Сюда входит освоение начальных навыков воинского дела, развитие физической силы, выносливости и дисциплинированности, формирование патриотического сознания, ответственности и служебного рвения.

Достижение высокого эстетического уровня кадет невозможно без развития их творческих способностей, освоения правил этикета, гигиены и манер поведения. Современным кадетам созда-

ны для этого необходимые условия – в казачьих кадетских корпусах по программам дополнительного образования работают разнообразные кружки: технические, интеллектуальные, художественные, музыкальные [11].

По большому счёту, надежды, возлагаемые в конце XX в., получили оправдание – кадетское образование стало давать результаты: к концу 2020 г. семь казачьих кадетских корпусов Краснодарского края обучали до 1300 человек. 90 % выпускников пополняют Кубанское казачье войско и вливаются в ряды первичных казачьих обществ по месту жительства либо по месту учёбы (половина кадет-выпускников поступает для получения высшего образования в военные и гражданские вузы крупных городов региона) [12].

Для дальнейшего совершенствования системы казачьего кадетского образования на Кубани необходимо:

- координировать работу руководителей учебных учреждений данного типа;
- расширить взаимодействие Управления по делам казачества, Министерства образования и Министерства обороны по подготовке унифицированных учебно-воспитательных планов и программ преподаваемых дисциплин.

При достаточном количестве кадровых офице-

ров, перешедших на гражданскую службу в кадетские корпуса, остаётся актуальной проблема профессиональной подготовки и переподготовки педагогических кадров, которые на достойном уровне будут сами разбираться в казачьей специфике и смогут привить «казачий дух» своим воспитанникам.

Заключение. Таким образом, при рассмотрении проблемы истории создания и значения современных казачьих кадетских корпусов в Краснодарском крае, следует вывод о том, что идея возрождения кадетского образования в конце XX в. дала определенные результаты. Кадетские корпуса в регионе стали образцовыми учебными заведениями, где формируется будущая элита кубанского общества. Кадеты, воспитанные на воинских и казачьих традициях служения вере и отечеству, представляют собой отличный кадровый потенциал для всех сфер жизни, прежде всего, армии, силовых ведомств и реестрового казачества. Интернатный тип воспитания и обучения приобретает большую социальную значимость ещё и тем, что даёт возможность детям из неблагополучных семей и сиротам пройти полезную социализацию. Молодёжь, воспитанная на историко-культурных и духовных традициях кубанских казаков, станет оплотом возрождённого казачества и движущей силой его адаптации к современным условиям службы во благо государственных интересов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Александров С.Г. Военно-физическая подготовка казачьей молодёжи в районах Краснодарского края. Проблемы изучения и пропаганды казачьей культуры / С.Г. Александров // Материалы научно-практической конференции (посёлок Тульский, 13 мая 1998 г.). Майкоп : Адыгейское республиканское книжное издательство, 1998. 84 с.
2. Кадетские корпуса – современная площадка подготовки будущих атаманов и защитников нашей Родины // Союз казачьей молодёжи Кубани. URL : <https://скмк.рф/kadetskie-korpusa> (дата обращения 14.10.2023).
3. Емельянов Ю.Н. Специфика военно-сословных представлений и социальной организации кубанского казачества в XIX – начале XX века : монография / Ю.Н. Емельянов; Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани : ООО фирма «АЛЕВ», 2017. 160 с.
4. Миронов В.Н. Кадетские образовательные учреждения в России: История и современность: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Миронов Владимир Николаевич; Красноярский государственный педагогический университет. Красноярск, 2002. 238 с. URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002339710 (дата обращения 22.10.2023). Режим доступа: по подписке. С. 194–206.
5. Буковская Т.И. Кадетские корпуса: История, этапы становления и развития военного образования в России: специальность 07.00.02 «Отечественная история» : дис. ... на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Буковская Татьяна Ивановна; СПбГУ. СПб., 2003. 162 с. URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003296085 (дата обращения 22.10.2023). Режим доступа: по подписке. С. 150–162.

6. Мацневский Г.О. Современная система казачьего образования на Кубани: этапы развития и особенности / Г.О. Мацневский // Педагогика и просвещение. 2017. № 3. С. 20–33. URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23475 (дата обращения 15.10.2023).
7. Вазлеев, В. А. Кадетские корпуса современной России / В.А. Вазлеев // Молодой учёный. 2018. № 3 (189). С. 175–178. URL : <https://moluch.ru/archive/189/47828> (дата обращения 22.10.2023).
8. Седова Е.Е. Преемственность воспитательных традиций в кадетских корпусах (на примере Воронежского Михайловского кадетского корпуса) / Е.Е. Седова, С.В. Пономарева // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1(294). С. 20–24. URL : http://izvestia.vspu.ac.ru/content/izvestia_2022_v294_N1/20-24.pdf (дата обращения 22.10.2023).
9. Лопатин Ю.В. Опыт организации обучения и воспитания учащихся казачьих кадетских корпусов / Ю.В. Лопатин, В.А. Худик // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. Т. 3. № 4. С. 79–86. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=20463126> (дата обращения 15.10.2023).
10. Емельянов Ю.Н. Генезис и особенности сословной ментальности кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.) : монография. Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2007. 139 с.
11. Жукова Е.Ю. Генезис системы кадетского образования в России / Е.Ю. Жукова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2011. № 1(6). С. 72–78. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21967274> (дата обращения 21.10.2023).
12. Казачьи кадетские корпуса: кузница будущего Кубани и Кубанского казачьего войска» // Кубанские новости: сетевое издание: сайт. URL : <https://kubnews.ru/obshchestvo/2020/10/22/kazachi-kadetskie-korporusa-kuznitsa-budushchego-kubani-i-kubanskogo-kazachego-voyska> (дата обращения 14.11.2023).

References:

1. Alexandrov S.G. Military-physical training of Cossack youth in the districts of the Krasnodar Territory. Problems of studying and promoting Cossack culture / S.G. Alexandrov // Materials of the scientific and practical conference (Tulsky settlement, May 13, 1998). Maykop : Adygea Republican Book Publishing House, 1998. 84 p.
2. Cadet corps – a modern training ground for future atamans and defenders of our Motherland // Union of Cossack youth of Kuban : website. URL : <https://скмк .Russian Federation/kadetskie-korporusa> (date of the application 14.10.2023).
3. Emelyanov Yu.N. Specifics of military-class representations and social organization of the Kuban Cossacks in the XIX – early XX century : monograph / Yu.N. Emelyanov; Branch of the Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban. Slavyansk-on-Kuban : LLC firm «ALEV», 2017. 160 p.
4. Mironov, V. N. Cadet educational institutions in Russia : History and modernity : specialty 07.00.02 «National History» : dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / Mironov Vladimir Nikolaevich; Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, 2002. 238 p. URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002339710 (date of the application 10/22/2023). Access mode: by subscription. Bibliogr. P. 194–206.
5. Bukovskaya T.I. Cadet corps: stages of formation and development of military education in Russia: specialty 07.00.02 «Domestic history» : dis. ... for the degree of Candidate of Historical Sciences / Bukovskaya Tatiana Ivanovna; St. Petersburg State University. SPb., 2003. 162 p. URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003296085 (date of the application 10/22/2023). Access mode: by subscription. Bibliogr. P. 150–162.
6. Matsievsky G.O. Modern system of Cossack education in the Kuban: stages of development and features / G.O. Matsievsky // Pedagogy and education. 2017. № 3. P. 20–33. URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23475 (date of the application 10/15/2023).
7. Vazleev V.A. Cadet corps of modern Russia / V.A. Vazleev // Young Scientist. 2018. № 3(189). P. 175–178. URL : <https://moluch.ru/archive/189/47828> (date of the application 10/22/2023).
8. Sedova E.E. Continuity of educational traditions in cadet corps (on the example of the Voronezh Mikhailovsky Cadet Corps) / E.E. Sedova, S.V. Ponomareva // Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. 2022. № 1(294). P. 20–24. URL : http://izvestia.vspu.ac.ru/content/izvestia_2022_v294_N1/20-24.pdf (date of the application 10/22/2023).
9. Lopatin Yu.V. Experience in the organization of training and education of students of Cossack cadet corps / Yu.V. Lopatin, V.A. Khudik // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2012. Vol. 3. № 4. P. 79–86. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=20463126> (date of the application 10/15/2023).
10. Emelyanov Yu.N. Genesis and features of the class mentality of the Kuban Cossacks (late XVIII – early XX centuries) : monograph. Slavyansk-on-Kuban : Publishing Center SSPI, 2007. 139 p.
11. Zhukova E.Yu. The genesis of the cadet education system in Russia / E.Yu. Zhukova // Scientific support of the personnel training system. 2011. № 1(6). P. 72–78. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=21967274> (date of the application 10/21/2023).
12. Cossack cadet corps: the forge of the future Kuban and the Kuban Cossack army» // Kuban news : online edition : website. URL : <https://kubnews.ru/obshchestvo/2020/10/22/kazachi-kadetskie-korporusa-kuznitsa-budushchego-kubani-i-kubanskogo-kazachego-voyska> (date of the application 14.11.2023).

Информация об авторе

Емельянов Юрий Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, обществознания
и педагогических технологий филиала
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования,
Кубанский государственный университет,
г. Славянск-на-Кубани
emelanov@list.ru

Yuri N. Emelyanov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of History,
Social Studies and Pedagogical Technologies
of the branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education,
Kuban State University,
Slavyansk-on-Kuban
emelanov@list.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.21.70.005>
УДК 37.017:94(470.620)

Attribution
cc by

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Емельянов Ю.Н.

Филиал Кубанского государственного университета, г. Славянск-на-Кубани

Аннотация. Актуальность исследования культурно-исторических традиций кубанских казаков вызвана необходимостью их использования в образовательной среде возрождённого Кубанского казачьего войска, чтобы выполнить главную цель казачьего движения – подготовить казачью молодёжь к службе государственным интересам Российской Федерации. Создание условий для традиционной казачьей социализации в настоящее время позволит более эффективно формировать в молодом поколении кубанцев казачью идентичность как военно-служилого сообщества, с высоким чувством патриотизма, способного в любых ситуациях выполнить поставленную задачу во благо государственных интересов. Автор статьи показывает, какие казачьи традиции, сложившиеся в историческом прошлом кубанских казаков, приобрели определённую роль в современной системе казачьего образования, в аспекте патриотического воспитания кубанской молодёжи. Раскрыта роль семейных, общественных и православных соционормативов в формировании основных ценностных установок подрастающего поколения казаков – быть славными защитниками Отечества. Приведены примеры положительных результатов влияния культурно-исторических традиций на молодых казаков, проявивших в наши дни казачью удаль на службе России.

Ключевые слова: история, Кубанское казачье войско, культурно-исторические традиции казачества, православие, образование, воспитание, народная педагогика кубанского казачества.

THE ROLE OF CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS OF THE KUBAN COSSACKS IN THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE KUBAN COSSACK ARMY

Yuri N. Emelyanov

Branch of the Kuban State University, Slavyansk-on-Kuban

Abstract. The relevance of the study of the cultural and historical traditions of the Kuban Cossacks is caused by the need to use them in the educational environment of the revived Kuban Cossack army in order to fulfill the main goal of the Cossack movement – to prepare Cossack youth to serve the state interests of the Russian Federation. The creation of conditions for traditional Cossack socialization at the present time will make it possible to more effectively form in the younger generation of the Kuban Cossack identity as a military service community, with a high sense of patriotism, capable of fulfilling the task in any situation for the benefit of state interests. The author of the article shows which Cossack traditions that have developed in the historical past of the Kuban Cossacks have acquired a certain role in the modern system of Cossack education, in the aspect of patriotic education of the Kuban youth. The role of family, social and Orthodox socionormatives in the formation of the basic values of the younger generation of Cossacks – to be glorious defenders of the Fatherland – is revealed. Examples of positive results of the influence of cultural and historical traditions on young Cossacks who have shown Cossack prowess in the service of Russia today are given.

Keywords: history, Kuban Cossack army, cultural and historical traditions of the Cossacks, Orthodoxy, education, upbringing, folk pedagogy of the Kuban Cossacks.

Введение. С момента возрождения кубанского казачества, в конце XX в., казачьи общества взяли на себя обязательства по патриотическо-

му воспитанию кубанской молодёжи. По их инициативе и при поддержке муниципальных органов власти в поселениях Краснодарского края

стали создаваться детско-юношеские казачьи учреждения, направленные на формирование патриотического сознания кубанской молодёжи. В орбите влияния организаций Кубанского казачьего войска стала складываться определенная казачья образовательная среда. Важной стала проблема применения народных педагогических методик, а также культурно-исторических традиций кубанского казачества в деле приобщения молодёжи к казачьему движению, формирования казачьей идентичности в подрастающем поколении кубанцев [1, с. 297–298].

Особую актуальность в казачьей образовательной среде приобрел военный аспект. События последних лет потребовали более активного внедрения в сознание казачьей молодёжи традиционной тяги к несению государственной службы. В этом случае, стал весьма полезным накопленный исторический опыт казачьей боевой подготовки, проверенный на практике доблестной службой казаков во всех войнах.

Постепенно были созданы условия, способствующие дать ключевую роль культурно-историческим традициям в воспитании служилого сознания. Важнейшим из них стало Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 93 «О видах государственной или иной службы», согласно которому, в Российской Федерации общества казаков получили право воплотить в жизнь одну из основных программных задач возрождающего казачества – выполнять государственную службу: военную, таможенную, природоохранительную [2]. Предоставленные современному казачеству сферы деятельности, соответствуют характеру казачьей службы в прошлом, что обусловило необходимость пристальнее исследовать традиционные формы и методы всесторонней подготовки казаков к государственной службе, для поиска оптимальных путей использования казачества в интересах государства.

Обсуждение. Необходимость развития образовательной среды кубанского казачества и поэтапного приобщения молодёжи к государственной службе привели к обсуждению целого ряда проблем, среди которых не последнее место занимает вопрос о том: Какие традиционные методы воспитания кубанского казачества будут применимы сегодня и станут рациональными? Безусловно, что в наше время невозможно, а порой и недопустимо, использовать все традиционные казачьи образовательные и воспитательные приёмы. Однако существует среди них немало проверенных, которые при определенной переработке можно и сейчас результативно задействовать для подготовки будущих защитников государственных интересов. Важно, чтобы не только педагоги и казачьи общества работали в этом направлении, но и родители учащихся казачьих образовательных учреждений.

Специалистами по казачьей истории выделяется первостепенная роль православной веры в формировании служилого сознания кубанских

казаков. Все важные события и мероприятия в жизни кубанских казаков, в семье и в станице, сопровождалось молитвенным обращением к Богу. Повседневная бытовая жизнь проходила в рамках православных норм и обрядов. Эту всеобъемлющую религиозность казаков учёные-историки объясняют характером их службы – выполнением боевых задач опасных для жизни. Исследователи данной проблематики единогласны в утверждении «ничто так не развивает в человеке религиозного чувства, как постоянная война!» [3; 4, с. 109].

Результаты. Заслуживает пристального внимания система особых военно-служилой обычаев в казачьем быту, которые и сегодня вполне уместны в формировании воинской ментальности казаков. Например, воспитание казака-воина можно, согласно традициям, начинать в «с пелёнок». При рождении мальчика, в первые часы жизни ему даётся потрогать шашку и ружьё. Возможно, здесь значимо не только соблюдение колоритного ритуала как такового, но и первое ощущение ребенка при появлении на свет, где запах оружия станет будущему воину привычным и родным [5, с. 197–200].

Сейчас пользуется залуженным признанием обряд «Посвящение в казаки» у учащихся начальных классов казачьих школ [6]. Он стал традиционным праздником и гармонично трансформировался из старинного семейного обычая казаков. В наши дни церемония проводится по-разному, в зависимости от возможности образовательных учреждений и фантазии организаторов, но, в любом случае имеет большое положительное воздействие на души юных казачат. Исторически торжество проводилось в домашних условиях, в несколько возрастных этапов. Первый этап посвящения в казаки проходил, когда мальчикам исполнялось три года. Родители приглашали участвовать в столь значимом событии всех родственников. В их присутствии отец стриг голову имениннику на казачий манер, затем давал в руки шашку и сажал на коня. С этих пор малыш постепенно учился верховой езде и приобщался к воинским наукам [7, с. 38]. Следующий этап посвящения маленького казака к воинскому обществу наступал в семилетнем возрасте, когда, по православным канонам, человек начинает исповедовать свои грехи пред Богом. По возвращению из храма после первой исповеди совершался особый ритуал перехода мальчика на мужскую половину жилища, где он теперь воспитывался мужчинами – отцом, дедом, старшими братьями. Воинская социализация семилетнего ребенка проводилась как в семье, так и во всей казачьей общине. Например, в святочные дни, когда мужчины устраивали кулачные бои, к ним приобщались и семилетние мальчики. Они первыми выходили биться между собой, а затем уходили в сторону, а бой продолжали старшие по возрасту [8, с. 236].

Для будущих воинов эти кулачные поединки давали многое:

– во-первых, казачата привыкали к драке и не боялись сражений;

– во-вторых, участие в битвах за свой край станицы вместе со старшими братьями, отцами и дедами вселяли чувство боевого братства, сплочённости в достижении общей цели.

В настоящее время эта традиция вряд ли возродится в полной мере, но состязания, где казаки составляют семейную команду в борьбе за достижение победы, уже нашли место в современном образовательном пространстве Кубанского казачьего войска. Конкурс «Папа, мама, я – спортивная казачья семья!» постепенно распространяется в казачьих школах Кубани [9].

В определенные сроки всем мальчикам казачьей общины устраивались потешные сражения, где они проходили первые уроки воинской науки, осваивали тактику боя. Детей, проявивших командирские задатки, атаманы и правление станицы брали на заметку с тем, чтобы в дальнейшем готовить из них офицеров и урядников. Об успехах наиболее ловких казачат докладывали в войсковое правление. Когда юношам исполнилось 14 лет они были обязаны вместе со взрослыми казаками ежегодно проходить летние военные сборы в казачьих полевых лагерях. В конце XIX в. в состав Кубанского казачьего войска входили отдельный полк из казаков-малолеток и артиллерийская батарея [10, с. 21].

Возрожденное казачество, как только начало формировать полки территориальной самообороны при казачьих обществах, возобновило историческую традицию обучения детей воинским наукам – на ежегодные летние военно-полевые сборы вместе с казаками строевых возрастов призывается и казачья молодёжь [11, с. 27].

Особую воспитательную задачу выполняли старики. Казаки-ветераны собирали вокруг себя детей для поучительных бесед, где рассказывали о славном прошлом казаков, вспоминали интересные эпизоды боевой жизни, пели походные песни. Молодые казаки с удовольствием внима-

ли речам и песням старых воинов и мечтали продолжить боевую славу, не посрамить доброе имя предков, когда настанет их время [12].

На современном этапе в Кубанском казачьем войске создана система наставничества, согласной которой за каждой казачьей школой или классом казачьей направленности закреплён от казачьего общества казак-наставник из числа наиболее авторитетных казаков. В обязанности казака-наставника входит регулярное проведение военно-патриотической работы со школьниками: организация конкурсов и состязаний, поездки по местам боевой славы защитников Отечества, чествование памятных дат казачества, привлечение казачат к участию в делах войска – военно-полевых сборах, парадах, поминовениях казаков-героев [13].

Среди участников событий «Крымской весны-2014 г.» [14, с. 28, 72] и специальной военной операции в Украине [15] достойно проявили себя казаки нового поколения, прошедшие обучение в атмосфере культурно-исторических традиций кубанских казаков, в образовательных учреждениях казачьей направленности.

Заключение. Таким образом, культурно-исторические традиции кубанского казачества, трансформированные в современное образовательное пространство Кубанского казачьего войска, играют существенную роль в формировании воинской ментальности кубанской молодёжи. Служилое сознание становится основной ценностной установкой казачьей молодёжи, проявляется в стремлении верно и доблестно служить интересам российского государства. Воинские заслуги казаков перед Отечеством в прошлом и настоящем, их негибкая воля, настойчивость в преодолении любых проблем для выполнения служебных задач наглядно свидетельствуют, что уникальная система казачьего военно-патриотического воспитания даёт ощутимые результаты.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. История Кубани : учеб. пособие; Под общ. ред. В.В. Касьянова. Краснодар : Периодика Кубани, 2009. 336 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 93 «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ». URL : <http://base.garant.ru/197632> (дата обращения 27.09.2023).

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. Новосельцев Г.П. Учёные о религиозности казаков. URL : <https://proza.ru/2023/09/11/473> (дата обращения 27.09.2023).
4. Емельянов Ю.Н. Специфика военно-сословных представлений и социальной организации кубанского казачества в XIX – начале XX века : монография / Ю.Н. Емельянов; Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани : ООО фирма «АЛЕВ», 2017. 160 с.
5. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д., 2001. 278 с.
6. Михайлюта Н.М. Посвящение в казачата. URL : https://yrok.pf/library/posvyashenie_v_kazachata_dlya_1_klassa_190812.html (дата обращения 28.09.2023).
7. Сорвачев П. За други своя и Отечество / П. Сорвачев // Спортивная жизнь России. 1995. № 8. С. 34–42.
8. Матвеев О.В. Слово о Кубанском казачестве. Шептун С.В. Из истории православной церкви на Кубани / О.В. Матвеев, С.В. Шептун. Краснодар : Советская Кубань, 1995. 464 с.
9. Бойко А. Лучшую казачью семью наградили сегодня в школе № 16. URL : <https://zaryakubani.ru/news/molodezh-obrazovanie/30786-luchshuyu-sportivnyu-kazachyu-semyu-nagradili-segodnya-v-shkole-16> (дата обращения 27.09.2023).
10. Овчинников С.В. Войсковой гимн кубанского казачества как памятник гласного исповедания народной души. Краснодар : Советская Кубань, 1993. 32 с.
11. Казачий авангард: Документальное повествование / Н.А. Долуда, С.Е. Капрелов, В.Г. Колесник, В.А. Ламейкин, К.Я. Перенижко, С.В. Платонов, А.М. Щербакова. Ростов-н/Д. : ЗАО «Книга», 2016. 192 с.
12. Архивный отдел администрации, г. Армавир, Ф. Р–1271. Воспоминания-мемуары красных партизан периода гражданской войны. Оп. 1. Д. 149. Л. 15.
13. Долуда Н. Система патриотического воспитания казачьей молодежи – это многогранный комплекс мероприятий. URL : <https://vestnik.edu.ru/main-topic/nikolai-doluda-sistema-patrioticheskogo-vozpitanii-kazachei-molodezhi-eto-mnogogrannyi-kompleks-meropriatii> (дата обращения 27.09.2023).
14. Федчишин В.И. Крым – путь домой. Славянск-на-Кубани : ООО «Алев», 2015. 136 с.
15. Боровик, М. Кубанские казаки в зоне СВО : «Мы будем воевать до Победы». URL : <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/02/21/kubanskie-kazaki-v-zone-svo-my-budem-voevat-do-pobedy> (дата обращения 27.09.2023).

References:

1. History of Kuban : studies. the manual under the general editorship of V.V. Kasyanov. Krasnodar : Kuban Periodicals, 2009. 336 p.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 № 93 «On the types of state or other service to which members of farmstead, village, city, district (yurt), district (separate) and military Cossack societies are involved». URL : <http://base.garant.ru/197632> (date of the application 27.09.2023).
3. Novoseltsev G.P. Scientists on the religiosity of the Cossacks. URL : <https://proza.ru/2023/09/11/473> (date of the application 27.09.2023).
4. Emelyanov Yu.N. Specifics of military-class representations and social organization of the Kuban Cossacks in the XIX – early XX century : monograph. / Yu.N. Emelyanov; Branch of the Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban. Slavyansk-on-Kuban : LLC firm «ALEV», 2017. 160 p.
5. Velikaya N.N. Cossacks of the Eastern Caucasus in the XVIII–XIX centuries. Rostov-on/D., 2001. 278 p.
6. Mikhailuta N.M. Dedication to the Cossacks. URL : https://yrok.pf/library/posvyashenie_v_kazachata_dlya_1_klassa_190812.html (date of the application 09/28/2023).
7. Sorvachev P. For his friends and the Fatherland / P. Sorvachev // Sports life of Russia. 1995. № 8. P. 34–42.
8. Matveev O.V. A word about the Kuban Cossacks. Sheptun, S.V. From the history of the Orthodox Church in the Kuban / O.V. Matveev, S.V. Sheptun. Krasnodar : Sovetskaya Kuban, 1995. 464 p.
9. Boyko A. The best Cossack family was awarded today at school № 16. URL : <https://zaryakubani.ru/news/molodezh-obrazovanie/30786-luchshuyu-sportivnyu-kazachyu-semyu-nagradili-segodnya-v-shkole-16> (date of the application 27.09.2023).
10. Ovchinnikov S.V. The military anthem of the Kuban Cossacks as a monument to the public confession of the people's soul. Krasnodar : Sovetskaya Kuban, 1993. 32 p.
11. Cossack Avant-garde : Documentary narration / N.A. Doluda, S.E. Kaprelov, V.G. Kolesnik, V. A. Lameikin, K.Ya. Perenizhko, S.V. Platonov, A.M. Shcherbakova. Rostov-on/D. : CJSC «Book», 2016. 192 p.
12. Archive Department of the administration, Armavir, F. R–1271. Memoirs-memoirs of the Red partisans of the Civil War period. Op. 1. d. 149. l. 15.
13. Doluda N. The system of patriotic education of Cossack youth is a multifaceted set of measures. URL : <https://vestnik.edu.ru/main-topic/nikolai-doluda-sistema-patrioticheskogo-vozpitanii-kazachei-molodezhi-eto-mnogogrannyi-kompleks-meropriatii> (date of the application 27.09.2023).
14. Fedchishin V.I. Crimea – the way home. Slavyansk-on-Kuban : LLC «Alev», 2015. 136 p.
15. Borovik M. Kuban Cossacks in the SVO zone: «We will fight to Victory». URL : <https://kubnews.ru/obshchestvo/2023/02/21/kubanskie-kazaki-v-zone-svo-my-budem-voevat-do-pobedy> (date of the application 27.09.2023).

Информация об авторе

Емельянов Юрий Николаевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, обществознания
и педагогических технологий филиала
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования,
Кубанский государственный университет,
г. Славянск-на-Кубани
emelanov@list.ru

Yuri N. Emelyanov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of History,
Social Studies and Pedagogical Technologies
of the branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education,
Kuban State University,
Slavyansk-on-Kuban
emelanov@list.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2024.10.82.001>
УДК 32

Attribution
cc by

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ РОССИИ

Касьянов В.В.¹, Попов М.Ю.², Мациевский Г.О.³

¹Кубанский государственный университет,

²Издательство ООО «Наука и образование»,

³Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Аннотация. Актуальность исследования проблематики исторической памяти обусловлена тем, что её сохранение и развитие является одним из важнейших аргументов в борьбе с современными геополитическими вызовами России. Цель научного анализа, поставленная в публикации, состоит в поиске новых направлений, современного инструментария для формирования государственной политики исторической памяти в Российской Федерации. Авторы относят к числу основных результатов исследования положения, в соответствии с которыми в Российской Федерации, в российском обществе необходима разработка программы сохранения развития исторической памяти с особым приоритетом направленности в адрес молодого поколения.

Ключевые слова: историческая память, исторический опыт, Россия (Российская Федерация), национальная идентичность, государственная политика.

HISTORICAL MEMORY IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES TO RUSSIA

Valery V. Kasyanov¹, Mikhail Yu. Popov², German O. Matsievsky³

¹Kuban State University,

²Publishing House «Science and Education» LLC,

³Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Abstract. The relevance of the study of the problems of historical memory is due to the fact that its preservation and development is one of the most important arguments in the fight against modern geopolitical challenges in Russia. The purpose of the scientific analysis set forth in the publication is to search for new directions, modern tools for the formation of state policy of historical memory in the Russian Federation. The authors include among the main results of the study the situation according to which in the Russian Federation, in Russian society, it is necessary to develop a program for preserving the development of historical memory with a special priority aimed at the younger generation.

Keywords: historical memory, historical experience, Russia (Russian Federation), national identity, public policy.

Введение. Значимость политики, нацеленной на формирование и укрепление коллективных идентичностей по сохранению и развитию исторической памяти, возросла на исходе XX века, чему были определены причины. Колоссальным сдвигом, в этом контексте, стали события, связанные с распадом СССР, возникновением новой России.

Постмодернистская критика «метанарративов», как и политические процессы, связанные с распадом «социалистического лагеря» и идеологической гомогенизацией мира в результате универсального распространения либерализма уже не просто как политической идеологии, а как идейной и экономической парадигмы глобализации, вызвали к жизни кризис коллективных идентичностей практически во всех уголках мира.

Эти процессы происходят не только у нас, но и в западных обществах, которые также находятся под воздействием глобализационных процессов – от экономических до миграционных, ставящих под вопрос и национальные границы, и национальные культуры, и национальные политические ценности.

В российском обществе, как и на всем постсоветском пространстве, сегодня происходят глубокие и противоречивые процессы формирования новой модели исторической памяти; причем, эти процессы, отчасти, являются стихийными, отчасти – управляются различными политическими субъектами: от, собственно, государства до различных политических деятелей и группировок, вплоть до маргинальных.

На институциональном уровне формирование исторической памяти связано, в первую очередь, с образованием, поскольку именно школа, колледж, вуз формируют матрицу восприятия исторического прошлого, расставляет вехи, выделяет значимых персонажей и поворотные события истории [1; 5; 6].

Обсуждение. Результаты. Революцией в отношении к историческому прошлому можно считать и появление Интернета, что радикальным образом изменило ситуацию с распространением информации, в том числе исторического (или псевдоисторического) характера, что повлияло на механизмы формирования исторической памяти. Прежде всего, беспрецедентно расширился круг участников этого процесса, и теперь он охватывает не только специалистов, но и всех, интересующихся историей – как в научном ее варианте, так и в лженаучном.

Кроме того, Интернет предоставляет новые возможности для обсуждения тех или иных тем, событий, личностей всеми, кто желает участвовать в таком обсуждении [2].

В российском сегменте мировой сети существует множество сетевых сообществ, посвященных истории, их участники делятся не только информацией, но и постоянно обсуждают те или иные исторические вопросы. Хотя, наша историческая память создается иногда и на основе чуждых нам источников, и оценок Википедии, и других лжеэнциклопедий.

Дискуссии о сущности и особенностях исторической памяти в масштабах государства и общества сегодня актуальны и значимы. Но, конечно, следует отметить и такой очевидный эффект Интернета, как доступность огромного массива исторических материалов, которые индивид может использовать, руководствуясь собственными убеждениями и целями.

Следует учитывать и то, что в формировании исторической памяти, как правило, принимают участие политические деятели, ученые, интеллектуалы, журналисты и творческие деятели самого разного рода. Но в формировании исторической памяти участвуют и обычные граждане, заинтересованные в истории своей семьи, предков, истории края, «малой родины». На основе инициативы таких граждан, могут возникать различные общественные организации и общественные инициативы, связанные с увековечиванием каких-то дат, мест, событий, памяти отдельных людей.

Многообразие участников процесса формирования и поддержания исторической памяти создает парадоксальную ситуацию, когда у общества нет единого представления о своей истории. Это обстоятельство радикально отличается от еще относительно недавнего прошлого, когда различные нации в СССР имели о нем более или менее общее представление, и профессиональ-

ные дискуссии историков не очень влияли на массовые установки.

Сегодня историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Именно поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой, в широком смысле, как обеспечение благополучия государства, нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов.

Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на пути общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найдет окончательное завершение, что соответствует подвижной природе исторической памяти и историчности как базовой характеристике человеческого существования в мире [3].

Обращаясь к прошлому для обоснования своих действий и решений, политики, так или иначе, занимаются его конструированием. При этом отбираются не все события, а лишь те, которые относительно хорошо известны населению, имеют особую эмоциональную значимость, причем как позитивную, так и негативную.

В зависимости от целей политической деятельности, можно апеллировать к событиям, являющимся «величием нации», а можно, – напротив, к тем, которые ассоциируются с поражением, чтобы стимулировать определенного рода массовый отклик.

Российская власть в постсоветский период отечественной истории также столкнулась с необходимостью выработки определенной исторической политики; потребность в этом определялась в связи исчезновением СССР и ослаблением влияния того исторического нарратива, который был выстроен в советскую эпоху [4].

В 1990-е гг. историческая политика российской власти строилась, главным образом, на критике прошлого опыта; то есть, имела негативный характер. Критиковался, в первую очередь, советский период истории нашей страны, поскольку именно его недостатки привели к необходимости радикальных политических и экономических реформ.

Важной темой была критика тоталитаризма, необходимость разрушения которого оправдывала травматичные реформы.

Радикальным образом менялась государственная символика; при этом возникала проблема выработки новых символов и новых ключевых исторических событий.

Однако тотально критичное отношение к советскому прошлому на фоне реального ухудшения качества жизни большинства россиян, вызывало отторжение этих постулатов.

Среди интеллектуалов, настроенных оппозиционно по отношению к правящему режиму, стал формироваться апологетический дискурс, оправдывающий советский период отечественной истории даже в наиболее негативных его проявлениях. Осознание того факта, что только лишь отрицание советского опыта, особенно в проблемной ситуации социально-экономического транзита, привело к попыткам выстроить компромиссную модель, в которой большую роль играла проблематика Победы в Великой Отечественной войне.

Заключение. В период времени, последовавший после прихода на пост Президента Российской Федерации В.В. Путина и отмеченный повышением внимания к исторической памяти, историческому наследию, происходит заметный поворот к реабилитации советского прошлого.

С другой стороны, частичная реабилитация советского прошлого сопровождалась стремлением вернуть целостность российской истории, сделав ее центром развития российской государственности, поэтому советский период превращался в часть этой «тысячелетней» (по В.В. Путину) истории, как и нынешний этап развития российского общества. К примеру, социологические опросы свидетельствуют о том, что

для россиян 9-е Мая является одним из самых значимых праздников. Меняется праздничная символика, возрастает значение личного участия в праздничных мероприятиях, появляются новые практики выражения причастности к прошлому. «Георгиевская лента», «Бессмертный полк» актуализировали проблему исторической памяти о Великой Отечественной войне и Победе в ней в государственном масштабе.

Мы не сомневались в том, что рано или поздно эта политика должна была привести к осознанному восприятию необходимости создания государственной структуры, которая будет осуществлять руководство процессом изучения, сохранения и развития исторической памяти в РФ.

Совсем недавно, наконец, этот процесс начался. 02 ноября 2023 года был подписан Указ Президента РФ «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» [5]. Появилось самое главное – надежда на формирование и развитие государственного, научно объективного отношения к исторической памяти в нашей стране, реальном использовании исторической памяти в контексте современных геополитических вызовов России.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Воденко К.В. Историческая память как инструмент государственной политики в сфере высшего образования: национальный контекст и региональные аспекты / К.В. Воденко, С.С. Черных // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. № 13(15). С. 18–19.
2. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2022. 30 с.
3. Касьянов, В. В. Историческая память как ресурс национальной безопасности / В.В. Касьянов // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. Краснодар : Кубанский государственный университет.
4. Коробицына Л.В. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве / Л.В. Коробицына // История: факты и символы. 2023. № 1. С. 32–33.
5. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения 05.12.2023).
6. Попов М.Ю. Историческая память и культура общества: динамика и закономерности взаимовлияния / М.Ю. Попов, В.В. Касьянов. Ч. 1. С. 37–42.
7. Попов М.Ю. Историческая память и культура общества: динамика и закономерности взаимовлияния / М.Ю. Попов, В.В. Касьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. Ч. 2. № 1. С. 60–65.

References:

1. Vodenko K.V. Historical memory as an instrument of state policy in the field of higher education: national context and regional aspects / K.V. Vodenko, S.S. Chernykh // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. № 13(15). P. 18–19.

2. Dmitrieva M.G. The state and trends in the development of historical memory in the mass consciousness of Russian society : abstract. dis. ... cand. sociol. Sciences: 22.00.04. M., 2022. 30 p.
3. Kasyanov, V.V. Historical memory as a resource of national security / V.V. Kasyanov // Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2019. Krasnodar : Kuban State University.
4. Korobitsyna L.V. Preservation of historical memory in modern Russian society: on the issue of current legislation / L.V. Korobitsyna // History: facts and symbols. 2023. № 1. P. 32–33.
5. Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated November 02, 2023 № 817 «On the creation of an autonomous non-profit organization «National Center of Historical Memory under the President of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information: [site]. URL : <http://publication.pravo.gov.ru> (date of the application 12/05/2023).
6. Popov M.Yu. Historical memory and culture of society: dynamics and laws of mutual influence / M.Yu. Popov, V.V. Kasyanov. Part 1. P. 37–42.
7. Popov M.Yu. Historical Memory and Culture of Society: Dynamics and Laws of Mutual Influence / M.Yu. Popov, V.V. Kasyanov // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences. Culture. Political Science. 2023. Part 2. № 1. P. 60–65.

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории,
социологии и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор,
директор издательства
ООО «Наука и образование»
popov-52@mail.ru

Мацевский Герман Олегович

доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры философии,
культуроведения и социальных коммуникаций
факультета сервиса и туризма,
Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
matsievski2004@mail.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Mikhail Yu. Popov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Director of the Publishing House
«Science and Education» LLC
popov-52@mail.ru

German O. Matsievsky

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Cultural Studies and Social Communications
Faculty of Service and Tourism,
Kuban State University
of Physical Culture, Sports and Tourism
matsievski2004@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.57.52.007>

УДК 94: 271.2(470.67)

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РОССИЙСКО-ГОРСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ КАВКАЗОВЕДОВ

Султанбеков Р.М., Гасанов М.Р.

Дагестанский государственный педагогический университет

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ и оценка характера и особенностей российско-северокавказских взаимоотношений в XVI–XVIII вв., которые и сегодня являются одной из актуальных направлений отечественного кавказоведения, исторической науки и общественно-политической публицистики. Методы и подходы. Оценка российско-горского взаимодействия в контексте формирования южных рубежей Российского государства является задачей сложной, требующего от исследователя комплексного подхода сочетающей в себе формационный и цивилизационный подход. Проанализированы труды современных кавказоведов, в которых отражены основные концепции и направления российско-северокавказских отношений. При этом авторы отмечают противоречивость научных школ кавказоведения в подходах к оценке характера и содержания взаимоотношений российской военной администрации и горских народов Северного Кавказа. Результаты. Вопросы оценки российско-горского взаимодействия нашли достаточно полное освещение в трудах современных кавказоведов, изданных в виде отдельных монографий, статей в научных журналах, сборников материалов научных конференций различного уровня и т.д.

На сегодняшний день в отечественном кавказоведении назрела острая необходимость в выработке взаимоприемлемых подходов к оценке характера российско-северокавказских отношений с учетом как внутренних, так и внешних факторов.

Ключевые слова: Кавказ, народы Северного Кавказа, Дагестан, Российское государство, геополитика, регионы, взаимоотношения, социокультурные аспекты.

ON THE QUESTION OF THE ASSESSMENT OF RUSSIAN-MOUNTAIN RELATIONS IN THE WORKS OF MODERN KAVKAZOLOGISTS

Rabadan M. Sultanbekov, Magomed R. Hasanov

Dagestan State Pedagogical University

Abstract. The purpose of this article is to analyze and evaluate the nature and features of Russian-North Caucasian relations in the XVI–XVIII centuries, which today are one of the most relevant areas of Russian Caucasian studies, historical science and socio-political journalism. Methods and approaches. The assessment of Russian-mountain cooperation in the context of the formation of the southern borders of the Russian state is a complex task that requires a comprehensive approach from the researcher combining a formational and civilizational approach. The works of modern Caucasian historians are analyzed, which reflect the main concepts and directions of Russian-North Caucasian relations. At the same time, the author notes the inconsistency of the scientific schools of Caucasian studies in approaches to assessing the nature and content of the relationship between the Russian military administration and the mountain peoples of the North Caucasus. Results. The issues of assessing the Russian-mountain cooperation have found quite complete coverage in the works of modern kavkazologists, published in the form of separate monographs, articles in scientific journals, collections of materials of scientific conferences of various levels, etc.

To date, there is an urgent need in Russian Caucasian studies to develop mutually acceptable approaches to assessing the nature of Russian-North Caucasian relations, taking into account both internal and external factors.

Keywords: the Caucasus, the peoples of the North Caucasus, Dagestan, the Russian state, geopolitics, regions, relationships, socio-cultural aspects.

Введение. В статье нашли освещение многогранные связи народов Северного Кавказа и России в XVI–XVIII в., которые и сегодня являются одной из актуальных направлений отече-

ственного кавказоведения, исторической науки и общественно-политической публицистики. Оценка взаимосвязей царской власти и горцев в контексте формирования южных рубежей Россий-

ского государства является задачей трудной, требующего от исследователя новых подходов, сочетающих в себе формационный и цивилизационный подход. Проанализированы труды современных кавказоведов, в которых отражены основные концепции и направления российско-северокавказских отношений. При этом автор отмечает противоречивость научных школ кавказоведения в подходах к оценке характера и содержания взаимоотношений российской военной администрации и горских народов Северного Кавказа. На сегодняшний день в отечественном кавказоведении назрела острая необходимость в выработке взаимоприемлемых подходов к оценке характера российско-северокавказских отношений с учетом как внутренних, так и внешних факторов.

Взаимоотношения народов Северного Кавказа и России восходят к глубокой древности, и прошел ряд этапов, разных по своему содержанию, целям, задачам, методам и средствам их осуществления. В отечественной исторической науке нет единого мнения по вопросу периодизации и содержания российско-северокавказских отношений.

В конце XX в. историками были выдвинуты два противоположных тезиса о характере и содержании российско-северокавказских отношений:

- первый – о частых вооруженных конфликтах между народами Северного Кавказа и Россией;
- второй – о том, что эти взаимосвязи носили эпизодический характер, и выражались в взаимовыгодных для обеих сторон торгово-экономических связях.

Одним из спорных и дискуссионных остается вопрос о времени и характере интеграции народов Северного Кавказа в состав Российского государства. На сегодняшний день в советском и российском кавказоведении нет единого мнения, согласно которому можно было бы с уверенностью говорить о точной дате начала присоединения народов Северного Кавказа к Российской империи. В 80-е гг. XX в., когда по всей стране отмечали юбилей добровольного вхождения многих народов Северного Кавказа, за основу брали дату подписания первого документа о принятии российского подданства кабардинскими феодалами.

Но этот подход не выдерживает критики, так как акт заключения договора, соглашения, союза не означал включения данного этноса или территории в состав российского государства. На наш взгляд, вхождение любого из кавказских народов в состав России не является единовременным актом, а представляет собой длительный процесс постепенной социально-экономической и культурной интеграции.

Обсуждение. На сегодняшний день в отечественной историографии сформировались две концепции вхождения народов Северного Кавка-

за в состав России: первая – концепция завоевания и покорения Кавказа, выдвинутая еще дореволюционной историографией (имперский подход).

На современном этапе это направление представлено в трудах представителей научной школы М.М. Блиева, В.В. Дегоева, В.Б. Виноградова. Основными тезисами данного подхода являются указания на «горское хищничество» и «религиозный фанатизм» горцев, «набеговая система» – как образ жизни горцев Дагестана и Чечни.

Вторая концепция «добровольного» вхождения народов Северного Кавказа в состав российского государства возникла в недрах советской историографии 80-е гг. XX в. По мнению проф. В.П. Крикунова «... от термина «добровольное вхождение» ... вообще следует отказаться, поскольку это понятие пронизано духом антиисторизма» [18, с. 41].

В то же время, советская историография в 20–30 гг. XX в. выдвинула тезис о колониальной политике царской России в отношении народов Северного Кавказа, и объяснялось это, утвердившимся в коммунистической идеологии постулатом «Царская Россия – тюрьма народов».

Однако новые концептуальные подходы в трактовке российско-северо-кавказских отношений, и попытка возродить теорию об отсталости горцев, предпринятые М.М. Блиевым, В.В. Дегоевым в 80-е гг. XX в., поставили под сомнение сущность колониальной политики царизма на Кавказе [3, с. 6]. Они отмечают, что горцы своей агрессивной политикой и постоянными набегами на соседние христианские народы не оставляли иного выбора царским властям, как предпринимать ответные карательные действия. В то же время, по их мнению, «не завоевывала Россия Кавказ, а отвоевывала его совместно с кавказскими народами у Персии и Турции, господствовавших в тот период в регионе...» [1, с. 43; 16, с. 91]. В.Б. Виноградов пишет, что «колониальная сущность российской политики на Северном Кавказе и на прочих «национальных окраинах» не была обоснована и доказана, она по тем временам не нуждалась в доказательствах. Существенные отличия деятельности российской власти от европейской колониальной практики не замечались и не анализировались» [3, с. 71]. Мы не можем согласиться с точкой зрения автора, так как только за последние десятилетия, по мнению самого же автора, изданы десятки монографий, сборников статей, где в большей или меньшей мере, при наличии определенных модификаций и подвижек, «... демонизировалась политика России на Северном Кавказе, при идеализации жизненных привычек и действий горцев и их стадийного уровня развития» [3, с. 72].

Другая часть исследователей полагает, что процесс интеграции северо-кавказского региона в состав Российской империи носил завоевательный характер, и политика России на Кавказе являлась колониальной. Свое видение периодиза-

ции российско-сеveroкавказских отношений предложили Р.М. Магомедов, Х.Х. Рамазанов, В.Г. Гаджиев, В.Т. Тотоев, Ш.А. Гапуров [22]. «Многовековая политика России на Северном Кавказе, — по мнению Ш.А. Гапунова, — может быть разделена хронологически на четыре периода...» [6, с. 89]. «Становление и развитие русско-кавказских отношений — пишет Р.М. Султанбеков — включает в себя такие этапы, как довольно нерегулярный обмен послами, строительство военно-оборонительных, казачьих поселений по Тереку, военно-наступательные действия русских войск» [26, с. 74].

Во второй половине XVI в. с образованием централизованного Российского государства и стремительным продвижением в юго-восточном направлении начинается процесс интеграции народов Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство. Начиная со второй половины XVI в., отдельные владетели Северного Кавказа отправляли послов к русским царям с просьбой принять их в российское подданство или заключить договор о военно-политическом союзе. В этом же 1557 г. к Ивану Грозному обращались владетели Дагестана: шамхал, аварский хан, тюменский правитель [5, с. 146].

Заключение соглашения или иного рода союзов между горцами и царскими властями не означало установления здесь российской власти и даннических обязательств. Обложение горских обществ в различной форме данью и податями началось более позднее время и связано с деятельностью наместника Кавказа Ермолова.

В 1557 г. между Россией и Кабардой был заключен военно-политический союз направленный, прежде всего, против вассала османского государства Крымского ханства. В советской исторической науке на протяжении длительного периода данный договор преподносили как акт добровольного вхождения Кабарды в состав Российского государства, в то время как дореволюционные историки считали его лишь заключением сторонами военно-политического союза. «Сей поступок — отмечал С. Броневский, — был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам, весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев, которые в походах царя Ивана на Лифляндию, Польшу, против крымских татар, отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростью им свойственною, много способствовали его победам» [4, с. 73].

Проф. М.Р. Гасанов считает данный союз военно-политическим по своему содержанию, и отмечает, что «такая оценка представляется реалистичной...», так как «в течение длительного времени, Кабарда была вполне самостоятельна не только во внутренних делах, но и в отношениях с другими странами» [5, с. 133].

В то же время, заключение союза Кабарды с Россией способствовало расширению связей соседних горских народов. Для Российского государства открывались широкие перспективы продвижения на стратегически выгодном восточном направлении, с выходом на рубеж р. Терек. Овладение волжскокаспийским торговым путем становится важнейшей задачей молодого Российского государства. Этому благоприятствовала и позиция кабардинских феодалов, давших согласие на строительство в 1567 году первой крепости русских на Северном Кавказе — Терского городка [19, с. 365–366].

Военно-политические отношения российских властей и горцев на начальном этапе интеграционного процесса отличались взаимовыгодным характером: местные правители в борьбе за власть со своими политическими оппонентами часто обращались за помощью к российским войскам. В то же время, Российское государство в условиях острого соперничества с Ираном и Турцией за установление своего господства в северокавказском регионе нуждалось в союзе с горскими народами. В результате взаимного интереса, в военно-союзнических отношениях в Москву отправлялись посольства от дагестанских владетелей, в частности Шамхал в 1568 г. послал «своего внука в Москву служить государю, а сам бьет челом, хочет быть в его воле» [20, с. 61]. С таким же просьбами к русским царям обращались и остальные правители Северного Кавказа. В свою очередь представители царских властей бывали частыми гостями феодальных владетелей Северного Кавказа, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы и материалы сборников архивных материалов [25].

Обращения горцев выражены, в основном, в принесении присяги на верность и подданство российскому государю, в которых, как правило, оговаривались права и обязанности каждой из сторон. В обязанность горских владетелей входило предоставление войск в борьбе против врагов Российского государства, полное и безусловное подчинение. За нарушение присяги, наказание было очень суровым вплоть до заключения в тюрьму. В то же время, известны случаи одновременного двойного подданства многих владетелей, считавших себя вассалами русского царя и иранского шаха.

Дискуссионным остается вопрос о содержании шертных договоров, подданства, вассально-союзнических отношений. Ш.А. Гапуров считает, «что российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев России часто носили формальный характер» [9, с. 127]. По мнению же А.П. Новосельцева, каждый горский правитель, обращавшийся к России в XVI–XVIII вв., был заинтересован в сохранении своей власти, часть которой он готов был в силу тех или иных причин уступить российскому монарху. Но только часть. Обращавшиеся к России горские владетели, старейшины вовсе не были намерены полностью утра-

тить свою независимость, тогда как царское правительство было заинтересовано в полном их подчинении» [23, с. 55]. Большинство историков республик Северного Кавказа признают данную форму взаимоотношений военно-политическими союзами двух субъектов – Российской государства и феодальных владений.

Категорически не согласен с подобной трактовкой Б.В. Виноградов, который отмечает, что «...представителями «национального историописания»... активно используются наработки советской историографии, согласно которым, у России и горских народов складывались равноправные военно-политические союзы» [3, с. 72]. Далее он отмечает, что «... для обоснования исторического бытия равноправных военно-политических союзов между Россией и горскими антисоциальными сообществами... целенаправленно завышается уровень стадийного развития своих народов. делаются выводы о сложившихся феодальных отношениях ко времени интегрирования в российскую государственную систему» [3, с. 73].

На наш взгляд, феодальные владетели Кавказа воспринимали свои отношения с российскими властями как союзнические, а сам факт заключения соглашения, принесения присяги (шертование) понимали как политический союз, направленный против общих врагов, а не как факт превращения горских владельцев в подданных России.

Вторая половина XVI–XVII в. – это время сложных, далеко не прямолинейных отношений между Россией и горскими народами, когда «помимо войн, грабительских набегов, оборонительно-наступательных союзов, существовали отлаженные торговые, политико-дипломатические, культурные связи на всех уровнях, династические браки, личная дружба и симпатии между правителями и пр... Граница между Российским государством и местными политическими образованиями находилась в подвижном состоянии, представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения, но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные (куначеские) связи. Шел процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие.» [11, с. 129].

В XVII в. Россия на Северном Кавказе отказывается от метода ведения военных действий, так как царская администрация поняла, что для усиления ее влияния на Кавказе необходимо гораздо больше времени, и самое главное, отказ от военных методов и средств [10, с. 187]. В 40-е гг. XVII в. расширились торговые связи России с северокавказскими владетелями. В этом огромную роль играл Терский городок. Через него отправлялись русские посольства в Персию и в Закавказье, осуществлялись сношения с владетелями Дагестана, Кабарды. Расширялся ассортимент товаров, включая порох и огнестрельное

оружие, которое находилось под запретом. В течение XVII в. торговые связи северокавказских владетелей с Россией были регулярными. Торговые люди вместе с послами приезжали в Москву, Астрахань со своими товарами.

На верность московскому царю с 1614 по 1642 г. присягнули тарковский, казикумухский, аварский, карабудахентский владетели, благодаря преимущественному использованию в своей политике дипломатических, политических и экономических средств.

Расширение южных границ Российской империи в XVIII в. и постепенное включение в ее состав вновь присоединяемых территорий, поставило перед правительством сложную проблему выработки взаимоприемлемых форм и методов интеграции в административно-правовое, экономическое и культурное пространство страны. «Поскольку формирование общегосударственного единства происходило в сложной военно-политической обстановке, – пишет Т.А. Колосовская – одну из главных ролей в этом процессе сыграли российские военные. Сосредоточив в своих руках одновременно и военную и гражданскую власть, представители высших военных кругов высказывали идеи и предлагали конкретные проекты включения Кавказа в общую структуру России: от жестких силовых методов до компромиссных решений, основанных на изучении психологии и традиций горских народов» [17, с. 3–12].

Другими мерами царского правительства по укреплению российского влияния на Кавказе стало установление прочных отношений с представителями разных слоёв кавказского общества в целях расширения имперского политического, социального и культурного влияния в регионе. Как направление кавказской политики России, установление «сотрудничества с лояльными нерусскими элитами», открывало возможности «широко применять невоенные способы проникновения на Кавказ» [13, с. 43].

Оценивая характер и особенности российско-горского взаимодействия В.Б. Виноградов пишет, что «... следует осознать, что в его рамках горские сообщества, в силу своего традиционного уклада, вытекающего из их стадийного состояния (подчеркнуто мною – Р.С.), не могли демонстрировать иной «стандарт поведения», чем то было в реальности. Вместе с тем, признавая это, необходимо помнить и другое – что российская политика в регионе не могла иметь иной характер, бесконечно подстраиваясь, вопреки интересам, а нередко – и безопасности России под особенности жизненных привычек беспокойных горских «поданных» [3, с. 79]. Судя по содержанию текста, автор отрицает наличие равноправных военно-политических союзов у России и горских народов, оправдывает колониальную политику царской администрации, считая, что у России не было иного выбора в силу «традиционного уклада» и «жизненных привычек беспокойных горских «поданных»».

Аналогичную оценку отношениям горских народов Северного Кавказа и российских властей дает Д.К. Маркова. Она пишет, что «горцы не признавали над собой никакой власти, кроме силы оружия. Всякая вялость и неопределенность со стороны российских имперских властей ободряюще действовало на них, и они всегда были в пользу горцев. Разного рода присяги российскому императору или обязательства, если они не подкреплялись военно-силовыми аргументами, ничего не стоили в глазах горцев» [17, с. 24]. В то же время, Ш.А. Гапуров отмечает, «что и тогда, и позже царизм далеко не всегда относился к горским феодалам как равным политическим союзникам. С горцами можно было вести какие-либо переговоры и заключать политические соглашения на таких условиях и на такое время, на каких это нужно российской власти» [8, с. 67].

Другая сторона российско-горского взаимодействия – это нарастание конфликтности и вовлечение в противостояние все большей массы взрослого горского населения. Ряд исследователей в качестве причины конфликтности указывают на социокультурные особенности горцев. В частности, В.П. Дегоев указывал на тот факт, что «в отношениях с Российской империей горцы никак не хотели и «не могли уразуметь, что это уже не только «их аулы», но и часть огромного государства, где существуют определенные порядки и законы, совершенно отличные от того к чему они привыкли» [12, с. 26]. Далее, оправдывая неизбежность вооруженного конфликта между горцами и царской военной администрацией, он пишет что, «... и русские не могли оставить в покое Кавказ, который стал частью империи, не могли допустить сохранения в местных жителях «порочных наклонностей», что выросло в межцивилизационный конфликт, при котором трудно было бы найти приемлемые для сторон решения» [12, с. 22].

Д.К. Маркова пошла еще дальше в выяснении причин конфликтных настроений среди основной массы горцев. Она пишет, что «в силу обстоятельств природного и социально-культурного характера, повлиявших на становление особого кавказского способа повседневного существования, а также в условиях многовекового давления извне со стороны экспансионистских держав, горские общества выработали особый способ существования (подчеркнуто мною – Р.С.), который содействовал наличию в их среде перманентной конфликтности. Эта конфликтность сделалась не только инструментом получения жизненных благ, но и способом их выживания» [17, с. 27]. Безусловно, горские социальные общества впитали в себе за тысячелетия своего существования дух воинственности, готовность встать на защиту своей территории, дорожит честью и свободой. Все это диктовалось необходимостью самообороны, сохранения самостоятельности, традиционного быта и уклада жизни горцев, потому, на наш взгляд, было бы невер-

ным утверждать, что «в этом была фундаментальная причина почти имманентной конфликтности как внутри горских обществ, так и в конфликте горцев с внешним миром. По этой причине они были более склонны к воинственности, вражде, чем миролюбию или компромиссу» [17, с. 26].

Результаты. В процессе исследования проблемы оценки характера и содержания российско-горских взаимоотношений были проанализированы труды современных кавказоведов, изданных в виде отдельных монографий, статей в научных журналах, сборников материалов научных конференций различного уровня и т.д.

Установлено, что в конце XX в. историками кавказоведами были выдвинуты два противоположных тезиса о характере и содержании российско-северо-кавказских отношений:

- первый – о частых вооруженных конфликтах между народами Северного Кавказа и Россией;
- второй – о том, что эти взаимосвязи носили эпизодический характер и выражались во взаимовыгодных для обеих сторон торгово-экономических связях.

Выявлены противоречия различных научных школ в подходах о времени и характере интеграции горских народов Северного Кавказа в состав Российского государства и содержании шерстных договоров, подданства, вассально-союзнических отношений.

Проведенный анализ трудов современных кавказоведов позволяет судить о наметившемся за последние годы сближении позиций и подходов в оценке российско-сеveroкавказских отношений в трудах представителей различных научных школ Северного Кавказа.

Заключение. В 1557 г. между Россией и Кабардой был заключен военно-политический союз, который на протяжении длительного периода преподносили как акт добровольного вхождения Кабарды в состав Российского государства.

Военно-политические отношения российских властей и горцев на начальном этапе интеграционного процесса отличались взаимовыгодным характером.

Обращения горцев выражены в основном в принесении присяги на верность и подданство российскому государю, в которых, как правило, оговаривались права и обязанности каждой из сторон.

В XVII в. Россия на Северном Кавказе отказывается от метода ведения военных действий, так как царская администрация поняла, что для усиления ее влияния на Кавказе необходимо гораздо больше времени, и самое главное, отказ от военных методов и средств.

Расширение южных границ Российской империи в XVIII в. и постепенное включение в ее состав вновь присоединяемых территорий поставило перед правительством сложную проблему выра-

ботки взаимоприемлемых форм и методов интеграции в административно-правовое, экономическое и культурное пространство страны.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
2. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. : Росет, 1994. 592 с.
3. Виноградов В.Б. Еще раз к проблеме оценивания характера и особенностей российско-горского взаимодействия в XVI – начале XIX века: Интеграция народов Кавказа и России / В.Б. Виноградов // Материалы международной научно-практической конференции. Махачкала : изд-во Алеф, 2013.
4. Века совместной истории: Народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик, 1917.
5. Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004. 527с.
6. Гапуров Ш.А. Некоторые аспекты российско-горских отношений в XVI–XVIII вв.: Интеграция народов Кавказа и России / Ш.А. Гапуров // Материалы международной научно-практической конференции. Махачкала : Изд-во Алеф, 2013.
7. Гапуров Ш.А. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века / Ш.А. Гапуров, Д.Б. Абдурахманов, А.М. Израйлов. Нальчик, 2008.
8. Гапуров Ш.А. Некоторые аспекты российско-горских отношений в XVI–XVIII вв.: Интеграция народов Кавказа и России / Ш.А. Гапуров, С.С. Магамадов, И.Л. Мусаев // Материалы международной научно-практической конференции. Махачкала : Изд-во Алеф, 2013. С. 86–92.
9. Гапуров Ш.А. Особенности складывания российско-северокавказского государственного единства (XVI–XIX вв.) / Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв. Материалы VIII Международного форума кавказоведов. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. Ч. 1. С. 122–129.
10. Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик : Эльфа, 2003. 445 с.
11. Дегоев В.В. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности / В.В. Дегоев // Институт цивилизации (Владикавказ). Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 1999.
12. Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М. : Модест Колеров, 2013. 254 с.
13. Дзамихов К.Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик, 2007.
14. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007.
15. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России, Махачкала, 2009.
16. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика. Исторические очерки. М., 2015.
17. Колосовская Т.А. Из истории сохранения и использования документов военных архивов Северного Кавказа в последней четверти XIX – начале XX в. / Т.А. Колосовская // Отечественные архивы. 2015. № 4.
18. Крикунов В.П. Историк должны быть выше национальных обид / В.П. Крикунов // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 41–42.
19. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.
20. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения в XVI–XVII вв. / Е.Н. Кушева // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 61.
21. Маркова Д.К. Условия и причины существования конфликтных сообществ на Северном Кавказе в XIX в. / Д.К. Маркова; Отв. ред. Акад. Г.Г. Матишов // Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2021 г., г. Пятигорск) : в 2 ч. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. Ч. 2. С. 22–27.
22. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 50-х гг. XIX века // Всесоюзная научная конференция 20–22 июня 1989 года. Махачкала, 1994.
23. Новосельцев А.П. Правдиво отображать историю взаимоотношений народов нашей страны / А.П. Новосельцев // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 54–56.

24. Потто В.А. Кавказская война : в 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 2.
25. Русско-дагестанские отношения XVIII – начало XIX в. М. : Наука, 1988.
26. Султанбеков Р.М. К вопросу о русско-дагестанских отношениях на рубеже XVI–XVII вв.: Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства / Р.М. Султанбеков // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов 16 ноября 2015 г. Ростов-н/Д., 2015.

References:

1. Bliев M.M. Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the way to civilization. M., 2004.
2. Bliев M.M., Degoeв V.V. The Caucasian war. M. : Roset, 1994. 592 p.
3. Vinogradov V.B. Once again to the problem of assessing the nature and features of Russian-mountain cooperation in the XVI – early XIX century: Integration of the peoples of the Caucasus and Russia / V.B. Vinogradov // Materials of the international scientific and practical conference. Makhachkala : Alef Publishing House, 2013.
4. Centuries of Joint History: The Peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917). Nalchik, 1917.
5. Hasanov M.R. Dagestan in the history of the Caucasus and Russia. Makhachkala, 2004. 527 p.
6. Gapurov Sh.A., Some aspects of Russian-mountain relations in the XVI–XVIII centuries: Integration of the peoples of the Caucasus and Russia. Materials of the international scientific and practical conference. – Makhachkala : Alef Publishing House, 2013.
7. Gapurov Sh.A. Dagestan in the Caucasian politics of Russia in the first quarter of the XIX century / Sh.A. Gapurov, D.B. Abdurakhmanov, A.M. Izrailov. Nalchik, 2008.
8. Gapurov Sh.A. Some aspects of Russian-mountain relations in the XVI–XVIII centuries: Integration of the peoples of the Caucasus and Russia / Sh.A. Gapurov, S.S. Magamadov, I.L. Musaev // Materials of the International scientific and practical conference. Makhachkala : Alef Publishing House, 2013. P. 86–92.
9. Gapurov Sh.A. Features of the formation of the Russian-North Caucasian state unity (XVI–XIX centuries) / Sh.A. Gapurov, A.M. Bugaev // The peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries. Materials of the VIII International Forum of Caucasian Studies. Rostov-on/D. : Publishing house of the UNC RAS, 2021. Part 1. P. 122–129.
10. Gapurov Sh.A. Russia and Chechnya in the first quarter of the XIX century. Nalchik : Elfa, 2003. 445 p.
11. Degoeв V.V. The Caucasus in the structure of Russian statehood: the legacy of history and challenges of modernity / V.V. Degoeв // Institute of Civilization (Vladikavkaz). Bulletin of the Institute of Civilization. Vladikavkaz, 1999.
12. Degoeв V.V. Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time (XVIII century). M. : Modest Kolerov, 2013. 254 p.
13. Dзамикхов K.F. Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the XVI–XVII centuries. Nalchik, 2007.
14. History of the centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia. Nalchik, 2007.
15. The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. On the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia. Makhachkala, 2009.
16. Klychnikov Yu.Yu. Russian statehood and North Caucasian archaism. Historical essays. M., 2015.
17. Kolosovskaya T.A. From the history of preservation and use of documents of military archives of the North Caucasus in the last quarter of the XIX – early XX century / T.A. Kolosovskaya // Domestic archives. 2015. № 4.
18. Krikunov V.P. Historians should be above national grievances // Questions of history. 1989. № 5. P. 41–42.
19. Kusheva E.N. The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia: the second half of the XVI – 30s of the XVII century. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 371 p.
20. Kusheva E.N. The North Caucasus and international relations in the XVI–XVII centuries / E.N. Kusheva // Historical magazine. 1943. № 1. P. 61.
21. Markova D.K. Conditions and reasons for the existence of conflict communities in the North Caucasus in the XIX century / D.K. Markova; Ed. Academician G.G. Matishov // Materials of the VIII International Forum of Historians-kavkazov (October 14–15, 2021, Pyatigorsk). At 2 o'clock 2. Rostov-on/D. : Publishing House of the UNC RAS, 2021. P. 22–27.
22. The People's Liberation movement of the mountaineers of Dagestan and Chechnya in the 50s of the XIX century // All-Union Scientific Conference June 20–22, 1989. Makhachkala, 1994.
23. Novoseltsev A.P. Truthfully reflect the history of relations between the peoples of our country / A.P. Novoseltsev // Questions of History. 1989. № 5. P. 54–56.
24. Potto V.A. The Caucasian War : in 5 vol. Stavropol, 1994. Vol. 2.
25. Russian-Dagestan relations of the XVIII – beginning of the XIX century. M. : Nauka, 1988.
26. Sultanbekov R.M. On the issue of Russian-Dagestan relations at the turn of the XVI–XVII centuries / R.M. Sultanbekov // Russian-Caucasian relations: from the first contacts to the modern unity // Materials of the III International Forum of historians-kavkazov on November 16, 2015. Rostov-on/D., 2015.

Информация об авторах

Султанбеков Рабадан Магомедович

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории,
исторический факультет,
Дагестанский государственный
педагогический университет, г. Махачкала
rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Гасанов Магомед Раджабович

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории,
Дагестанский государственный
педагогический университет, г. Махачкала
rabadan@yandex.ru

Rabadan M. Sultanbekov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History,
Faculty of History,
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Magomed R. Hasanov

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of History,
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
rabadan@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Возвращаться некуда солдату
Забрала его родных война.
И от горя тесно в горле мату
Не поет победная весна.
Из вагона вышел, еле дышит,
К сердцу боли подкатил комок.
Вдруг он голос за спиною слышит
Пашенька! Родной! Живой, сынок!
Женщина на грудь ему упала,
И замер он, не зная, что сказать.
Я же знала Пашка! Я же знала!
Каждый день хожу тебя встречать.
И не смог сказать, что обозначась,
Возвратить из сказочного сна.
Вновь от страшной боли сердце сжалось,
Что же ты наделала война!
Обнял он ее и улыбнулся!
Молвил тихо, слезы не тая,
Здравствуй мама, здравствуй, я вернулся.
Я с тобой, любимая моя!
За руку взяла его покрепче,
Пашку, чтобы опять не потерять.
Новой обманувшейся надеждой
От горя обезумевшая мать.
А солдата разве Бог осудит?
Ну а в прочем, что там рассуждать!
Если мать так безгранично любит!
Так хотела, так умела ждать!
Так и жили Паша, и не Паша
Годы шли, старела мать не мать,
Бог воздал бойцу за счастье наше,
Ей за то, что так умела ждать.

Кирилл Вишневецкий,
г. Краснодар

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.77.30.011>
УДК 81

Attribution
cc by

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Го Чжижэнь

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация. Актуальность исследования определяется тем, что социальная жизнь человека определена ценностями, которые люди придают вещам, действиям, другим и себе, люди живут не в прямом контакте с миром, а через общие ценности, которые предоставляются культурой. Методы. Объект исследования – коммуникации, как часть человеческого опыта. Предмет исследования – культурная коммуникация, как общественный феномен. Цель исследования – рассмотреть, как межкультурная коммуникация как часть человеческого опыта формирует феномен общественного сознания. Результаты. В статье аргументируется, что опосредованный человеческий опыт общения составляет культурный опыт и формирует единую общность закономерные и предсказуемые образцы поведения и мышления внутри культур, отражают способы мышления, чувств и убеждений. Они образуются в результате адаптации, обмена и сохранения культурной информации, в различных культурах образцы могут быть как схожими, так и различными.

Выводы. Термин «межкультурная» используется для описания коллективного существования и создания общих символов, которые формируют единое общественное пространство и в контексте культуры человеческий опыт, в своей сути, является значимым феноменом общественной жизни и зависит от культуры.

Ключевые слова: коммуникация, человеческий опыт, культурная коммуникация, инкультурация, аккультурация.

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A SOCIAL PHENOMENON

Guo Zhiren

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. Annotation. The relevance of the research is determined by the fact that a person's social life is determined by the values that people attach to things, actions, others and themselves, people do not live in direct contact with the world, but through common values that are provided by culture. Methods. The object of research is communication as a part of human experience. The subject of research is cultural communication as a social phenomenon. The purpose of the research is to consider how intercultural communication as a part of human experience forms the phenomenon of social consciousness. Results. The article documents that the mediated human experience of communication constitutes cultural experience and forms a single community of natural and predictable patterns of behavior and thinking within cultures, reflect the ways of thinking, feelings and beliefs. They are formed as a result of adaptation, exchange and preservation of cultural information, in different cultures samples can be both similar and different.

Conclusions. The term «intercultural» is used to describe the collective existence and creation of common symbols that form a single public space and, in the context of culture, human experience, in its essence, is a significant phenomenon of public life and depends on culture.

Keywords: communication, human experience, cultural communication, inculturation, acculturation.

Введение.

Культура, это результат обмена между людьми: люди сотрудничают и делятся знаниями и навыками с другими членами своих общин. Способ и содержание обмена помогают формировать культуру: «Культура понятие не просто много-составное, но и имеет внутреннюю сложность, которая определяет многообразие форм и содержания понятия, различную категоризацию и типологию понятия» [1, с. 8]. Поведение, ценности и нормы формируются через процесс, известный как инкультурация; этот процесс начи-

нается с родителей и близкого окружения, оказывающих основное влияние на маленьких детей. Воспитатели учат детей, как непосредственно, так и своим примером, стандартам поведения и устройству мира, они обучают вежливости, например, научив детей говорить «Спасибо» и учат соответствовать культурным обычаям, включая одежду, манеры, этику, эстетику поведения в национальной культурной среде. Взаимодействие различных сообществ и обществ формирует единое общественное пространство и в контексте культуры коммуникация между различными представителями различных культур

© Го Чжижэнь

турных пространств является значимым феноменом общественной жизни и зависит, прежде всего, от национальной культуры.

Обсуждение.

В мировом сообществе недопонимание культурных различий может иметь серьезные последствия; так, неудачи в этой области коммуникации могут привести к росту противоречий и культурной напряженности из-за недостаточного предварительного изучения национальных культурных особенностей. Особенно это относится к медиа-продукции; так, изменение дизайна и перепечатка могут стоить организациям очень дорого, поэтому важно убедиться в том, что весь используемый контент соответствует культурным нормам и ценностям того культурного пространства, где он предлагается. Не удивительно, что в настоящее время межкультурное понимание и коммуникация стали ключевыми приоритетами для международных пространств социальных отношений, бизнеса и т.п. Работники, владеющие навыками межкультурной коммуникации, пользуются большим спросом.

Межкультурная коммуникация исследует взаимодействие между различными культурами и социальными группами, описывая множество коммуникативных процессов и связанные с ними проблемы между людьми из различных культурных и социальных сред. Владение иностранным языком, это только один из аспектов необходимого подхода очень важно также понимать культурное наследие, ценности и убеждения другой стороны. Здесь наиболее значимы навыки межкультурной коммуникации, необходимые для успешного общения с представителями других культур и социальных групп, навыки межкультурной коммуникации включают в себя готовность к адаптации и признание того факта, что люди из других культур могут воспринимать и действовать по-разному в общественном пространстве: *«Впервые понятие «межкультурная коммуникация» было сформулировано в 1954 году в работе Г. Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа». В этой работе под межкультурной коммуникацией понималась идеальная цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру»* [2, с. 134]. Суть межкультурной коммуникации заключается в общении, которое происходит через различные культурные границы, если два или более людей с разным культурным фоном вступают в контакт и обмениваются информацией, мы можем говорить о межкультурной коммуникации, таким образом, межкультурная коммуникация может быть определена как обмен информацией на разных уровнях осведомленности между людьми с разным культурным фоном или, проще говоря, как взаимодействие людей, оказавшихся под влиянием различных культурных групп.

Существует множество различных типов и теорий межкультурной коммуникации, но наиболее важные из них включают:

1. Социально-научный подход: эта модель сосредотачивается на изучении поведения человека из другой культуры с целью описания этого поведения и сопоставления его с другими культурами, исследует способы, которыми люди корректируют свое общение в различных ситуациях в зависимости от аудитории.

2. Интерпретативный подход: этот подход фокусируется на приобретении знаний о культуре через общение и создание общих историй на основе субъективного индивидуального опыта. Внимание уделяется межкультурной коммуникации, используемой в конкретных речевых сообществах, и этнографический подход играет здесь важную роль.

3. Диалектический подход: этот метод исследует аспекты межкультурной коммуникации через шесть дихотомий, например, культурного и индивидуального, личного и контекстуального, различий и сходств, статического и динамического, исторического и настоящего, привилегий и недостатков. Этот подход помогает комплексно мыслить о культуре и межкультурной коммуникации.

4. Критический подход: данный подход исследует культуры с учетом их различий по сравнению с культурой исследователя, особенно в контексте того, как эти культуры представлены в средствах массовой информации. Он сложен и многогранен, что ведет к более глубокому пониманию межкультурной коммуникации.

Необходимо разделять межкультурную коммуникацию и мультикультурную коммуникацию. Мультикультурное общение описывает ситуации, когда группа или команда имеет представителей разных национальностей, в современном мире взаимодействие в таких мультикультурных средах является общественной нормой. Межкультурная коммуникация, в свою очередь, фокусируется на сравнении общения между различными культурами, изучаются различные стили общения разных культурных групп, то есть термин «коммуникация» в контексте межкультурной среды, означает обмен информацией между различными культурами.

Межкультурная коммуникация, обычно, связана с взаимодействием между людьми из различных культур, в то время как межкультурная коммуникация предполагает сравнение взаимодействия между представителями одной культуры с представителями другой. Эта компетенция включает в себя множество аспектов, начиная от лингвистических особенностей и заканчивая социальными и культурными традициями.

В рамках межкультурной коммуникации различают два общественных феномена как результат взаимодействия: аккультурация и ассимиляция: *«Понятие «аккультурация» впервые начало использоваться в американской культурной антропологии в конце XIX века в связи с исследованием процессов культурного изменения в племенах североамериканских индейцев, которые проводили Ф. Боас, У. Холмс, У. Мак-Джи,*

Р. Лоуи. Первоначально оно применялось в узком значении и обозначало преимущественно процессы ассимиляции, происходящие в индейских племенах вследствие их соприкосновения с культурой белых американцев» [3, с. 145]. Аккультурация представляет собой процесс обмена между людьми или группами различных культурных ценностей и практик, присущих доминирующей культуре их местоположения. В отличие от ассимиляции, люди, принимающие новые культурные обычаи, по-прежнему сохраняют некоторые из своих первоначальных культурных привычек, некоторые теории описывают появление данных общественных феноменов:

1. Теория коммуникативной культуры.

Данная теория описывает межкультурную адаптацию как взаимодействие, в котором как незнакомец, так и принимающая среда взаимодействуют для достижения общей цели.

2. Управление тревогой и неопределенностью.

Взаимодействие незнакомцев с хозяевами вызывает неопределенность и тревогу: незнакомцам необходимо контролировать свою неопределенность и тревогу для эффективного общения с местными жителями, а затем – стремиться понять и объяснить поведение местных жителей.

3. Степени ассимиляции, девиации и отчуждения.

Результаты адаптации, такие как ассимиляция и девиация, не являются постоянными. Они - временные и зависят от взаимодействия между людьми и иммигрантами. Отчуждение или ассимиляция группы, или отдельного лица является следствием взаимодействия девиантного поведения и отрицательной реакции со стороны общества.

4. Ассимиляция.

Ассимиляция представляет собой процесс поглощения черт доминирующей культуры настолько, что ассимилированная группа становится неотличимой от принимающего сообщества, этот процесс может быть как принудительным, так и добровольным. Однако редко бывает, что группа меньшинства полностью заменяет или забывает свои предыдущие культурные традиции.

5. Отчуждение.

Отчуждение относится к отделению или изоляции человека от обычных общественных контактов.

Результаты.

Лингвистические различия могут стать значимым препятствием для межкультурной коммуникации, поскольку выбор словоформ для различных народов требует особого внимания, чтобы не оскорбить представителей других культурных пространств.

Важно понимать, что в каждой культуре могут существовать различные социальные нормы, так как межкультурная коммуникация представляет собой процесс взаимодействия между людьми, обладающими различными культурными идентичностями. Эта область изучает, как культура и идентичность формируются, воспринимаются и изменяются через взаимодействие между различными культурами. Понимание собственной культуры позволяет лучше воспринимать другие культуры и точки зрения. Это также может помочь преодолеть этноцентризм и склонность рассматривать собственную культуру как более превосходящую.

Одним из основных препятствий межкультурной коммуникации является этноцентризм – представление о превосходстве собственной культуры над другими. Преодолеть эту проблему поможет открытый и беспристрастный взгляд на другие культуры. Необходимо также избегать предположения, что другие культуры больше похожи на собственную, чем отличаются от нее, так как это может привести к недопониманию и оскорблениям. Также, тревожность является распространённым препятствием для межкультурного общения; она может отвлекать и приводить к появлению ошибок во время межкультурных взаимодействий; важно преодолеть это чувство, чтобы общение проходило более успешно и без препятствий.

Заключение.

С учетом широкого охвата социальной активности и человеческого опыта, эффективное и уважительное общение с представителями разных культур становится важным навыком, так как изучение межкультурной коммуникации может также способствовать повышению уровня самосознания и личностного развития человека.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Файзуллин Ф.С. Формирование информационной культуры студентов-экономистов / Ф.С. Файзуллин, Ф.М. Гарипова, Р.А. Кашапова // *Дискуссия*. 2022. № 6(115). С. 6–16.
2. Тряпочкина, М.С. Межкультурная коммуникация: понятие, сущность, задачи, формы / М.С. Тряпочкина; Гл. ред. И.В. Култышева // *Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе. Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 августа 2014 года. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 132–139.*
3. Леденева Н.В. Аккультурация как процесс межкультурного взаимодействия / Н.В. Леденева // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2011. № 1(3). С. 144–151.

References:

1. Fayzullin F.S. Formation of information culture of economics students / F.S. Fayzullin, F.M. Garipova, R.A. Kashapova // *Discussion*. 2022. № 6(115). P. 6–16.
2. Tryapochkina M.S. Intercultural communication: concept, essence, tasks, forms / M.S. Tryapochkina; Editor-in-Chief I.V. Kultysheva // *Persuasion and proof in modern political discourse. Materials of the International Scientific Conference, Yekaterinburg, August 26–28, 2014. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2014. P. 132–139.*
3. Ledeneva N.V. Acculturation as a process of intercultural interaction / N.V. Ledeneva // *Problems of socio-economic development of Siberia*. 2011. № 1(3). P. 144–151.

Информация об авторе

Го Чжижэнь
аспирант,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
742838281@qq.com

Guo Zhiren
Graduate Student,
Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia
742838281@qq.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.15.24.004>
УДК 008

Attribution
cc by

ЭСТЕТИКА ОДЕЖДЫ ЯКУТОВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наумов В.А.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация. В статье анализируются традиции и современность эстетики одежды якутов. Отмечается, что традиционная якутская одежда отличается самобытным кроем и художественно-декоративным оформлением, позволяющим однозначно дифференцировать её среди других региональных стилистик. Приводятся основные этапы развития традиционной якутской одежды. Костюмы первого периода были функциональными и изготавливались из местного сырья, обрабатываемого вручную, в их семантике были ярко выражены этнические особенности мировосприятия якутов. Одежда первого периода была связана с ритуально-обрядовой практикой: обрядовый костюм связывал человека с окружающим миром и божествами, выступал материальной оболочкой, защищающей от влияния негативных сил. Рассматриваются некоторые элементы женской свадебной одежды XVII – середины XVIII в. Отмечается, что якуты уделяли большое внимание декоративному оформлению одежды, используя разнообразные и многочисленные металлические украшения, вышивку шёлком, бисером, конским и оленьим волосом, различными нитями, декорирование полосами меха, кусками кожи и разноцветными суконными лоскутками. Особое место отводилось орнаменту, символизировавшему идею жизни, роста, плодородия и плодоношения. Значимую роль в традиционном костюме имело сочетание цветов. Второй этап развития традиционной якутской одежды начинается с середины XVIII в. и связан с влиянием русской культуры и доступности текстильной промышленности. Начало третьего этапа развития костюма пришлось на XX в. Для одежды того периода свойственна утрата художественным оформлением культового значения – оно приняло исключительно декоративный характер. В советский период традиционный костюм был полностью вытеснен фабричными изделиями. Четвёртый этап развития традиционной якутской одежды связан с её возрождением, основанным на потребности якутского народа конструировать этническую идентичность.

Ключевые слова: якуты, национальный костюм, традиции, украшения, возрождение этнической идентичности.

AESTHETICS OF YAKUT CLOTHING: TRADITIONS AND MODERNITY

Vasily A. Naumov

North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova

Abstract. The article analyzes the traditions and modernity of the aesthetics of Yakut clothing. It is noted that traditional Yakut clothing is distinguished by its original cut and artistic and decorative design, which allows it to be clearly differentiated from other regional styles. The main stages in the development of traditional Yakut clothing are given. The costumes of the first period were functional and made from local raw materials, processed by hand; their semantics clearly expressed the ethnic features of the Yakut worldview. Clothing of the first period was associated with ritual and ceremonial practice: a ritual costume connected a person with the outside world and deities, and acted as a material shell that protected from the influence of negative forces. Some elements of women's wedding clothing of the 17th – mid-18th centuries are considered. It is noted that the Yakuts paid great attention to the decorative design of clothing, using various and numerous metal decorations, embroidery with silk, beads, horse and deer hair, various threads, decoration with strips of fur, pieces of leather and multi-colored cloth scraps. A special place was given to the ornament, symbolizing the idea of life, growth, fertility and fruiting. The combination of colors played a significant role in the traditional costume. The second stage in the development of traditional Yakut clothing begins in the mid-18th century. and is associated with the influence of Russian culture and the accessibility of the textile industry. The third stage of costume development began in the 20th century. Clothing of that period is characterized by the loss of cult significance in artistic design – it took on an exclusively decorative character.

© Наумов В.А.

During the Soviet period, traditional costume was completely replaced by factory products. The fourth stage in the development of traditional Yakut clothing is associated with its revival, based on the need of the Yakut people to construct an ethnic identity.

Keywords: Yakuts, national costume, traditions, jewelry, revival of ethnic identity.

Введение.

Традиционная якутская одежда отличается самобытным кроем и художественно-декоративным оформлением, позволяющим однозначно дифференцировать её среди других региональных стилистик [1]. Народный якутский костюм являлся максимально функциональным, поскольку сформировался под влиянием местных природно-климатических условий. Он выполнялся из натуральных материалов, которые использовались рационально. Подход к созданию традиционной одежды отражает мировоззрение якутов, в основе которого лежит уважение к природной среде. В настоящее время национальный якутский костюм продолжает развиваться, трансформируясь под влиянием новых социальных запросов и потребностей.

Целью работы является изучение традиций и современности эстетики одежды якутов. Для её достижения были использованы аналитический, синтетический, индуктивный и дедуктивный методы обработки тематических исследований, научных публикаций и релевантных литературных источников. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении особенностей традиционных форм и развития национального якутского костюма.

В развитии традиционной якутской одежды можно выделить несколько этапов [2]. Наиболее архаичный этап начинается до присоединения территории Якутии к Российскому государству и длится примерно до конца XVII в. Костюмы того периода использовались для облегчения жизни в суровых климатических условиях, были функциональными и изготавливались из местного сырья: шкур диких и домашних животных и меха, обрабатываемых вручную.

В семантике традиционной одежды были ярко выражены этнические особенности мировосприятия якутов. Считается, что декор старинной одежды представлял собой систему символов, использовавшуюся в качестве невербального средства передачи этнокультурной информации. Помимо этого, одежда первого периода была связана с ритуально-обрядовой практикой: обрядовый костюм связывал человека с окружающим миром и божествами, выступал материальной оболочкой, защищающей от влияния негативных сил. Одежда выполняла магико-охранную, сигнификативную и апотропическую функции в обрядовых ситуациях, что выражалось в традициях силуэтного покроя, декора, орнаментов и цветового сочетания, связанных с древними мифологическими, религиозными и художественно-образными представлениями якутов.

Показательный пример древнего якутского костюма – женская свадебная одежда XVII – середины XVIII в. [3]. Свадебный наряд невесты состоял из мехового пальто тангалай, ровдужной рубахи, меховой дохи сангыях, шапки ураа бэргэсэ, кожаных панталонов (натазников), наличного покрывала аннах, ноговиц и торбасов. Сангыях составляла приданое невесты, шилась из дорогих мехов, размещённых наружу, дополнялась оторочкою из разноцветных суконов. На спине шубы вышивались серповидные вставки из меха выдры или бобра.

Шапка ураа бэргэсэ имела полусферическую форму, сверху украшалась перьями, на лобной части – металлическими дисками мотива солнца, по бокам – металлическими и бисерными украшениями, ниспадающими до уровня груди. Аннах был сшит из разных мехов либо из ровдуги и волосяной сетки, украшался цветными нитками, вышивкой бисером, кожаной аппликацией, бляшками и подвесками с бубенцами.

Наиболее известным элементом женского свадебного костюма является тангалай – наплечная одежда из кожи и меха с прямыми сходящимися бортами, короткими рукавами до локтей, воротником-стойкой или без воротника [4, 5]. Якуты уделяли большое внимание декоративному оформлению тангалай: вдоль подола, бортов, заднего и боковых разрезов шла опушка из бобра, песцовых и лисьих лапок, дополняемая рядами белого, синего и чёрного бисера, монетами, металлическими бляшками, литыми ажурными пластинами и бубенчиками. Многочисленные металлические подвески и жетоны издавали мелодичный звон, выполняя функции инструмента апотропической магии [6].

Изделия из металла были широко распространены в якутском национальном костюме, отличались сложной формой и своеобразной конструкцией [7]. Якутские мастера изготавливали разнообразные украшения из серебра и золота: серьги, накосные украшения (косоплетки, накосники, гребенки), головные ободки бастынга, шейные гривны и браслеты, шейно-нагрудные украшения илин кэбисэр, сюрэх и уолук симэгэ, наспинные украшения кэлин кэбисэр, набедренные украшения комус ку и еттюк симэгэ, браслеты, кольца, нашивные декоративные бляшки, подвески и пуговицы.

Якуты придавали большое значение украшению костюма, используя вышивку шёлком, бисером, конским и оленьим волосом, золотыми, серебряными и разноцветными нитями, декорирование полосами меха, кусками кожи и разноцветными суконными лоскутьями [8]. Особое место отводилось орнаменту, основу канона которого составляла закономерность повторения одного

мотива – якутской лиры. Лира могла быть геометрической, геометризованной, иметь антропоморфную, скотоводческую или растительную семантику, однако во всех случаях символизировала идею жизни, роста, плодородия и плодородия.

Значимую роль в традиционном костюме имело сочетание цветов [9]. Якуты широко использовали цветные сукна, бисер и нитки, тщательно подбирая цвета по тону. Предпочтение отдавалось жёлтому, золотистому, бледно-голубому, светло-коричневому, нежно-зелёному и бледно-розовому тонам, которые ассоциируются у якутов с солнцем, теплом, зимой и холодом, землёй и деревьями, листьями и травой, страстью и любовью соответственно. В общем колористическом решении значимую роль играл фон вышивки, чаще всего красный, чёрный или коричневый.

Обсуждения.

Второй этап развития традиционной якутской одежды начинается с середины XVIII в., когда покрой и отдельные элементы костюма активно видоизменялись вследствие вхождения территории Якутии в состав Российского государства и влияния других народов [10]. В связи с трудоёмкостью изготовления якуты стали отказываться от меховой аппликации, вышивки конским и оленьим волосом, сокращать количество бисерной отделки и увеличивать число серебряных подвесных украшений. На якутские ярмарки стали привозиться ткани русского производства, которые получили большое распространение. В городах интенсивно внедрялась русская городская одежда. В XIX в. изменился общий вид якутского костюма: он стал иметь трапециевидный силуэт, сильно расширился снизу и удлинился, приобретя значительно русифицированный вид. В то же время натуральный мех интенсивно использовался в одежде достаточно долго, что связано с суровыми природно-климатическими условиями региона. Однако развитие торговли и технологий лёгкой промышленности постепенно привело к замене меховых изделий альтернативными материалами.

Третий этап развития традиционной якутской одежды начался в XX в. и связан с интенсификацией проникновения в жизнь якутов русской городской культуры [11]. Художественное оформление костюма постепенно утрачивало культовое значение и принимало исключительно декоративный характер, вместе с исчезновением культовых обрядов исчезла и обрядовая одежда. Трансформировалось традиционное цветочное сочетание отделки, основанное на мифологических воззрениях. Оригинальные элементы народного костюма, предназначенные для защиты от холода, стали забываться, и национальная одежда утратила функциональную значимость. Перестали использоваться металлические украшения. Основной верхней одеждой для мужчин и женщин стали лёгкое пальто из сукна и зипуна онолох сон, картузы, пояс-кушак, шляпы

из фетра и конского волоса. Женщины носили платье халадай с жилетом хасыат, в качестве головного убора использовали шалевые платки. Мужчины под пальто надевали рубашку, схожую с русской косовороткой, из атласа и дабы.

В советское время покрой и отделка народной одежды были полностью забыты, поскольку традиционный костюм вытеснили фабричные изделия. Это было связано с программой формирования общесоветской общности, в ходе которой этничность и этническое сознание направленно вымещались классовым сознанием. Деэтнизация охватила и якутов. В 1980-х гг. элементы якутской одежды сохранились только в сценических костюмах, однако их отличительные черты – силуэтная линия, покрой и орнаментация – были изменены, поскольку существовали в рамках собирательного образа «северного народа», созданного на основе стереотипных представлений.

Четвёртый этап развития традиционной якутской одежды начался с 90-х годов XX в., со стремления народов постсоветского пространства, в том числе якутов, возродить материальную и духовную культуру и вернуться к традиционным истокам [12]. Сложность этого процесса обусловлена безвозвратной утратой многих национальных традиций. Однако, поскольку культура не статична, отличается изменчивостью и пластичностью, её элементы подвергаются естественной трансформации. Национальный костюм, являющийся зримым и осязаемым элементом культуры, подвергся изменениям наиболее явно. Его воссоздание актуализировало проблему консервации и изменений культуры. Оно могло пойти по двум путям – реконструкции по музейным образцам или создания новых образов на основе характерных культурных символов.

Результаты.

Второй вариант оказался более перспективным, поскольку сами современные якуты не воспринимают реконструированную якутскую одежду XVII–XVIII вв. как якутскую вследствие того, что она значительно отличается от костюмов XIX – начала XX в. и тяготеет к одежде северных таёжных народов. В 2010-х гг. стали функционировать мастера и предприятия, специализирующиеся на изготовлении национальной одежды [13]. Основной задачей этого этапа развития якутского костюма стало изменение культуры повседневной одежды, обогащение предметов повседневного гардероба элементами национального костюма. Часть мастеров стремится сохранить традиционное значение декора, орнаментов и цветов, однако другие заимствуют артефакты национального костюма исключительно визуальное, без их осмысления.

Заключение.

Таким образом, национальный костюм якутов имеет большое культурное значение, отражая древние художественные традиции народа. Он

представляет собой не только одежду, но и способ выражения принадлежности к народу и индивидуальности. В настоящее время национальный якутский костюм развивается, видоизменя-

ясь в соответствии с потребностями и духом времени, и выступает одним из инструментов конструирования этнической идентичности народа.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Заболоцкая З.М. Использование традиций народной одежды якутов в экодизайне современного костюма : автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.06 / Зинаида Михайловна Заболоцкая; С.-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна. СПб., 2010. 19 с.
2. Петрова С.И. Якутская национальная одежда: традиции, проблемы современной реконструкции и адаптации / С.И. Петрова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 4. С. 76–81.
3. Ефимова Е.М. Семантика женской свадебной одежды якутов XVII – середины XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 100–103.
4. Петрова С.И. Опыт реконструкции якутской женской одежды XVII–XVIII веков (по материалам погребения Ат-Дабан (Ат-Быран) VI) / С.И. Петрова, А.Н. Прокопьева, Н.С. Кирьянов // Научный диалог. 2020. № 3. С. 370–384.
5. Петрова С.И. Якутская одежда тангалай: крой, отделка, технологии / С.И. Петрова, А.Н. Прокопьева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1(60). С. 151–162.
6. Прокопьева А.Н. Описание и анализ женской одежды тангалай XVII–XIX вв. (по археологическим и этнографическим материалам) / А.Н. Прокопьева, А.Р. Федорова // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 74–78.
7. Кулеева Л.М. Традиционные женские украшения из металла в Якутии / Л.М.Кулеева, В.Е. Шарина // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 11-4(23). С. 133–139.
8. Тишина Т.П. Роль орнамента в одежде и украшениях народов Якутии / Т.П. Тишина // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2016. № 3. С. 62–73.
9. Егорова А.И. Особенности восприятия цвета у якутов / А.И. Егорова, Н.В. Корепанова, А.А. Осипова, М.В. Пинигина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2021. № 4(84). С. 48–59.
10. Федорова А.Р. Традиционная одежда якутов XIX – начала XX вв.: природное сырье и новые материалы (количественный подход и анализ) / А.Р. Федорова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3(44). С. 31–46.
11. Ван Дэндэн. Изучение якутского традиционного костюма в современной якутской культуре китайских студентов / Ван Дэндэн, Ли Сьюй // Грани познания. 2021. № 3(74). С. 15–19.
12. Яковлева К.М. Якутский национальный костюм: поиск идентичности / К.М. Яковлева, А.Н. Прокопьева // Человек и культура. 2019. № 4. С. 62–70.
13. Васильева Е.Е. Якутская национальная одежда в современной моде повседневности (социокультурный проект) / Е.Е. Васильева // Евразийский союз учёных. 2014. № 8-8. С. 162–165.

References:

1. Zabolotskaya Z.M. Using the traditions of Yakut folk clothing in the eco-design of modern costume : abstract of thesis. dis. ... cand. art critic: 17.00.06 / Zinaida Mikhailovna Zabolotskaya; St. Petersburg state University of Technology and Design. SPb., 2010. 19 p.
2. Petrova S.I. Yakut national clothing: traditions, problems of modern reconstruction and adaptation / S.I. Petrova // Current problems of the humanities and natural sciences. 2010. № 4. P. 76–81.
3. Efimova E.M. Semantics of women's wedding clothing of the Yakuts of the 17th – mid-18th centuries / E.M. Efimova // News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. 2009. № 90. P. 100–103.
4. Petrova S.I. Experience in the reconstruction of Yakut women's clothing of the 17th – 18th centuries (based on materials from the burial of At-Daban (At-Byran) VI) / S.I. Petrova, A.N. Prokopyeva, N.S. Kiryanov // Scientific dialogue. 2020. № 3. P. 370–384.
5. Petrova S.I. Yakut tangalay clothing: cut, finishing, technology / S.I. Petrova, A.N. Prokopyeva // Bulletin of archeology, anthropology and ethnography. 2023. № 1(60). P. 151–162.

6. Prokopyeva A.N. Description and analysis of women's clothing tangalay XVII–XIX centuries (based on archaeological and ethnographic materials) / A.N. Prokopyeva, A.R. Fedorova // *Society: philosophy, history, culture*. 2017. № 12. P. 74–78.
7. Kuleeva L.M. Traditional women's metal jewelry in Yakutia / L.M. Kuleeva, V.E. Sharina // *Symbol of Science: international scientific journal*. 2016. № 11-4(23). P. 133–139.
8. Silence T.P. The role of ornament in the clothing and jewelry of the peoples of Yakutia / T.P. Silence // *Collection of works of the Yakut Theological Seminary*. 2016. № 3. P. 62–73.
9. Egorova A.I. Peculiarities of color perception among the Yakuts / A.I. Egorova, N.V. Korepanova, A.A. Osipova, M.V. Pinigina // *Bulletin of the North-Eastern Federal University*. M.K. Ammosova. 2021. № 4(84). P. 48–59.
10. Fedorova A.R. Traditional clothing of the Yakuts of the 19th – early 20th centuries: natural raw materials and new materials (quantitative approach and analysis) / A.R. Fedorova // *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2023. № 3(44). P. 31–46.
11. Wang Denden. Study of the Yakut traditional costume in modern Yakut culture of Chinese students / Wang Denden, Li Siyu // *Facets of knowledge*. 2021. № 3(74). P. 15–19.
12. Yakovleva K.M. Yakut national costume: search for identity / K.M. Yakovleva, A.N. Prokopyeva // *Man and culture*. 2019. № 4. P. 62–70.
13. Vasilyeva E.E. Yakut national clothing in modern everyday fashion (sociocultural project) / E.E. Vasilyeva // *Eurasian Union of Scientists*. 2014. № 8-8. P. 162–165.

Информация об авторе

Наумов Василий Алексеевич
магистрант 2 курса
группы «Визуальная культура»,
кафедра культурологии,
Институт языков и культуры народа СВ РФ,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова», г. Якутск
Vasyta.pochta@mail.ru

Vasily A. Naumov
2nd year Master's Student
of the Visual Culture group,
Department of Cultural Studies,
Institute of Languages and Cultures
of the People of the Northeast Russian Federation,
North-Eastern Federal University
named after. M.K. Ammosova, Yakutsk
Vasyta.pochta@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.23.23.005>
УДК 008

Attribution
cc by

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ РАЗНООБРАЗНЫХ ГОЛОСОВ: ВЛИЯНИЕ NFT И БЛОКЧЕЙНА НА ИНДУСТРИЮ ИСКУССТВА

Халитова А.Ю.

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Аннотация. Всесторонний анализ влияния технологии блокчейн и невзаимозаменяемых токенов (NFT) на современный художественный рынок. Актуальность: Рекордные продажи NFT, как и случай с произведением Веепле, проданным за \$69.3 миллиона, подчеркивают растущее влияние блокчейна на искусство, вызывая дебаты о его роли в демократизации и финансовизации рынка.

Цели: Основная цель исследования – оценить, как блокчейн и NFT изменяют парадигмы владения, ценности и распределения в искусстве, и определить, способствуют ли они демократизации рынка или его дальнейшей финансовизации.

Задачи: Изучить характеристики рынка искусства и NFT, анализировать успешные случаи и критику в адрес NFT, а также оценить их долгосрочные перспективы и влияние на культуру искусства.

Методы: Анализ кейсов, обзор данных с маркетплейсов, как OpenSea, и рассмотрение академических и общественных мнений для понимания текущего состояния и перспектив NFT.

Результаты: Показано, что, несмотря на потенциал NFT обеспечить большую независимость художникам и расширить доступ к искусству, рынок NFT остается волатильным, с концентрацией значительных финансовых выгод у ограниченного числа участников. Демократизация богатства через NFT оказалась ограниченной.

Выводы: Технология NFT и блокчейн представляют собой значительное нововведение в сфере искусства, предлагая новые формы владения и распределения. Однако, несмотря на потенциал для усиления индивидуальных художников и создания более инклюзивного рынка, существующие структуры и динамика рынка оказывают сильное влияние на то, как эти технологии реализуются на практике. Важно продолжать критический анализ и мониторинг их развития и влияния на художественное сообщество и рынок.

Ключевые слова: невзаимозаменяемые токены (NFT), динамика рынка искусства, блокчейн в искусстве, расширение возможностей художников, коммерциализация цифрового искусства, устойчивость NFT.

EMPOWERING DIVERSE VOICES: THE IMPACT OF NFTS AND BLOCKCHAIN IN THE ART INDUSTRY

Alina Yu. Khalitova

Saint Petersburg State Institute of Culture

Abstract. Comprehensive: Analysis of the Impact of Blockchain Technology and Non-Fungible Tokens (NFTs) on the Contemporary Art Market.

Relevance: Record-breaking NFT sales, such as the case of the Beeple artwork sold for \$69.3 million, underscore the growing influence of blockchain on art, sparking debates about its role in democratizing and financializing the market.

Objectives: The main objective of this research is to assess how blockchain and NFTs are changing paradigms of ownership, value, and distribution in art and to determine whether they contribute to the democratization of the market or further financialization.

Tasks: To study the characteristics of the art and NFT markets, analyze successful cases and criticism of NFTs, and evaluate their long-term prospects and impact on art and culture.

Methods: Case analysis, data review from marketplaces like OpenSea, and consideration of academic and public opinions to understand the current state and prospects of NFTs.

Results: It is shown that despite the potential of NFTs to provide greater independence to artists and expand access to art, the NFT market remains volatile, with a concentration of significant financial

benefits among a limited number of participants. Wealth democratization through NFTs has proven to be limited.

Conclusions: NFT technology and blockchain represent a significant innovation in the art sphere, offering new forms of ownership and distribution. However, despite the potential to empower individual artists and create a more inclusive market, existing market structures and dynamics have a strong influence on how these technologies are implemented in practice. It is important to continue critical analysis and monitoring of their development and impact on the artistic community and market.

Keywords: Non-Fungible Tokens (NFTs), Art Market Dynamics, Blockchain in Art, Artist Empowerment, Digital Art Commercialization, Sustainability of NFTs.

1. Введение

В марте 2021 года на Christie's был продан невзаимозаменяемый токен (NFT), связанный с цифровым произведением Beeple – *Everydays: The First 5000 days* – за ошеломляющую сумму в \$69.3 миллиона. Хотя на рынке искусства экстравагантные цены не являются редкостью, эта рекордная сделка отметила «два первых случая в индустрии», как объяснила Christie's: лот на аукционе был «цифровой работой с уникальным NFT», и аукционный дом принимал криптовалюту (Эфир) наряду со стандартными формами оплаты. Продажа Beeple последовала за бурным трейдингом NFT. К декабрю 2021 года общий объем продаж NFT возрос до \$24.9 миллиарда, что значительно превышает \$94.9 миллиона в предыдущем году. Остается ли бум на NFT эфемерным пузырем или дестабилизирующим нововведением, покажет время. Однако стоит отметить, что этот «новый мир», этот Дикий Запад искусства NFT – сделанный возможным благодаря возможностям блокчейна – недавно получил заветное место на одной из самых зарекомендовавших себя международных художественных ярмарок. В начале декабря 2021 года Art Basel Miami Beach (ABMB) открыла свои двери для притока цифровых художников, криптоискусства и платформ, где чеканятся NFT, предоставив им беспрецедентный уровень признания. За несколько месяцев криптоискусство достигло совершеннолетия.

Академические исследования этого нового и развивающегося явления все еще ограничены, но нет недостатка в историях, комментариях и мнениях. Это дискурсивное измерение заслуживает внимания, так как оно освещает, как рынок NFT воспринимается и оценивается теми, кто с ним взаимодействует, в основном на стороне предложения. Отсюда актуальность того, что Сара Диллон и Клэр Крейг называют «прослушиванием историй», что подразумевает серьезное внимание к динамике создания смыслов историй и доказательствам, которые они могут предоставить для информирования общественного мнения [13].

Второй раздел предоставляет краткий обзор характеристик современного рынка искусства, который несколько аналитиков описывают как тяжеловесный; доминируемый ограниченным кластером галерей, суперзвезд художников и коллекционеров; неликвидный и обремененный высокими транзакционными издержками. Разде-

лы с третьего по шестой более внимательно рассматривают особенности и обещания рынка искусства NFT, погружаясь в успешные истории, которые воспевают индивидуальное усиление, вовлеченность и создание сообщества как нефинансовые ценности NFT. В заключительном разделе рассматриваются скептические взгляды культурных критиков, художников и творческих людей, которые осуждают явление NFT как еще одну проявление капиталистической финансовой экспансии. Учитывая ускоренный темп торговли NFT за последний год, постоянное умножение торговых площадок и изменчивость общего контекста, трудно сделать какой-либо вывод.

2. Результаты

2.1 Анализ рынка современного искусства

Чтобы лучше понять обещания, которые предлагает рынок криптоискусства, необходимо рассмотреть основные характеристики современного рынка искусства, сложившиеся за последние десятилетия. Это «странный» рынок, согласно многим, в основном не регулируемый и непрозрачный. Он также описывается как рынок «Победители забирают все», который вознаграждает ничтожный процент художников, галерей и коллекционеров, объединенных в мощные сети, доступ к которым большинство художников пытаются получить. Наконец, это эксклюзивный рынок с существенными барьерами для входа, как отражено в статистике о недопредставленности женщин и чернокожих художников.

Художницы и темнокожие художники не так широко представлены на сегодняшнем рынке искусства, что подтверждается множеством текущих исследований. Они получают меньше выставок, достигают более низких цен, продают меньше и им труднее получить хорошее представительство в галереях [6].

Resch собрал набор данных, который записывает карьеру примерно 500,000 художников, включая информацию об их выставках, аукционных продажах и первичных котировках на рынке. Карта, созданная на основе данных, показывает влияние мощной сети художественных институтов на карьеры художников, связи между институтами и художниками, а также то, как искусство перемещается по миру. Как пишет Resch, «Было разрушительно наблюдать, как раскрывается эта карта [...] 99 % всех институтов получили низкий балл; исключение из центрального узла оставляет художников в изолированной сети островов;

не более 240 художников, начавших выставляться на острове, смогли войти в центральный узел. Это 240 из 500,000». Центральный узел, или

«Святая Земля», представляет собой «плотное сообщество крупных европейских и североамериканских институтов, подчеркивающих их доступ к общему пулу художественных талантов». Современный мир искусства, другими словами, не подходит для историй о взлете от нищеты к богатству. На рынке, доминируемом крупными игроками с растущим присутствием финансового сектора, влияние отдельного художника уменьшается. Несмотря на то, что они первоначально создали ценность произведений искусства, художники имеют ограниченный контроль над судьбой своего творения, напоминая в какой-то степени популярное представление о рабочем, пострадавшем от отчуждения в капиталистической фабричной системе.

Несколько особенностей современного рынка искусства выделяют его среди большинства рынков. Произведения искусства являются уникальными объектами, и их денежная стоимость зависит от сложных структур вкуса; механизмы формирования цен непрозрачны: сговорчивые практики в отношении минимальных цен, комиссионных, уютные связи между продавцами, покупателями и посредниками не являются редкостью. Рынок искусства не анонимен, потенциального коллекционера или покупателя должны проверить и одобрить галеристы, которые, в свою очередь, предоставляют потребителю уверенность в том, что приобретаемое произведение искусства ценно. Установленные галереи и художники являются брендами, гарантирующими ценность произведения.

Хотя искусство является долговечным товаром, хорошо функционирующего вторичного рынка нет, перепродажа через аукционные дома часто ограничивается работами суперзвезд, тогда как для подавляющего большинства художников рынок неликвиден и перепродажа затруднительна. Наконец, в рамках глобального капитализма верхний сегмент рынка искусства привлекает самых богатых людей мира, ищущих возможности для инвестиций. Сама структура рынка искусства способствует превращению искусства в элитарный товар.

Появление платформ для криптоискусства вызвало публичные дебаты о дестабилизирующем потенциале рынков на базе блокчейна, которые предоставляют художникам большую степень независимости, минимизируют роль посредников и привлекают новую (и молодую) публику коллекционеров. Эти платформы иногда описываются как «включающие активаторы», поскольку их фокус не на верхнем сегменте рынка, а на новых художниках, которым предлагается творить в среде, предоставляющей лучшие шансы на получение справедливого вознаграждения. Цифровые произведения искусства превосходно воспроизводимы и поэтому малоинтересны для

коллекционеров. Создавая редкость в цифровой сфере, токенизация в сочетании с «умными контрактами» позволяет художникам напрямую продавать свои работы, иметь полный контроль над ценой и извлекать выгоду из вторичных продаж. Дополнительные преимущества (или обещания), связанные с экосистемой NFT, включают резкое сокращение транзакционных издержек, быстроту торговли между пользователями, легкость доступа (при условии некоторого знакомства с техническими аспектами блокчейна) и полное отображение произведений искусства, которое больше не зависит от благосклонности галеристов. Этот рынок кажется более демократичным, менее ориентированным на верхушку, более ликвидным и странно откровенным в отношении своей коммерческой природы. Странность рынка искусства, состоящего из людей, торгующих объектами без внутренней ценности за огромные суммы денег, по крайней мере номинально рационализировалась как отражение культурной ценности объекта [14].

Инновация, которая позволила этим изменениям – блокчейн – является одновременно технологией и дискурсом, имеющим утопические или дистопические оттенки в зависимости от значения, которое приписывается его потенциалу. Изначально популяризированный как распределенный транзакционный реестр криптовалюты Биткойн, блокчейн теперь находится в центре нескольких историй – связанных с движением криптоискусства – которые сохраняют некоторые из элементов.

Надежда на экономическое усиление и идеал более справедливого рынка искусства часто встречаются в индивидуальных рассказах о принятии NFT, особенно в тех, которые связаны с метеорическим взлетом молодых криптохудожников, перешедших от неизвестности и маргинальности к внезапному финансовому успеху и увеличенной видимости. Хотя блокчейн и криптовалюты уже привлекли много критического внимания и академического интереса, явление NFT еще не породило сопоставимый уровень научных исследований [7].

3. Обсуждение

3.1 Решительный шаг

Текущая популярность криптоискусства и NFT во многом обязана мощи и влиянию социальных сетей. Карьера новых художников в экосистеме NFT поддерживается фанатами и подписчиками, чьи твиты, ретвиты и «лайки» усиливают потенциальную обменную стоимость токенов, связанных с работами художников. Неудивительно, что Twitter также является основной платформой для общения об успешных сделках и делиться радостными новостями с миром. Появился микро-жанр историй успеха, который основывается на топосе внезапного переворота судьбы или, как говорил Аристотель, перипетии.

Создатель проекта NFT Ghxsts, GxngYxng, работал в индустрии анимации, но чувствовал себя потерянным и ищущим свое место. В твите говорится: «У меня совершенно не было финансового плана запасного, но я знал, что мне нужно рискнуть на себя. Как 27-летнему мне казалось, что это сейчас или никогда, так что я закрыл глаза, затаил дыхание и прыгнул». Прыжок вывел художника в смелый новый мир NFT, где одна продажа принесла GxngYxng внушительные \$2 миллиона [15].

История художника Виктора Ланглуа, известного под мононимом FEWOCiOUS, является хорошим примером. В двенадцать лет они решили обратиться за помощью в социальные службы из-за домашнего насилия. Лишения, нестабильность, изоляция: реагируя на неблагоприятные обстоятельства своей жизни творчеством, FEWOCiOUS заложил основу для своей последующей карьеры как институционально признанного криптохудожника – карьеры, начатой благодаря случайной встрече с коллекционером, который познакомил молодого цифрового художника с тайнами блокчейна и NFT. Несколько элементов в истории FEWOCiOUS находят отклик в устойчивых мифах о самопомощи и индивидуальной устойчивости, при этом связь творчества и технологии выступает как искупительная сила, позволяющая молодому Виктору не поддаться тяжелым обстоятельствам. FEWOCiOUS заработал более \$18 миллионов в прошлом году на своих собственных продажах NFT. Интересно, что эта жизненная история была перенесена в серию NFT, связанных с пятью цифровыми произведениями искусства, представляющими формативные годы художника в сюрреалистическом стиле [8].

Зачарованность рассказами о перевороте, сосредоточенными на быстром переходе от лишения к богатству, от неизвестности к славе, понятна в глобальном контексте усугубляющихся неравенств и особенно в отношении традиционного рынка искусства с его элитарными наклонностями. Чрезвычайно актуальные, эти истории связывают новизну криптоискусства и блокчейна с кажущимися вечными нарративными парадигмами – от перипетии до самопомощи и сюжета о взлете от нищеты к богатству – косвенно распространяя идею о том, что жизненно меняющиеся возможности технологии являются бонусом, которым могут наслаждаться все творческие люди. Однако, хотя изолированные случаи, кажется, возвещают о рассвете нового демократизированного рынка искусства, статистические анализы рисуют более нюансированный сценарий, в котором богатство высоких финансовых доходов не делится между множеством художников.

3.2 Анализ данных с маркетплейса OpenSea

Собранные данные о продажах NFT на OpenSea, крупнейшей площадке NFT, во время «золотой лихорадки» марта 2021 года, показывают следующее: 67,6 % продаж не имели вторичной продажи наибольшее количество первичных

продаж составляли \$100 или меньше 2,5 % первичных продаж были на сумму от \$600 до \$700. Эти цифры не демонстрируют демократизацию богатства благодаря технологической революции. Они показывают крайне малое количество художников, получающих огромное богатство от небольшого количества продаж, в то время как большинство художников обманываются мечтой о колоссальной прибыли, которая крайне преувеличена [11].

Рассмотрение средней цены продажи показывает, что шанс получить заметную, меняющую жизнь прибыль редок – это бонус для немногих, а не для многих. Средняя цена продажи NFT ниже 15 долларов для 75 % активов и выше 1594 долларов для 1 % активов. Все активы, включенные в их исследование, имели первичную продажу, но только 20 % активов достигли вторичного рынка. Несомненно, учитывая высокий объем транзакций, NFT стимулируют большее количество художников экспериментировать с криптоискусством. Однако большинство экспериментов приносят умеренную прибыль. Тем не менее примеры, иллюстрирующие резкое увеличение обменной стоимости произведений искусства, созданных ранее борющимися за выживание художниками, доминируют в заголовках. Этот заразительный нарратив вдохновляющий большое количество создателей контента вступить в борьбу, имеет предсказуемую обратную сторону: художники, а также новые посредники, работающие на платформах NFT, начинают беспокоиться о риске чрезмерной токенизации или гиперинфляции криптоискусства, которая могла бы снизить среднюю стоимость этих работ. Чтобы избежать этого риска, привлекаются избирательные критерии, вопреки идеалу «дезинтермедиации», первоначально декларируемому энтузиастами NFT и блокчейна [12].

3.3 Построение сообщества

Истории индивидуального успеха и самореализации, которые привлекли много внимания СМИ в 2021 году, склонны представлять пространство NFT как альтернативное «сообщество», более открытое и поддерживающее, чем традиционный рынок искусства. Платформы NFT рекламируют себя как «социальные рынки», приветствуя в своих рядах новые художественные таланты и новую публику потенциальных коллекционеров, которые ранее никогда не думали о покупке искусства или взаимодействии с художниками. Значение культивирования сообщества подписчиков, фанатов и творческих людей не теряется для новых художников, полностью осознающих, что их успех во многом обязан поддержке сильного и страстного сообщества заинтересованных коллекционеров и коллег-художников. Однако строительство сообщества может также означать активное продвижение вовлеченности в мире искусства: платформа CryptoKween рекламируется как рынок NFT, ориентированный на женщин и управляемый женщинами, не только как место для покупки и продажи NFT, но и как

пространство для женщин-художников, предпринимателей, творческих людей, чтобы объединиться и поддерживать друг друга. Культура братанов в области блокчейна и криптовалют не является тайной, участие женщин в этой арене ограничено. Однако появление NFT позволило инициативам, направленным на помощь женщинам в доступе к криптопространству и получении рыночной доли. Художественный проект World of Women (WoW), основанный Ям Каркай, является хорошим примером: коллекция WoW NFT, состоящая из 10.000 цифровых коллекционных предметов, направлена на то, чтобы выдвинуть женщин и меньшинства на передний план в уже мужском доминирующем пространстве и собрать сообщество единомышленников, выступающих за гендерное равенство, женское усиление и инклюзивность [17].

Создание поддерживающей среды, приветливой для новичков, сосуществует с решительной коммерческой направленностью таких проектов. Хотя NFT являются товаром, их нематериальная ценность в пространстве криптоискусства зависит от дискурсов, которые приоритизируют инклюзивность, взаимоподдержку, увеличенное влияние как для художников, так и для коллекционеров, а также про-социальные расходы – демократические ценности, вплетенные в коммерческие транзакции. Поскольку рынок искусства не имеет хорошей истории в отношении открытия своих дверей женщинам, темнокожим художникам и маргинализированным группам, пространство NFT может законно появиться как альтернативный рынок, где более широкому кругу творческих людей предоставляется справедливая возможность участвовать в арт-сцене и извлекать выгоду из этой возможности. Как утверждает Алия Алума-Байгент, «технология NFT доказывает, что является движущей силой в творческом сообществе темнокожих [5]. Проекты, такие как Black NFT Art, инициированный Ирис Невин, выдвигают вопросы справедливости и социальной справедливости на передний план пространства криптоискусства: технология NFT позволяет нам создать совершенно новую экономическую систему, в которой сила может быть перебалансирована.[18]

Строительство сообщества и индивидуальное усиление - это две стороны одной медали. Можно возразить, что призыв к этосу сообщества инструментально важен для формирования восприимчивой публики коллекционеров, готовых инвестировать в NFT и поддерживать рынок. Если NFT окажутся способными обеспечить снижение барьеров для входа, привлечение более разнообразного пула художественных талантов и более эффективный механизм для обеспечения более справедливого распределения собственности, то движение криптоискусства может войти в историю как дестабилизирующее и значимое прорывное открытие. Некоторые критики утверждают, что финансовая составляющая искусства была ускорена использованием NFT, что приводит к искусству ради денег. Одна-

ко для творческих людей и художников, испытывающих нестабильность плохо оплачиваемой профессии и непреодолимые барьеры для входа, обещания технологии NFT обоснованно привлекательны. Слишком рано говорить, сохранит ли этот новый рынок свое обещание инклюзивности в долгосрочной перспективе, но подъем искусства NFT уже вызвал заметные волны на традиционном рынке искусства, с галереями, арт-ярмарками и аукционными домами, уделяющими все больше внимания «вирусному безумию NFT». Если есть одно доказательство, которое приведенные до сих пор истории выдвигают на первый план, так это требование большего разнообразия и вовлеченности в мире искусства и новое осознание того, что этот вопрос вряд ли можно игнорировать [20].

3.4 Искусство ради денег

Будь то вирусное безумие, мимолетная мода или более долгосрочное явление, ажиотаж вокруг NFT также вызвал критические комментарии, которые ставят под сомнение использование искусства как еще одного инструмента в производном арсенале финансового капитализма. В марте 2021 года блокчейн-компания Injective Protocol разместила в Twitter видео, документирующее преднамеренное уничтожение (сжигание) физического произведения искусства – рисунка Бэнкси «Мороны (Белые)» – которую компания ранее приобрела за \$95,000. Это экстравагантное представление имело конкретную цель: перенести ценность работы Бэнкси с осязаемого объекта на нематериальный NFT, связанный с ним, чеканившийся на рынке OpenSea и проданный за эквивалент \$380,000. Как было ясно сказано в комментарии к видео, «Удалив физическое произведение из существования и оставив только NFT, мы можем гарантировать, что NFT, благодаря возможности умного контракта блокчейна является единственным настоящим произведением, существующим в мире. Сделав это, ценность физического произведения будет затем перенесена на NFT. Наша цель – вдохновлять, мы хотим вдохновлять энтузиастов технологий и хотим вдохновлять художников, исследуя новые средства художественного выражения».

Перемещая ценность оригинала в производное, Injective Protocol повысила финансовую ставку последнего через акт уничтожения, тем самым делая явным, что денежная сущность искусства является единственной значимой ценностью. В своем толковании сжигания Бэнкси Арне Де Бовер замечает: «Как указывает NFT, демократические ценности здесь мало что значат: важны оригинальность и подлинность, которые позволяют произведению искусства функционировать как невзаимозаменяемая ценность» [9]. Для Де Бовера превращение цифрового искусства в код сводит его к простому финансовому инструменту, дополнительно подтверждая вторжение капиталистической финансовой экспансии во все сферы жизни. Наряду с этими возражениями, анти-NFT позиция проявляет беспокойство по поводу

превращения цифрового искусства в чью-то собственность, поскольку цифровое искусство обещало свободное и широкое распространение и рассматривалось как тип искусства, гораздо менее зависимый от переплетенных категорий авторства, ценности и владения; короче говоря, искусство, превозносящее копию против потенциально фашистских ценностей подлинности, творчества, оригинальности. С приходом NFT двойственные призраки коммерциализации и финансовой экспансии преследуют и заражают ранее незагрязненное поле цифрового искусства.

Чем шире распространяется (и обсуждается) цифровое произведение искусства, тем выше потенциальная стоимость его токена. NFT предоставляют право собственности на сам токен, а не на сопутствующее ему произведение искусства. Создание искусственной дефицитности (парадоксальной редкости цифрового файла, который можно бесконечно воспроизводить) играет на руку тому экономике статуса, которая ценит ауру собственности саму по себе, или собственность без контроля. То, что действительно является дефицитным, это не аура подлинного объекта, а аура собственности. Итак, NFT создали рынок собственности. Или, вернее, они создали рынок статуса, а не контроля. Люди, коллекционирующие NFT, предположительно интересуются социальным статусом, который придает собственность, аналогично коллекционерам физических произведений искусства, с основным отличием в том, что первые не контролируют циркуляцию искусства, представленного токеном, — и им, кажется, это не мешает: статуса достаточно.

В то время как экономика статуса может объяснить нефинансовую ценность NFT — почему коллекционеры пленяются фантазией чистой собственности в искусственном рынке, который, кажется, отказывается от искусства, — стремление токенизировать считается проявлением грубого техно-капитализма с дистопическими оттенками. Поскольку блокчейны содержат только транзакции, использование этой среды поощряет преобразование каждого опыта в финансовую сделку. Несмотря на то, что это возражение может показаться общим, оно отражает беспокойство ученых, которые, даже до того как NFT сгустились вокруг проблематичного вопроса финансовизации, уже обратили внимание на наступающую финансовизацию повседневной жизни [16].

Риверс Райан рассматривает восхождение NFT как последнюю главу в долгой истории технологических инноваций, в рамках которой различные видения технологических утопий и дистопий борются за внимание. В конечном итоге выбор той или иной картины является вопросом веры, отражая степень доверия к технологии. Как правильно утверждает Риверс Райан, чтобы двигаться дальше от этой двоичности, критическое взаимодействие с технологией является необходимой отправной точкой. Блокчейн и NFT, веро-

ятно, не исчезнут в ближайшее время, поэтому критический подход предполагает переосмысление вопроса, моделируя, как работать с противоречиями технологии и формировать её ценности с намерением, двигаясь медленно и создавая вещи, вместо того чтобы двигаться быстро и разрушать. Приведенные Риверс Райан примеры находят баланс между крайностями анархо-капиталистической децентрализации и грубого посредничества: например, платформа Feral File проведит кураторские выставки токенизированного цифрового искусства, восстанавливая ценность экспертной куратории. В этом третьем пространстве формируется альтернативный мир искусства, который ценит доходы и эстетику художников, сообщества и институты, прозрачность и опеку, доступность и экспертизу. Если полное отвержение технологии не является реалистичным вариантом, то использование её, а также вопрос к технокультурным ценностям представляет интересный вызов для художников, креативных людей, а также новых и старых посредников [19].

Переключение внимания на создаваемое искусство, вдали от навязчивой концентрации на финансовых новостях, является полезным напоминанием о том, что, несмотря на важность NFT, они задают увлекательные вопросы о природе искусства. Как говорит Анна Райт:

«Возможно, наиболее значимым наследием атаки NFT на художественный рынок станут вопросы, которые она заставляет нас задавать о природе искусства и о том, чего мы от него хотим. Как следует торговать и рассматривать искусство? Кто имеет право придавать ценность искусству? Существует ли моральный или эстетический кодекс, по которому от художников ожидается работа, и кто избрал себя, чтобы его определять? И почему бы кому-то не отдать свои деньги в обмен на цифровой «фарт»?»

Последний вопрос, действительно, актуален. Первый, предварительный ответ может быть получен из анализа данных экономистов, которые изучали ценообразование и профиль риска NFT. Насколько рискованно приобретать цифровой фарт, чтобы использовать живописную метафору Райт? И что определяет или коррелирует с ценами на NFT? Де-Ронг Конг и Цзе-Чунь Лин проанализировали большую базу данных более чем из 13000 транзакций, зарегистрированных на платформе LarvaLabs (платформа для торговли CryptoPunks) с июня 2017 года, когда была запущена коллекция CryptoPunks, до мая 2021 года. Их исследование показывает, что NFT приносят более высокую прибыль по сравнению с традиционными финансовыми активами, но характеризуются крайней волатильностью; цены на NFT возрастают, когда растет спрос на альтернативные инвестиции, но их стоимость также в значительной степени зависит от эстетических предпочтений инвестора; наконец, что касается поведения коллекционеров, исследование подразумевает, что некоторые коллекцио-

неры рассматривают NFT как возможные инвестиции для быстрой финансовой прибыли, но другие считают NFT коллекционными предметами или произведениями искусства, чтобы получать эмоциональные дивиденды. Нефинансовая ценность NFT (эмоциональные дивиденды от собственности) играет не последнюю роль в готовности инвесторов принимать высокую волатильность и риск. Другими словами, выгоды от владения NFT включают как финансовую, так и эмоциональную составляющую, и именно этот странный сочетание инструментальной рациональности (финансовой выгоды) и эстетической оценки делает оценку цен на NFT сложной или нетрадиционной, настолько, что ни одна из существующих моделей оценки активов полностью не может объяснить доходы от NFT. Отдавать деньги в обмен на цифровой код может быть менее иррациональным, чем кажется.” [10]

4. Заключение.

Коллекция CryptoPunks – это только одно подмножество NFT, хотя и наиболее иконическое, которое принесло высокие продажи. Дальнейшие академические исследования необходимы для уточнения конкретных характеристик этого бума и его влияния на мир искусства в целом. Просто отвергать NFT и крипто-искусство как новую границу финансовизации капитализма мало помогает в попытке понять изменения, происходящие на пересечении технологии и творчества. Являются ли приематели NFT группой прибыльно нацеленных искателей приключений, потенциальными жертвами компаний и корпораций, извлекающих стоимость? Вероятно, более сложное сочетание финансовых, эмоциональных, эстетических, социальных и куль-

турных факторов способствует популярности NFT. Мой анализ подчеркивает одно из измерений этого сложного явления, сосредотачивая внимание на историях, повествованиях и дискурсах, которые возникли параллельно с развитием рынка NFT и являются неотъемлемой частью его жизни. Истории и повествования имеют значение, потому что они оказывают реальное воздействие. Слушание их может не привести к абсолютным доказательствам, но оно позволяет исследовать чувства и восприятия, которые направляют поведение и принятие решений.

Как показывает история финансовых пузырей, громкие слова, сопровождающие метеорический рост цен на активы, играют важную роль в влиянии на мнения. Ещё одним уроком, извлечённым из этой истории и представленным в анализах Дэвида Гарбера, является то, что рассматривать пузыри просто как всплески иррациональности и морализировать, осуждая глупость инвесторов, не даёт полного объяснения. Скептические точки зрения, которые я рассмотрел здесь, некоторые из них выражают критику финансовизации, оставляют дверь приоткрытой, с интересом рассматривая возможности блокчейна с точки зрения художественных экспериментов. Как напоминает нам Дэвид Гарбер, ставки на будущее почти обязательны, когда большой технологический сдвиг вносит повышенную неопределённость. NFT могут быть одной из таких ставок и могут оказаться менее разрушительными, чем ожидалось. Однако на данный момент они вызывают глубокое размышление в мире искусства и стимулируют новые взгляды на его уникальность – это вид спекуляции, который трудно осуждать.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Aluma-Baigent A. Crypto: Art, Currency and Capital. Major Research Paper, University of Ottawa. 2021. URL : <https://ruor.uottawa.ca/handle/10393/42756>.
2. Burniske C. Cryptoassets: The Innovative Investor's Guide to Bitcoin and Beyond / C. Burniske, J. Tatar. 2017. P. 115–121.
3. Artists Re: Thinking the Blockchain / R. Catlow, N. Jones, S. Skinner [et al.]. Liverpool : Torque Editions & Furtherfield, 2017.
4. Curtis G. The New Economy of Art: Artists, Buyers, and Dealers in the 21st Century. 2014. P. 52.
5. De Boever A. The Death of Art (Once Again), «Boundary2», March 29, 2021. URL : <https://www.boundary2.org/2021/03/arne-de-boever-the-end-of-artonce-again> (21.11.2021).
6. De Filippi P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. Cambridge, MS: Harvard University Press, 2018.
7. Quantifying reputation and success in art. «Science» / S.P. Fraiberger, R. Sinatra, M. Resch, C. Riedl, A.L. Barabási. 2018. P. 821–823.
8. Fry N. The NFT Boom Is Creating a New Wave of Crypto-Art Insiders. The New-Yorker, 2021. P. 15.

9. Garber P. Famous First Bubbles: The Fundamentals of Early Manias. Boston : MIT Press, 2000.
10. Gómez-Díaz E. The Value of Art in the Digital Age: An Exploration of Online Sales of Visual Art. 2019. P. 60–85.
11. Horowitz N. The Art of the Deal: Contemporary Art in a Global Financial Market. 2011. P. 45–67.
12. Jones N. A Quasi Proto Preface. In Artists Re: Thinking the Blockchain / N. Jones, S. Skinner; Edited by R. Catlow, N. Jones, S. Skinner. Liverpool : Torque Editions & Furtherfield, 2017. P. 11–39.
13. Lee B. Culture and Commerce: The Value of Entrepreneurship in Creative Industries / B. Lee, R.E. Florida. 2019. P. 75–81.
14. Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction / A. Narayanan [et al.]. 2016. P. 63.
15. Rivers Ryan T. Will the Artworld's NFT Wars End in Utopia or Dystopia?, «ArtReview» December 02, 2021. URL : <https://artreview.com/will-theartworld-nft-wars-end-in-utopia-or-dystopia> (30.1.2022).
16. Thompson D. The \$12 Million Stuffed Shark: The Curious Economics of Contemporary Art. 2008. P. 83–98.

References:

1. Aluma-Baigent A. Crypto: Art, Currency and Capital. Major Research Paper, University of Ottawa. 2021. URL : <https://ruor.uottawa.ca/handle/10393/42756>.
2. Burniske C. Cryptoassets: The Innovative Investor's Guide to Bitcoin and Beyond / C. Burniske, J. Tatar. 2017. P. 115–121.
3. Artists Re: Thinking the Blockchain / R. Catlow, N. Jones, S. Skinner [et al.]. Liverpool : Torque Editions & Furtherfield, 2017.
4. Curtis G. The New Economy of Art: Artists, Buyers, and Dealers in the 21st Century. 2014. P. 52.
5. De Boever A. The Death of Art (Once Again), «Boundary2», March 29, 2021. URL : <https://www.boundary2.org/2021/03/arne-de-boever-the-end-of-artonce-again> (21.11.2021).
6. De Filippi P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. Cambridge, MS: Harvard University Press, 2018.
7. Quantifying reputation and success in art. «Science» / S.P. Fraiberger, R. Sinatra, M. Resch, C. Riedl, A.L. Barabási. 2018. P. 821–823.
8. Fry N. The NFT Boom Is Creating a New Wave of Crypto-Art Insiders. The New-Yorker, 2021. P. 15.
9. Garber P. Famous First Bubbles: The Fundamentals of Early Manias. Boston : MIT Press, 2000.
10. Gómez-Díaz E. The Value of Art in the Digital Age: An Exploration of Online Sales of Visual Art. 2019. P. 60–85.
11. Horowitz N. The Art of the Deal: Contemporary Art in a Global Financial Market. 2011. P. 45–67.
12. Jones N. A Quasi Proto Preface. In Artists Re: Thinking the Blockchain / N. Jones, S. Skinner; Edited by R. Catlow, N. Jones, S. Skinner. Liverpool : Torque Editions & Furtherfield, 2017. P. 11–39.
13. Lee B. Culture and Commerce: The Value of Entrepreneurship in Creative Industries / B. Lee, R.E. Florida. 2019. P. 75–81.
14. Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction / A. Narayanan [et al.]. 2016. P. 63.
15. Rivers Ryan T. Will the Artworld's NFT Wars End in Utopia or Dystopia?, «ArtReview» December 02, 2021. URL : <https://artreview.com/will-theartworld-nft-wars-end-in-utopia-or-dystopia> (30.1.2022).
16. Thompson D. The \$12 Million Stuffed Shark: The Curious Economics of Contemporary Art. 2008. P. 83–98.

Информация об авторе

Халитова Алина Юрьевна
выпускница отделения искусствоведения
Санкт-Петербургского
государственного института культуры
alina@millerartpro.com

Alina Yu. Khalitova
Graduate of the Department of Art History
at the Saint Petersburg State Institute of Culture
alina@millerartpro.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.11.86.003>
УДК 008

Attribution
cc by

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ДРАМА «КОНФУЦИЙ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА

Хуан Цзэхуань

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация. В центре внимания автора – работа китайского искусствоведа Чжу Ялинь, посвященная обзору зарубежных гастролей национальной танцевальной драмы «Конфуций». Предлагая собственный перевод статьи своего соотечественника с китайского языка на русский, автор помещает исходный материал в контекст культурного диалога Востока и Запада. Актуальность обозначенного ракурса исследования обусловлена все более крепнущими отношениями России и Китая, о чем свидетельствуют такие события, как прошедший в 2020-м и 2021-м перекрестный год Китая в России и России в Китае, празднование 70-летия дипломатических отношений России и Китая, которое отмечалось в 2019 году, совместная договоренность лидеров России и Китая о том, что 2022–2023 годы будут перекрестными годами России и Китая в области физической культуры и спорта, а 2024–2025 – годами культуры обеих стран. Об укреплении взаимоотношений между ними можно судить и по значительному количеству китайской молодежи, получающей образование в российских вузах. Цель статьи – продемонстрировать интерес со стороны российского и западного зрителя к образу учителя, которого называют китайским Сократом. Значимость такого интереса определяется, по мнению автора, не только богатейшей национальной традицией, складывающейся в Поднебесной империи на протяжении долгого исторического времени и сохранившей свою самобытность, но и утратой глобализующимся сообществом такого феномена, как культурный герой. В данном контексте образ Конфуция, притягивающий к себе внимание мировой общественности, дает надежду на торжество человеческого в человеке, все поступки и действия которого будут определяться нравственным чувством. В числе методов исследования оказываются метод интерпретации, аналитический метод, метод сравнительного анализа.

Ключевые слова: танцевальная драма «Конфуций», культурный диалог Востока и Запада, философия танца.

NATIONAL DANCE DRAMA «CONFUCIUS» IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE OF EAST AND WEST CULTURES

Huang Zehuan

Herzen State Pedagogical University of St. Petersburg

Abstract. The author focuses on the work of Chinese art critic Zhu Yalin, devoted to a review of the foreign tour of the national dance drama «Confucius». Offering his own translation of his compatriot's article from Chinese into Russian, the author places the source material in the context of the cultural dialogue between East and West. The relevance of the indicated perspective of the study is due to the increasingly strengthening relations between Russia and China, as evidenced by such events as the Cross Year of China in Russia and Russia in China that took place in 2020 and 2021, the celebration of the 70th anniversary of diplomatic relations between Russia and China, which noted in 2019, a joint agreement between the leaders of Russia and China that 2022–2023 will be the cross years of Russia and China in the field of physical culture and sports, and 2024–2025 will be the years of culture of both countries. The strengthening of relations between them can also be judged by the significant number of Chinese youth receiving education at Russian universities. The purpose of the article is to demonstrate interest on the part of Russian and Western viewers in the image of the Teacher, who is called the Chinese Socrates. The significance of such interest is determined, in the author's opinion, not only by the rich national tradition that has developed in the Celestial Empire over a long historical time and has preserved its originality, but also by the loss by a globalizing community of such a phenomenon as a cultural hero. In this context, the image of Confucius, attracting the attention of the world community, gives hope for the triumph of the human in man, all of whose actions will

be determined by a moral sense. Among the research methods are the interpretation method, the analytical method, and the comparative analysis method.

Keywords: dance drama «Confucius», cultural dialogue between East and West, philosophy of dance.

Введение. Танцевальная драма «Конфуций» была создана в 2013 году творческим тандемом хореографа-постановщика Кун Дэсинь – потомка Конфуция в 77-м поколении и композитора Чжан Цюй [2; 3]. Успех был настолько ошеломляющим, что эта зрелищная постановка была показана в таких странах, как Австралия, Болгария, Греция, Италия, Македония, Сербия, США, Япония. В Россию труппа Китайского национального театра оперы и танцевальной драмы привезла «Конфуция» в 2019 году, который проходил под знаком установления 70-летия дипломатических отношений между Китаем и Россией. В спектакле, который был показан на сцене Мариинского театра (город Санкт-Петербурге) приняли участие 179 исполнителей. Завоевание права выступить на сцене прославленного театра мирового класса лишь подтвердило статус мастерства авторов и исполнителей «Конфуция», который к этому времени громко заявил о себе в «Линкольн-центре» (город Нью-Йорке) и в «Кеннеди-центре» (город Вашингтон) [4].

Отталкиваясь от концепции, разрабатываемой Дж. Наем, который утверждал, что всеобъемлющая национальная сила страны включает в себя не только такую жесткую силу, как экономика, наука, технологии и вооруженные силы, но и силу мягкую, связанную с культурой и идеологией, Китай нацелен на поддержание этих сил в состоянии равновесия. При этом у китайских лидеров не вызывает сомнения тот факт, что в век информации мягкая сила становится более заметной. Поскольку в контексте глобализации культуры, являющейся неотъемлемой частью мягкой силы страны, конкуренции отводится весьма значительная роль, понятно: выход за границы китайской культуры обусловлен как реальностью, так и общей тенденцией развития страны.

Действительно, в настоящее время весь мир стремится понять Китай. Если не будет активного общения для распространения культуры, в других аспектах могут возникать зоны напряжения, порождающие непонимание и, как следствие, сопротивление идти навстречу друг другу. Соответственно, проводимая Китаем культурная политика способствует не только устранению возможных недоразумений, но и укреплению взаимопонимания, что в целом становится опорой дипломатии. Исходя из этого, правительство ввело ряд мер по поддержке и поощрению культурных обменов с зарубежными странами.

Например, в последние годы во многих странах мира с успехом прошли такие мероприятия, как «Празднование дня весны», перекрестные годы, в рамках которых осуществлялся культурный взаимообмен, «недели китайской культуры». Как свидетельствует Ян Чжао, «первый «Перекрест-

ный год» национальных культур между Россией и Китаем был проведен в 2006 г. и с тех пор практически ежегодно страны принимают решение о проведении «Перекрестного года» в какой-либо сфере (туризм, язык, молодежные обмены, СМИ и др.). К таковым относятся 2020–2021 годы (годы культуры), 2022–2023 – годы физической культуры и спорта [5, с. 7]. Знаменательно, что 2024–2025, также провозглашены годами культуры [6]. Подобные мероприятия направлены на выход за рубеж ряда произведений, представляющих китайскую культуру. Творческие проекты по иностранному культурному обмену дали миру глубокое понимание форм, характеристик и коннотаций китайской литературы и искусства, став своеобразным мостом между Китаем и всеми остальными.

Обсуждения и результаты. Если спросить наших современников-иностранцев, побывавших на представлении танцевальной драмы «Конфуций», что для них является наиболее представительным символом китайской культуры, ответ будет однозначным. Думаем, все они назовут творение Кун Дэсинь и Чжан Цюй, что вполне объяснимо. Дело в том, что общество китайского искусства давно стремилось создать пьесу, которая могла бы распространить образ и мысль Конфуция за границы, однако по разным причинам это не удавалось. Только в 2013 году образ Конфуция, наконец, получил широкое распространение в виде сценического искусства.

Танцевальная драма «Конфуций» пропагандирует великолепную традиционную культуру и демонстрирует ее современный дух и художественные особенности. Как ведущая, представительная и образцовая национальная художественная труппа китайский национальный театр оперы и танцевальной драмы выполняет миссию интеграции и диалога с мировой культурой через национальную танцевальную драму «Конфуций».

Подчеркнем, Китайский национальный театр оперы и танцевальной драмы является одним из первых, осуществляющих культурный обмен с зарубежными странами с момента основания Китайской Народной Республики. Так, еще в мае 1958 года центральный экспериментальный оперный театр (предшественник Китайского национального театра оперы и танцевальной драмы) и Шанхайский Пекинский оперный театр сформировали «Труппу китайского оперного искусства» для посещения ряда стран. Репертуар труппы был представлен «Танцем красного шелка», «Танцем дракона» и «Счастливым танцем». С 05 ноября по конец декабря 1958 года в целях реализации культурного соглашения между Китаем и Советским Союзом, Министерство культуры направило театральную труппу посетить Советский Союз для выступления в городах Ле-

нинград, Москва, Новосибирск и Иркутск. В качестве показательных были выбраны три оперы: «Лю Хулань», «Песнь о пастбищах» и «История Хуай Инь».

В сентябре 2013 года кадры танцевальной драмы «Конфуций» появились на большом экране NASDAQ в Таймс-сквере, что стало первым зарубежным появлением «Конфуция». За шесть лет (с 2014 по 2019 годы) танцевальная драма «Конфуций» была поставлена в Австралии, Греции, Македонии, Болгарии, Сербии, Италии, Словении, США, Японии, России и других странах. Большинство площадок проведения зарубежных гастролей – это самые представительные местные театры и лучшие театры мира, что значительно повысило внимание зарубежной публики. В выступлениях в Мариинском театре в Санкт-Петербурге и в Новом оперном театре Колобова в Москве труппа задействовала самых талантливых артистов, чье выступление сопровождалось симфоническим оркестром, хором, сольным пением, декламацией и другими формами исполнения.

Стоит отметить, что зрители – это в основном обычные граждане, которые самостоятельно покупают билеты. Например, на спектакли в Любляне, столице Словении, все билеты приобретаются зрителями за свой счет, и они распродаются досрочно. Все билеты на российские гастролы также приобретаются за счет зрителей. Всего на гастроль по России было распродано 5300 билетов, а выступление в Москве потребовало продажи дополнительных мест. Во время гастролей «Конфуция» по Центральной и Восточной Европе телестанции Македонии и Сербии купили права на трансляцию для продвижения спектакля. За выступлением также следила Центральная телестанция Словении.

Аналогичным образом за год до гастролей по США многие СМИ начали заранее продвигать репортажи об уникальности этого проекта. Режиссер и актеры танцевальной драмы были приглашены для участия в ток-шоу «Нью-Йоркская приемная» на Американско-китайское телевидение, где они поделились историей создания танцевальной драмы и раскрыли особенности репетиционного периода. Актеры драмы также посетили местную школу, чтобы продемонстрировать национальные танцы и традиционную культуру.

Думается, успех зарубежных гастролей танцевальной драмы «Конфуций» неразрывно связан с многолетней практикой распространения китайской культуры Китайским национальным театром оперы и танцевальной драмы при активном участии местного населения. В то же время, это также неотделимо от политики зарубежных культурных обменов, в которой акцент ставится на принципе координации со стороны правительства образовательных каналов, общественных и правительственных организаций, а также частных лиц, представляющих сферу бизнеса,

что находит свое отражение в гастролях «Конфуция».

Так, помимо государственного финансирования, обеспечившего триумфальное шествие «Конфуция» по Центральной и Восточной Европе в 2014 году, свою лепту внес и Национальный фонд искусств. В 2016 году театр подал заявку на выделение специальных средств на создание зарубежной версии «Конфуция». Гастроли по США в 2017 году были осуществлены при поддержке Китайской художественно-развлекательной группы. Выступление в России в 2019 году получило мощную поддержку со стороны Министерства пропаганды и Министерства культуры и туризма. Среди них есть как государственные, неправительственные организации, так и коммерческие структуры. Все они нацелены на максимальное повышение осведомленности, распространения и влияния «Конфуция».

Выскажем соображение, что причина популярности танцевальной драмы «Конфуций» также неотделима от ее идеологической основы и артистизма исполнителей. Это связано с тем, что, извлекая элементы из древней культуры, создатели танцевальной драмы успешно их сочетали с современными проблемами, основывая свой спектакль на технических достижениях, которые соответствовали современной эстетике. Что касается сценического исполнения и методов презентации, то и здесь максимально сочетаются традиции и новации. Музыка, хореография и костюмы в разной степени интегрированы в современную художественную парадигму.

Помимо этого, на ошеломительный успех спектакля оказало влияние постоянное усовершенствование исполнительского мастерства при многократной практике. Достаточно сказать, что с 2013 по 2018 годы «Конфуций» был исполнен в Китае более 300 раз! В начале 2019 года хоровые фрагменты из танцевальной драмы «Конфуций» в сопровождении симфонического оркестра были использованы в 300 юбилейных выступлениях! Чтобы адаптировать зарубежного зрителя, организаторы гастролей позаботились о субтитрах и электронных программах, подготовленных на нескольких языках.

Однако самым главным фактором успеха, на наш взгляд, стала воплощенная в танцевальной драме «Конфуций» философия танца! Речь идет о доминировании пластической речи, посредством которой нравственная философия Конфуция оказывалась понятной зарубежной публике, хотя, как было отмечено ранее, на протяжении всей постановки на экранах осуществлялась трансляция субтитров на языке той страны, где проходили гастроли. Это глубинное проникновение в пластику тела, когда собственно танец являет собой воплощенную в движениях мысль, отвечает природе любого человека, независимо от его национальности, поскольку «в начале был Жест»!

Опыту немцев это близко постольку, поскольку один из ярчайших представителей этого народа – имеется в виду Ф. Ницше – однажды воскликнул устами своего Заратустры: «О, высшие люди, ваше худшее в том, что все вы не научились танцевать так, как нужно танцевать, – танцевать поверх самих себя» [1]. С опытом французов подобная установка согласуется благодаря концепции А. Бадью, который выявляет двойственный характер танца как видимого действия и невидимой энергии. Исламскому миру такой опыт близок благодаря дервишам, чей молитвенный экстаз достигается вращением и т.д., и т.п. Другими словами, танец уподобляется действительной жизни с чередованием вдоха и выдоха, ночи и дня, приливов и отливов, внешнего и внутреннего и др.

Заключение.

Подытоживая все вышеизложенное, необходимо признать, что подобные зарубежные поездки одновременно полезны и для укрепления всесторонней мощи Китайского национального театра оперы и танцевальной драмы. Различные формы культурного обмена за границей повышают как популярность театра, так и профессиональный уровень его труппы за счет взаимодействия с творческими коллективами из других стран. Сотрудничая с зарубежными литературными и художественными институтами, коллектив Китайского национального театра оперы и танцевальной драмы перенимает их зрелый опыт управления, узнает тенденции развития мирового искусства и совместно занимается обсуждением вопросов долгосрочного развития театра.

Тем не менее, в отношении зарубежных культурных обменов нельзя останавливаться на достигнутом. Как и у большинства учреждений, осуществляющих деятельность по культурному обмену за рубежом, у китайской труппы есть свои проблемы. Это – несовершенство механизмов, используемых в постановке, нехватка средств, нехватка штатных должностей, ограниченное количество каналов коммуникации. Проблемы, с которыми сталкиваются театры, во многом похожи. Это требует, чтобы компетентные департаменты активно действовали, проявляя смелость в решениях и не боясь ответственности.

Если мы хотим создать образ нашей страны и продемонстрировать свое неповторимое очарование, мы должны уметь соединять классическое наследие и современную культуру. С этой точки зрения, танец и музыка в танцевальной драме «Конфуций» являются важными выразительными элементами, выполняющими миссию интерпретации современности с помощью традиционных приемов, что в целом создает уникальный образ культурного героя, понятного и близкого каждому.

Иначе говоря, создатели «Конфуция» не только запечатлели его облик, для многих утраченный ввиду его древности, но и показали современность нравственных принципов Учителя, их универсальность и общечеловеческую ценность, что с неизменностью отзывается в сердцах людей XXI века. Древний образ и современный образ встречаются друг с другом и становятся единым целым.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. URL : 100bestbooks.ru/files/Nietzsche_Tak_govoril (дата обращения 13.11.2022).
2. Хуан Цзэхуань. Образ мыслителя в контексте современного искусства: опыт аналитики / Хуан Цзэхуань // Вестник музыкальной науки. 2021. Т. 9. № 1. С. 209–220.
3. Хуан Цзэхуань. Танцевальная драма «Конфуций» / Хуан Цзэхуань // Вестник музыкальной науки. 2021. Т. 10. № 1. С. 191–199.
4. Чжу Ялинь. Обзор и размышления о зарубежных гастролях национальной танцевальной драмы «Конфуций» Китайского национального театра оперы и танцевальной драмы». Харбин : Драматург, 2020. № 6. С. 118–121.
5. Ян Чжао. Роль «Перекрестных годов» в продвижении образа Китая в России: выпускная квалификационная работа. СПб., 2021. 80 с. URL : dspace.spbu.ru/bitstream/11701/31348/1/zui (дата обращения 15.10.2023).
6. 2024-й и 2025-й станут совместными годами культуры... URL : ruskiymir.ru/news/315362 (дата обращения 15.10.2023).

References:

1. Nietzsche F. That's what Zarathustra said. URL : 100bestbooks.ru/files/Nietzsche_Tak_govoril (date of the application 11/13/2022).
2. Huang Zehuan. The Way of the Thinker in the context of contemporary Art: the experience of analytics / Huang Zehuan // Bulletin of Musical Science. 2021. Vol. 9. № 1. P. 209–220.
3. Huang Zehuan. Dance drama «Confucius» / Huang Zehuan // Bulletin of Musical Science. 2021. Vol. 10. № 1. P. 191–199.
4. Zhu Yalin. Review and reflections on the foreign tours of the national dance drama «Confucius» of the Chinese National Opera and Dance Drama Theater. Harbin : Dramaturg, 2020. № 6. P. 118–121.
5. Yang Zhao. The role of the «Cross Years» in promoting the image of China in Russia: final qualifying work. SPb., 2021. 80 p. URL : dspace.spbu.ru «bitstream/11701/31348/1/ zui (date of the application 10/15/2023).
6. 2024 and 2025 will be joint years of culture URL : russkiymir.ru/news/315362

Информация об авторе

Хуан Цзэхуань

аспирант кафедры
музыкального воспитания и образования
Института музыки, театра и хореографии
Санкт-Петербургского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена
polina777@mail.ru

Huang Zehuan

Postgraduate Student of the Department
of Music Education and Education
of the Institute of Music, Theater and Choreography
of the Herzen State Pedagogical University
of St. Petersburg
polina777@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.60.36.008>
УДК 008

Attribution
cc by

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

Цзя Силун

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Цель. Данная статья исследует влияние китайской культуры на международное сообщество в современном мире. Методы. Автор обращает внимание на то, что китайская культура имеет богатое наследие, которое охватывает тысячелетия и включает в себя такие аспекты, как философия, искусство, литература, кулинария, традиционная медицина и многие другие.

Выводы. Статья исследует механизмы, через которые культурные ценности и практики Китая стали широко распространенными за его пределами. Статья также рассматривает реакцию международного сообщества на распространение китайской культуры, включая как положительные, так и отрицательные аспекты этого воздействия.

Результаты. В статье обсуждаются вопросы культурной ассимиляции, сохранения культурной самобытности и кросс-культурного диалога. Китайская традиционная культура постоянно проникает в кровь западной культуры, сливаясь в другой ландшафт «восточного обучения и западного прогресса».

Ключевые слова: межкультурный диалог, Китай, Запад, культура, искусство.

THE INFLUENCE OF CHINESE CULTURE ON THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Jia Xilong

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Goal. This article explores the influence of Chinese culture on the international community in the modern world. Methods. The author draws attention to the fact that Chinese culture has a rich heritage that spans millennia and includes aspects such as philosophy, art, literature, cooking, traditional medicine and many others.

Conclusions. The article explores the mechanisms through which China's cultural values and practices have become widespread beyond its borders. The article also examines the reaction of the international community to the spread of Chinese culture, including both positive and negative aspects of this impact. Results. The article discusses issues of cultural assimilation, preservation of cultural identity and cross-cultural dialogue. Chinese traditional culture constantly penetrates into the blood of Western culture, merging into a different landscape of «Eastern learning and Western progress».

Keywords: intercultural dialogue, China, West, culture, art.

Введение. Культурное сознание и культурная уверенность в себе отражают глубокое понимание страной и народом собственного культурного развития, твердое признание собственной культурной ценности и полное понимание собственного культурного влияния.

В настоящее время, чтобы воспитать высокую степень культурного сознания и культурной уверенности в себе, необходимо не только иметь более глубокое понимание и усвоение социалистической системы ценностей и основных ценностей, но и «использовать прошлое для настоящего», продвигать вперед прекрасную традиционную культуру Китая и шире понимать огромный вклад, внесенный традиционной культурой Китая в человеческую цивилизацию, включая ее влияние на мировую культуру.

Результаты. Китайская культура издавна была полна уверенности в себе, и в наше время существуют исторические и практические причины культурной неполноценности [1]

В древние времена экономическое и социальное развитие Китая всегда было на переднем крае мира, и китайский народ всегда был полон уверенности и гордости за свои культурные традиции, культурные ценности и культурные влияния.

Существуют как исторические, так и практические причины культурной неполноценности в наше время. С точки зрения исторических причин, после Опиумной войны западная культура вторглась в традиционную китайскую культуру с помощью «крепких кораблей и острых пушек», в результате чего, китайская традиционная куль-

тура пришла в упадок, а традиционная система ценностей подверглась огромному воздействию. В таких условиях некоторые люди отстаивают теорию «тотальной вестернизации», утверждая, что традиционная китайская культура уступает западной культуре во всех аспектах. Этот комплекс культурной неполноценности до сих пор оказывает влияние на психику людей.

Исходя из практических соображений, с глубоким развитием экономической глобализации западная культура, как сильная культура, оказывает глубокое влияние на ценности, образ мышления и эстетические вкусы китайского народа, и некоторые люди не доверяют китайской традиционной культуре и усилению международного влияния китайской культуры, а некоторые даже злонамеренно принижают свою собственную прекрасную традиционную культуру [3].

В этих условиях для восстановления культурной самоуверенности китайского народа необходимо не только обсуждать глубину, открытость и инклюзивность китайской традиционной культуры на макроуровне, но и систематически разбираться в процессе эволюции китайской традиционной культуры, делать научные суждения о ее разумных факторах и внутренней ценности, особенно проводить надлежащий анализ и оценку влияния китайской традиционной культуры на Запад. Это слабость нынешнего академического сообщества, и китайцам легко ее игнорировать. На самом деле, исторически сложилось так, что китайская традиционная культура проникла в западную культуру всесторонне с контактами с Западом и даже повлияла на направление западной культуры [4].

Обсуждение. С точки зрения материальной цивилизации, влияние китайского шелка и фарфора на Европу признано во всем мире. Это влияние не только материальное, но и богатое духовной ценностью. С 8 века до нашей эры по 2 век нашей эры китайский шелк транспортировался в Европу по «Шелковому пути». В этот период времени, благодаря торговле шелком, китайская культура оказала первое значительное влияние на Запад.

Примерно в 5 веке до нашей эры китайские шелковые ткани появились на греческих статуях в качестве одежды для древнегреческих аристократов. В то время, жители Запада были поражены китайским шелком и называли Китай «Серис», то есть «страной шелка». Тонкость, мягкость, легкость и форма шелка соответствуют требованиям древних греков и стремлению к человеческой свободе, которым восхищались последующие поколения жителей Запада.

Шелк — это хорошая интерпретация западной эстетики с его материальными свойствами. Начиная с эпохи Возрождения и до наших дней, шелк всегда был основным экспортным товаром из Китая на Запад. Фарфор является еще одним важным средством, отражающим влияние китайской культуры на Запад.

Производство фарфора в Китае имеет давнюю историю, но из-за хрупкого и неудобного наземного транспорта в Европе оно чрезвычайно дорогое, и отдельные люди высшего общества используют его как элемент роскоши. Позже, когда основной торговый путь между Востоком и Западом изменился с суши на море, это предоставило Западу реальную возможность импортировать китайский фарфор в больших количествах.

К концу 17-го века из Гуанчжоу, Цюаньчжоу и других мест ежегодно отправлялось 3 миллиона штук фарфора. Изысканный, нежный и великолепный стиль китайского фарфора породил возникший во Франции «стиль рококо», и даже западные ученые вынуждены признать, что «весь секрет совместимости художественного стиля рококо и древней китайской культуры заключается в тонком и нюансированном настроении, воплощенном в фарфоре».

С точки зрения духовной цивилизации, влияние древнекитайской философии и искусства на Запад хорошо известно. Идеологические теории конфуцианства, даосизма и дзен-буддизма всегда оказывали влияние на западную мысль с эпохи Просвещения до наших дней. Особенно велико влияние литературы и искусства. В 18 веке в Европе была популярна юаньская опера, и стало модным заимствовать китайские материалы для создания пьес. Например, предшественники эпохи европейского Просвещения заимствовали китайскую драматургию, чтобы возвысить рациональный дух Просвещения, а адаптация Вольтера «Китайского сиротки» была поставлена во Франции, вызвав сенсацию в Европе.

Художественные приемы китайской оперы оказали значительное влияние на Запад главным образом в 20 в., представленное влиянием Китайской пекинской оперы на теорию драматургии «экспрессионизма» немца Брехта. Брехт давно хотел прорваться через барьеры западной театральной теории, но ему не хватало практических доказательств. Когда он увидел спектакль Мэй Ланьфан в Пекинской опере, он был вдохновлен сценической практикой и техниками виртуальности и процедурной экспрессии, которые фокусировались на игре актеров, и выдвинул два важных теоретических критерия «экспрессионизма» в сценической практике, «эффект дистанцирования» и «разрушение четвертой стены», тем самым утвердив статус «экспрессионизма» в драматургии.

В драматическом (оперном) исполнении Запад делает акцент на «опыте», Восток делает акцент на «исполнении», гениальность Брехта заключается в использовании сильных сторон китайской оперы для восполнения недостатков западного театрального исполнения, и он добился больших успехов.

Когда на Западе появились китайские картины на рисовой бумаге, эти китайские картины, которые были известны тем, что изображали пейза-

жи, цветы, птиц и животных, дополняли западные картины маслом, которые были хороши в изображении людей, и сразу же привлекли западных людей. Стиль китайской живописи постепенно оказал влияние на французский живописный мир, появилось много пейзажей в китайском стиле. Свободный стиль китайской живописи действительно проник в творческую эстетику западных художников в 19-м и 20-м веках, и успешные художники, такие как Матисс и Пикассо, добились успеха.

Абстракция Матисса развилась из «восточного стиля» фовизма его учителя Моро, а кубизм Пикассо развивался в направлении «стиля рококо». Другие западные художники-модернисты, которые сосредоточились на живописи от руки, также находились под большим или меньшим влиянием стиля китайской живописи, и они создали новую атмосферу в мире западной живописи. Жители Запада давно знали о китайских литературных историях, которые передавались на Запад из уст в уста по Шелковому пути, например, некоторые китайские рассказы в сборнике арабских сказок «Тысяча и одна ночь», написанном в 10 веке нашей эры.

В 18—19 вв., с ростом торговли между Востоком и Западом, на Запад было переведено большое количество китайских романов, самый известный из которых – «Биография хороших пар», изданная более чем в десятке переводов. Гете воспевал гармонию между человеком и человеком, гармонию между человеком и природой, как это показано в «Легенде о хорошем парне»: в них природа всегда живет вместе вокруг человеческой фигуры. С тех пор многие известные китайские классические романы, такие как «Роман о Троецарствии», «Водный край» и «Сон в Красном тереме», были переведены на Западе. Кроме того, простая эстетика древней китайской поэзии, яркая и лаконичная, а её образность самобытна, оказала непосредственное влияние на поэзию имажинистов, открыв новое царство американской поэзии.

Большое влияние на Запад оказали и институциональная цивилизация Древнего Китая, его научно-технические идеи и их достижения. С ростом популярности западного китаеведения западные люди становятся все более и более вдумчивыми и конкретными в представлении и интерпретации влияния китайской культуры.

Культурный обмен всегда был улицей с двусторонним движением, и китайская культура внесет большой вклад в развитие мира. Культурный обмен всегда был улицей с двусторонним движением, и влияние культуры часто бывает взаимным [5].

Заключение. Западная культура оказала глубокое влияние на китайское общество, но, понимая влияние традиционной китайской культуры на Запад, мы также можем увидеть положительную роль, которую китайское понимание традиционной культуры сыграло в западном мире.

Даже в наше время, китайская традиционная культура постоянно проникает в кровь западной культуры, вливаясь в другой ландшафт «восточного обучения и западного прогресса». С начала 20-го века, в связи с беспрецедентным развитием науки, техники и производительных сил на Западе, культурный кризис, с которым столкнулся западный мир, становится все более серьезным. Это побудило многих западных интеллектуалов переосмыслить недостатки западной культуры, и они обратили свое внимание на древний Восток, надеясь черпать пищу из китайской цивилизации.

Знаменитый диалог Тойнби с Дайсаку Икеда возлагал большие надежды на китайскую культуру как на новый выход для человеческой цивилизации. Чтобы понять влияние традиционной китайской культуры на Запад, нужно не быть слепо высокомерным и не призывать к культурному стандартизму, а сохранять должное уважение и гордость за традиционную китайскую культуру, укреплять веру в жизнеспособность и перспективы развития китайской культуры в процессе сравнения культур, формировать культурное сознание и избавляться от менталитета культурной самоуверенности, не быть высокомерным и чрезмерно преклоняться перед различными культурами, а искать точки соприкосновения, сохраняя различия, симбиоз и взаимодополняемость в обмене китайской культурой с зарубежными странами, чтобы добиться культурного самосовершенствования и усилить международное влияние китайской культуры. Считается, что в ближайшем будущем, по мере усиления развития экономики и общества Китая, дальнейшего повышения его международного статуса, китайская культура внесет новый большой вклад в человеческую цивилизацию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Иванова Е.И. Китайская культура и ее влияние на международные отношения / Е.И. Иванова // Востокведение и международные отношения. 2020. № 4. С. 420.
2. Петров В.С. Проникновение китайской культуры в современное мировое сообщество: вызовы и перспективы. М., 2018. С. 520.
3. Сидорова А.Н. Влияние китайской культуры на современное международное общество и эффективные стратегии взаимодействия / А.Н. Сидорова // Международные отношения. 2019. С. 950.
4. Глебов П.И. Культурное влияние Китая на международное сообщество: анализ современных тенденций / П.И. Глебов // Вестник международных отношений. 2021. № 6. С. 310.
5. Медведев А.В. Развитие региональной культуры в системе современного общества / А.В. Медведев // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7(170). С. 513.

References:

1. Ivanova E.I. Chinese culture and its influence on international relations / E.I. Ivanova // Oriental studies and international relations. 2020. № 4. P. 420.
2. Petrov V.S. Penetration of Chinese culture into the modern world community: challenges and prospects. M., 2018. P. 520.
3. Sidorova A.N. The influence of Chinese culture on modern international society and effective interaction strategies / A.N. Sidorova // International Relations. 2019. P. 950.
4. Glebov P.I. China's cultural influence on the international community: analysis of modern trends / P.I. Glebov // Bulletin of International Relations. 2021. № 6. P. 310.
5. Medvedev A.V. Development of regional culture in the system of modern society / A.V. Medvedev // Eurasian Law Journal. 2022. № 7(170). P. 513.

Информация об авторе

Цзя Силун

магистрант,
факультет мировой политики,
международных стратегических коммуникаций
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
1418621697@qq.com

Jia Xilong

Master's Student,
Faculty of World Politics,
International Strategic Communications,
Lomonosov Moscow State University
1418621697@qq.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.11.54.009>
УДК 008

Attribution
cc by

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ФОРТЕПИАННОГО ИСКУССТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ПИАНИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Чжан Мэньюй

Государственный музыкально-педагогический институт имени М.М. Ипполитова-Иванова

Аннотация. Цель данной статьи – охарактеризовать особенности влияния русских пианистических традиций на становление фортепианной школы Китайской Народной Республики, связав развитие этой школы с педагогической и творческой деятельностью российских педагогов. При проведении исследования были использованы такие методы, как научный анализ источников и литературы из области истории фортепианного искусства и исполнительского мастерства, музыкальной педагогики, а также метод анализа образцов фортепианного творчества китайских музыкантов. Результаты данного исследования, в котором выявлены основные факторы русского влияния на китайское исполнительское фортепианное исполнительское искусство, могут быть использованы в различных областях современного музыковедения: теории и истории музыкального исполнительства и педагогики, теории музыкальной культуры, исполнительской практике. В статье делается вывод о том, что особая значимость российской фортепианной школы для становления китайского пианистического искусства во многом обусловлена тем, что некоторые стилевые качества русского пианизма оказались особенно актуальными и востребованными для китайской фортепианной школы, несмотря на ее национальное своеобразие.

Ключевые слова: музыкальное искусство, русская фортепианная школа, китайская фортепианная школа, национальный колорит, музыкальная педагогика.

THE INFLUENCE OF RUSSIAN PIANO ART ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CHINESE PIANISTIC SCHOOL

Zhang Menguy

State Musical Pedagogical Institute named after M.M. Ippolitov-Ivanov

Abstract. The purpose of this article is to characterize the peculiarities of the influence of Russian piano traditions on the formation of the piano school of the People's Republic of China, linking the development of this school with the pedagogical and creative activities of Russian teachers. During the research, such methods as the scientific analysis of sources and literature from the field of the history of piano art and performing arts, musical pedagogy, as well as the method of analyzing samples of piano creativity of Chinese musicians were used. The results of this study, which reveals the main factors of Russian influence on Chinese performing piano performance art, can be used in various fields of modern musicology: theory and history of musical performance and pedagogy, theory of musical culture, performing practice. The article concludes that the special significance of the Russian piano school for the formation of Chinese piano art is largely due to the fact that some stylistic qualities of the Russian piano have proved to be particularly relevant and in demand for the Chinese piano school, despite its national identity.

Keywords: musical art, Russian piano school, Chinese piano school, national color, musical pedagogy.

Введение. Характерной особенностью развития музыкального искусства на современном этапе является стремление музыкантов, с одной стороны, к отражению в своем творчестве специфики национальных традиций, а с другой, к постижению представителями музыкальной культуры исторического опыта других стран, особенно если речь идет о сложившейся школе, завоевавшей популярность во всем мире.

В последние годы больших успехов на международной арене добились китайские музыканты-

пианисты. Однако становление китайской фортепианной школы, формирование методики обучения игре на фортепиано и, соответственно, сама популяризация фортепианного искусства в Китае не обошлись без серьезного влияния русской фортепианной школы, исторические корни которой сформировали характерное для России фортепианное искусство, поражавшего зарубежных музыкантов удивительной эмоциональной выразительностью и уникальной системой обучения начинающих музыкантов. Пользуясь высоким авторитетом во всем мире, русская форте-

© Чжан Мэньюй

пианная школа оказала огромное влияние на развитие фортепианного искусства в разных странах, в том числе и на китайское фортепианное искусство.

Результаты. Русская фортепианная школа зародилась в конце XVIII века, когда в царский двор было привезено из Западной Европы первое фортепиано, за чем последовало приглашение профессиональных пианистов для чтения лекций и обучения детей аристократов на этом новом для России музыкальном инструменте. В процессе этого обучения и были заложены основы фортепианного искусства в России, которое, подобно богатырю из русской народной сказки, стало расти и развиваться «не по дням, а по часам». Начав формироваться в конце XVIII столетия, русская фортепианная школа очень быстро развивалась, вступив в эпоху творческой зрелости уже с 1860-х годов [2, с. 273] и покорила весь мир непревзойденными талантами композиторского мастерства и фортепианной игры.

В чем же отличие русской фортепианной школы? На этот вопрос китайская исследовательница Пэн Сунь отвечает так: «Русские композиторы в своем творчестве соединили народную музыку, поэзию, драматургию, литературу, природные зарисовки, мотивы, свойственные духовной музыке, и, обработав этот уникальный материал в присущей только им музыкальной манере, создали фортепианные произведения, уникальные по форме и глубокие по содержанию» [8, с. 596]. Еще в конце XVIII века такие композиторы, как В.С. Караулов, Л.С. Гурилев, А.Д. Жилин и др. создают ряд произведений на темы народных песен, поражающих любителей музыки и по сей день своими национально-самобытными средствами выразительности. Некоторые из композиторов создают вариации в характере русских жанровых картинок, представляющие собой целые сценки из народной жизни, ставшие прообразом аналогичных сочинений русских классиков XIX столетия – М.И. Глинки, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Чайковского, А.П. Бородина и др.

Пианисты и композиторы XX века также внесли весомый вклад в развитие русской фортепианной школы. С.В. Рахманинов, представитель ярко выраженного романтического стиля, А.Н. Скрябин, которого называли «русским Шопеном», С.С. Прокофьев, представлявший неоклассицизм, модернисты Д.Д. Шостакович и Д.Б. Кабалевский – все они, каждый по своему, в своих фортепианных композициях отражали национальные черты русской музыки, оказав тем самым глубокое влияние на развитие мирового фортепианного искусства.

Подобная специфика русской фортепианной музыки не могла не оказать влияние на становление китайской фортепианной школы, которое происходило в таком же быстром темпе, как и русская фортепианная школа, только почти век спустя.

Обсуждение. Начало китайской фортепианной школы датируется рубежом 20–30-х годов XX столетия и связывается с развертыванием деятельности Шанхайской консерватории. Учитывая тот факт, что некоторые из профессоров этой консерватории были русскими эмигрантами, бежавшими в Китай в связи с разгромом «белого движения», то можно сказать, что китайское фортепианное образование попало под влияние русской фортепианной школы, хотя эта школа была не единственной, которая вписалась в традиции китайского музыкального образования. Но именно укоренение традиций русской фортепианной школы в КНР стало предпосылкой для создания китайской национальной фортепианной школы. Китайские композиторы, прежде чем создавать музыкальные произведения, «активно изучали традиции и опыт русской национальной музыкальной школы, смело заимствуя мотивы и идеи традиционной национальной культуры и пытаясь привести их в создаваемые музыкальные произведения» [7].

Самым ранним проявлением фортепианного мастерства музыкантов КНР был конкурс, организованный в 1934 году русским пианистом А.Х. Черепниным, переехавшим в Китай [7]. Особенностью этого конкурса было то, что на нем прозвучали фортепианные произведения с китайским национальным колоритом – такие, как «Флейта пастуха» и «Колыбельная» Хэ Лулиня, «Колыбельная» Цзян Динсяня и другие. В этот период времени появляются фортепианные произведения Дина Шандэ на темы китайских народных песен, среди которых – композиция «Весенний тур», впитавшая в себя, подобно русским композиторам XIX века, колорит национальной музыки [8, с. 597]. Благодаря этому конкурсу, появилось большое количество фортепианных произведений высокого художественного уровня, написанных в китайском стиле, что сформировало предпосылки для дальнейшего развития и укрепления китайской национальной фортепианной школы.

В 1955 году Китай направил в Советский Союз на обучение китайских композиторов. Позже, под влиянием русского фортепианного искусства, они написали «Цветочный барабан» – фортепианное произведение, наполненное свежей жизненной силой и этническими особенностями. В 1956 году Хуан Хувэй, китайский композитор, продолжая учиться у советского профессора фортепианной музыки, написал произведение «Картина Башу», представляющее собой природную зарисовку (подобные зарисовки мы находим в творчестве русского композитора П.И. Чайковского).

Таким образом, именно национальная специфика русского фортепианного искусства оказала сильное влияние на фортепианное искусство Китайской народной республики. Но, с другой стороны, нельзя не отметить и технически-профессиональные признаки китайской фортепианной школы, которые наиболее устойчиво

ассоциировались с русской фортепианной школой. Как отмечают Чжан Мидун и И.Ф. Чернявская, «формирование китайской фортепианной школы в XX веке тесно связано с педагогической и творческой деятельностью российских педагогов» [6, с. 186].

Чжоу Гуанжэнь, знаменитая китайская пианистка и педагог, внесшая огромный вклад в популяризацию и развитие фортепианного образования, вспоминала, что только после учебы у советского специалиста Арама Татуляна, который преподавал в Тяньцзинской консерватории, она по-настоящему поняла, «что значит весовая игра» [4, с. 49]. Общение с этим педагогом «расширило тембровую палитру и техническое мастерство Гуанжэнь, придало большую гибкость и существенно улучшило качество и силу звука» [Цинь, с. 198]. Изучая традиции русского фортепианного искусства под руководством А. Татуляна, Гуанжэнь полностью освоила приемы и манеру исполнения, свойственные русской фортепианной школе, что «полностью трансформировало облик пианистки в сторону большей проникновенности и лиризма» [5, с. 198].

Не только Гуанжэнь, но и другие китайские пианисты – Гу Шэнин, Лю Шикунь, Го Чжихун, Чжэн Лицинь и др. – «явились проводниками традиций русской фортепианной педагогики и исполнительства в китайскую музыкальную культуру» [5, с. 198]. К примеру, Инь Ченцзун, один из самых влиятельных молодых китайских пианистов второй половины XX века, «мастерски владел русским методом игры на фортепьяно – великолепным, богатым, звуком с широким фразировкой и сильными эмоциями» [1, с. 159].

Знаменитый китайский пианист Лю Шикунь четыре года учился у Бориса Захарова – русского педагога, который, обучая музыкантов, «большое значение придавал целенаправленной тренировке – пальцевой технике будущих фортепианных исполнителей» [3, с. 154].

Чжан Мидун и И.Ф. Чернявская считают, что «постепенное приближение еще недавно отсталого

уровня китайского пианизма к мировым стандартам в решающей степени обусловлено весомым педагогическим вкладом Б. Захарова». К его заслугам, по их мнению, «можно отнести тот факт, что именно при непосредственном влиянии этого педагога сложилось направление в фортепианном исполнительском искусстве, которое стали называть «шанхайской школой». Благодаря Захарову, уровень игры китайских пианистов стал стремительно расти, и это проявилось в победах китайских пианистов в международных конкурсах исполнителей» [6, с. 187]. Гу Шэнин, ученица Т.А. Кравченко, знаменитого русского педагога, «столкнувшись с тем, что советские специалисты называли «мощной игрой», «сознательно упражнялась, чтобы увеличить силу, амплитуду, масштаб своей интерпретации» [4, с. 56]. Следует сказать, что особая «мощь» русской исполнительской манеры легла в основу профессионализма многих китайских музыкантов, причем не только пианистов.

Заключение. Влияние русской фортепианной школы на китайскую фортепианную школу привело к тому, что последняя отличается:

- 1) отточенной техникой игры на фортепиано;
- 2) национальным колоритом исполняемых музыкальных произведений;
- 3) вниманием к творчеству выдающихся музыкантов, то есть стремлением постоянно учиться у «лучших».

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что русское влияние на развитие китайской фортепианной школы никогда не было всепоглощающим. Китайское фортепианное искусство формировалось также на основе музыкальных достижений европейских стран, Японии и США. Китайская фортепианная школа развивалась и в контексте национальных традиций. Итогом такого взаимодействия стало формирование китайской самостоятельной национальной фортепианной школы, обретшей свой уникальный путь, основанный на претворении национальных традиций и лучшего мирового наследия.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Айзенштадт С.А. О роли русской фортепианной школы в процессе художественного формирования пианистического искусства Китая и Японии : в 3-х ч. / С.А. Айзенштадт // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3(53). Ч. 1. С. 22–27.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Алексеев А.Д. История фортепианного искусства : в 3-х ч. М. : Музыка, 1988. Ч. 1–2. 415 с.
3. Лян Чэньи. Становление фортепианной школы Китая: персоналии / Лян Чэньи, Н.С. Бажанов // Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 1. № 3. С. 152–161.
4. Хуан Пин. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы. СПб. : Астерион, 2009. 159 с.
5. Цинь Цинь. Феномен универсализма творческой личности на примере жизни и деятельности Чжоу Гуанжэнь / Цинь Цинь // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 4. С. 197–201.
6. Чжан Мидун. Роль русских педагогов–пианистов в становлении китайской фортепианной школы / Чжан Мидун, И.Ф. Черныавская // Современные тенденции и перспективы развития эстетического образования: Сборник статей. Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 186–190.
7. Чжао Яньчжань. Национальный колорит русской музыкальной школы как фактор влияния на развитие китайской / Чжао Яньчжань // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические, Культурология. Политические науки. 2023. № 1.
8. Peng Sun. The Influence of Russian Piano School on Chinese Piano Art / Peng Sun // Advances in Social Science, Education and Humanities Research: 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Vol. 233. USA : Atlantis Press, 2018. P. 596–598.

References:

1. Eisenstadt S.A. Role of the Russian piano school in the process of artistic formation of the pianistic art of China and Japan : in 3 parts / S.A. Eisenstadt // Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice. Tambov : Gramota, 2015. № 3(53). Parts 1. P. 22–27.
2. Alekseev A.D. History of Piano Art : in 3 vol. M. : Music, 1988. Vol. 1–2. 415 p.
3. Liang Chenyi. The formation of the piano school of China: personalities / Liang Chenyi, N.S. Bazhanov // Bulletin of Musical Science. 2023. Vol. 1. № 3. P. 152–161.
4. Huang Ping. Influence of Russian Piano Art on the Formation and Development of the Chinese Piano School. SPb. : Asterion, 2009. 159 p.
5. Qin Qin. The Phenomenon of Universalism of Creative Personality on the Example of Life and Activity of Zhou Guangzhen / Qin Qin // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2012. № 4. P. 197–201.
6. Zhang Midong. The role of Russian pedagogues-pianists in the formation of the Chinese piano school / Zhang Midong, I.F. Chernyavskaya // Modern trends and prospects of development of aesthetic education: a collection of articles. – Brest : Brest State University, 2017. P. 186–190.
7. Zhao Yanzhan. National coloring of the Russian musical school as a factor of influence on the development of the Chinese // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. Series: Historical, Cultural Studies. Political Sciences. 2023. № 1.
8. Peng Sun. The Influence of Russian Piano School on Chinese Piano Art / Peng Sun // Advances in Social Science, Education and Humanities Research: 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities. Vol. 233. USA : Atlantis Press, 2018. P. 596–598.

Информация об авторе

Чжан Мэньюй
аспирант по направлению
«Музыкальное искусство»,
Государственный музыкально-педагогический
институт имени М.М. Ипполитова-Иванова
805621641@qq.com

Zhag Menguy
Postgraduate Student
in the Field «Musical Art»,
State Musical Pedagogical Institute
named after M.M. Ippolitov-Ivanov
805621641@qq.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.97.25.010>
УДК 008

Attribution
cc by

ИСТОКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Чжоу Юйхан

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Цель. В статье уделяется внимание последнему периоду музыкально– профессионального образования, связанному с появлением консерваторий. Методы. В данной статье автором использованы общенаучные методы исследования. Результаты. В данной статье в краткой форме изложена история возникновения и развития профессионального музыкального образования в России, которое делится на три этапа: 1) древнерусский период; 2) XVII–первая половина XIX вв.; 3) вторая половина XIX – начало XX вв. В статье дается характеристика музыкальных учебных заведений, готовящих профессиональных музыкантов и исполнителей, которые появились в России на каждом из этих этапов. Выводы. Статья доказывает уникальность российского музыкального образования, направленного не только на профессиональную подготовку будущих музыкантов и вокалистов, но и на их общекультурный уровень, на развитие личности, на формирование ценностной ориентации.

Ключевые слова: профессиональное музыкальное образование, музыкальная культура, музыкальные классы, Русское Музыкальное Общество, консерватория

THE ORIGIN OF THE PROFESSIONAL MUSIC EDUCATION IN RUSSIA

Zhou Yuhang

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Goal. The article focuses on the last period of musical and professional education associated with the emergence of conservatories. Methods. In this article, the author uses general scientific research methods. Results. This article briefly describes the history of the emergence and development of professional music education in Russia, which is divided into three stages: 1) the Old Russian period; 2) XVII–the first half of the XIX centuries; 3) the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries. The article describes the characteristics of musical educational institutions that train professional musicians and performers who appeared in Russia at each of these stages. Conclusions. The article proves the uniqueness of Russian musical education aimed not only at the professional training of future musicians and vocalists, but also at their general cultural level, at the development of personality, and at the formation of value orientation.

Keywords: professional music education, music culture, music classes, Russian Musical Society, conservatory.

Введение. В нынешней России профессиональная подготовка музыкальных кадров, несмотря на глобализацию, благодаря которой в систему российского образования вторглись Болонские процессы, осталась прежней. Сумев сдержать натиск европейских образовательных тенденций, российские музыкальные учебные заведения остались верны национальным традициям преподавания и образовательным стратегиям музыкально-педагогической системы, сложившимся в России за последние два века. Россия имеет достаточно богатый опыт создания образовательных учреждений «как ответ на потребность общества в приобщении к музыкальному искусству и потребность в профессиональных музыкальных кадрах» [1, с. 45]. Учитывая тот факт, что в кругах российской знати всегда был интерес к музыке, что выражалось в распространении различных форм домашнего музицирования,

в создании придворных хоровых коллективов и оркестров, возникла необходимость подготовки профессиональных музыкантов и исполнителей.

Результаты. Корни российского музыкального образования следует искать в Древней Руси, где после принятия христианства во многих городах – во Владимире, Пскове, Новгороде, Чернигове, Рязани и др. – стали создаваться школы церковных певчих [6, с. 68]. В эпоху Ивана Грозного на базе «государевого хора» открылась первая высшая школа певческого искусства, готовившая профессиональные кадры для церковных хоров. В XVIII веке в России повсеместно стали открываться духовные семинарии, куда были приглашены педагоги, обучающие воспитанников не только богослужебному пению, но и музыке в широком смысле этого слова. В учебный процесс этих заведений в обязательном порядке

© Чжоу Юйхан

вводилось не только пение, но и изучение нотной грамоты, а «для наиболее талантливых семинаристов – курс по управлению хором для подготовки к будущей регентской деятельности» [1, с. 46]. Конечно, подобного рода музыкальное образование нельзя назвать полноценным с точки зрения современных подходов к подготовке специалистов музыкального направления, т.к. это образование носило богослужебный характер. Но, тем не менее, это был первый опыт обучения российских кадров, готовящихся посвятить свою жизнь духовной музыке, которая на тот момент была наиболее востребована в России.

Светская музыка проникла в Россию в конце XVII века. Развитие российской музыкальной культуры ограничивалось приглашением в страну иностранных музыкантов в качестве исполнителей и педагогов. Параллельно шло и обучение отечественных музыкантов за рубежом, в основном, в Италии.

Проникновение в Россию европейского музыкального инструментария (клавир, струнные и духовые музыкальные инструменты) положило начало музыкально-педагогической реформе, согласно которой, «музыка стала рассматриваться как обязательный компонент светского образования в среде состоятельных людей, наряду с обучением танцу, рисованию, фехтованию» [1, с. 46]; и на первых порах обучением дворянского сословия музыке занимались зарубежные домашние учителя, среди которых было много профессионалов. Но для самих учеников обучение музыке шло на уровне «любительского музицирования», поскольку «владение каким-либо музыкальным инструментом... в привилегированных сословиях считалось проявлением «хорошего тона», «профессиональное занятие музыкой в дворянской среде не приветствовалось» [1, с. 46]. Но, тем не менее, именно в этот период времени в России создаются основы для существования светской профессиональной музыки» [1, с. 46].

Важной вехой в становлении российского музыкального образования на профессиональной основе стала школа пения и инструментальной музыки, открывшаяся в 1738 году в г. Глухове. Примерно в то же самое время, при Придворной певческой капелле открывается специализированная школа для подготовки и воспитания будущих профессиональных певцов и регентов, которые должны принимать участие в оперных постановках и хоровых концертах. Поэтому обязательными предметами в этой школе становятся сольфеджио и композиция, а также игра на различных музыкальных инструментах. С другой стороны, в программу этой школы включается изучение языков, литературы, истории и других предметов гуманитарного цикла, что создает предпосылки для создания образовательных программ в будущих учебных заведениях профессионально-музыкальной подготовки.

Во второй половине XVIII века в России остро встал вопрос о подготовке профессиональных музыкантов и вокалистов. Первым шагом на пути создания полноценного музыкального образования стали музыкальные классы при Академии художеств. Особой популярностью, к примеру, пользовались скрипичные классы композитора и талантливого скрипача И.Е. Хандошкина.

К началу XIX столетия музыкальные классы были организованы уже в других учебных заведениях. Так, в 1830–1850-х годах «музыканты (хористы, оркестранты) получали вполне основательное профессиональное образование в Театральном училище Москвы, Придворной певческой капелле Петербурга, Театральном училище Петербурга, Синодальном училище Москвы» [1, с. 46], а также в университетах, женских институтах и других образовательных учреждениях.

О.А. Аракелова отмечает, что в то время «значительное влияние на процесс распространения и профессионализации музыкального образования продолжали оказывать зарубежные музыканты, многие из которых приезжали в Россию не только с концертами, но и жили в ней подолгу в качестве педагогов» [1, с. 48]. Однако, по мнению данного исследователя, зарубежные специалисты, осуществляя свою деятельность на территории Российской империи, не учитывали национальную самобытность и ментальность российских учащихся, их эстетические вкусы, в связи с чем, в России назрела реформа профессионального музыкального образования. Но только в середине XIX века в музыкальную культуру России «пришло осознание необходимости создания некоего социального института, который консолидировал бы общественные и профессиональные силы с целью профессионализации и дальнейшего развития музыкального образования» [1, с. 49].

В первую очередь, развитию профессионального музыкального образования способствовало Русское музыкальное общество (РМО), образованное в 1859 году и ставшее с 1868 года Императорским русским музыкальным обществом (ИРМО) [5, с. 214]. Одной из задач этой организации была поддержка и поощрение талантливых российских композиторов, исполнителей и, конечно же, педагогов музыкальных образовательных учреждений [5, с. 214].

На первом этапе было принято решение о создании при РМО бесплатных музыкальных курсов. Они «были открыты в 1860 году первоначально по классу пения, а затем по классу фортепиано, скрипки, виолончели, сочинения, элементарной теории и хорового пения» [1, с. 49]. На базе этих курсов в 1862 году открывается Санкт-Петербургская консерватория, ставшая началом организации в России высшего музыкального образования. Санкт-Петербургская консерватория появилась по инициативе и благодаря стараниям А.Г. Рубинштейна, выдающегося

русского композитора, музыканта и педагога, который целых десять лет пытался убедить императора Николая I о необходимости открытия «музыкального института». Правительство России отказывалось финансировать «проект», где могли бы готовить профессиональные кадры с высшим образованием.

Положение изменилось лишь после сбора по всей стране необходимых денежных средств, что произошло уже при императоре Александре II, который и дал первому в стране музыкально-образовательному учреждению это название – консерватория. Через четыре года, в 1866 году, при содействии РМО, на базе Музыкальных классов была открыта еще одна консерватория – в Москве.

Несмотря на то, что в то время «русское правительство не понимало значения открытия музыкальных учебных заведений, а музыкальное искусство рассматривало как «шутейное» занятие», в связи с чем «финансовые ассигнования со стороны государственной власти на тот момент полностью отсутствовали» [5, с. 216–217], с организацией Санкт-Петербургской и Московской консерваторий, которые существовали только за счет добровольных пожертвований, статус профессионального музыкального образования значительно повысился. Консерваторское образование, по сравнению с образованием, которое давали музыкальные училища, являющиеся средним звеном музыкально-образовательной системы, предоставляли большую возможность для получения качественного профессионального музыкального образования. Прежде всего, в процессе организации учебного процесса в двух российских консерваториях во главу угла был поставлен вопрос обеспечения кадрами. По приглашению руководства Императорского русского музыкального общества штат Санкт-Петербургской и Московской консерваторий был укомплектован лучшими высококвалифицированными специалистами.

Кадровое обеспечение Санкт-Петербургской консерватории было налажено ее основателем и директором, А.Г. Рубинштейном, который пригласил для преподавательской работы в данное учебное заведение лучших музыкантов Северной столицы – Г.И. Венявского (скрипка), А.А. Герке (фортепиано), Ф.О. Лешетицкого (фортепиано) и др. В 1871 году в число профессоров консерватории был приглашен Н.А. Римский Корсаков, что имело огромное значение не только для самого вуза, но и для русского профессионального музыкального образования в целом. Н.А. Римский-Корсаков «воспитал свыше двухсот учеников различных специальностей (композиторов, исполнителей, дирижеров, теоретиков)». В число его учеников в разные годы входили А.К. Лядов, С.А. Аренский, Н.В. Лысенко, М.Ф. Гнесин, С.С. Прокофьев и др. [5, с. 216]. В Московскую консерваторию для преподавательской работы также были приглашены видные музыканты-педагоги, среди которых – С.И. Танеев,

М.М. Ипполитов-Иванов, В.И. Сафонов и др. Большой вклад в развитие профессионального музыкального образования на базе этой консерватории внес П.И. Чайковский, который был не только прекрасным педагогом, но и методистом, написавшим книги, по которым учится современное поколение будущих музыкантов [4].

Обсуждение. К началу XX века именно консерватория стала «кузницей» профессиональных кадров в сфере музыкальной деятельности, в связи с чем возникла необходимость создания высшего учебного заведения музыкального профиля на периферии. И в 1912 году в Поволжье открылась Саратовская консерватория, после чего региональная система подготовки музыкальных специалистов стала трехуровневой (музыкальная школа – музыкальное училище – консерватория) [5]. Статус полифункционального высшего учебного заведения, совмещающего «учебную, концертно-филармоническую, просветительскую и научную деятельность» [3, с. 639] вывел музыкально-профессиональное образование в России на новый уровень, предъявив, в первую очередь, высокие требования не только к педагогам, но и к учащимся. Еще первые педагоги Санкт-Петербургской и Московской консерваторий поддерживали идею о важности общекультурного кругозора и о глубокой не только практической и музыкально-теоретической подготовке будущих профессиональных музыкантов, но и о подготовке в широком контексте гуманитарных знаний. Поэтому со временем руководство данных «музыкальных университетов» расширило блок научных дисциплин. Студенты стали изучать историю литературы, драматическое искусство, эстетику, психологию. Были введены и такие курсы, как всеобщая литература и история сценических искусств в Европе.

Как отмечает В.В. Гетьман, в России «в процессе музыкально-педагогического процесса всегда стояла личность ученика, наделенная определенными способностями, неповторимой индивидуальностью». Поэтому обучение и воспитание в стенах консерваторий представляли собой «единый процесс, направленный на формирование целостной личности музыканта» [2, с. 176]. Не только готовить человека к конкретной профессиональной деятельности, но и формировать его духовный облик, воспитывать всесторонне образованную личность прививая определенные нравственные качества, эстетические ценности, художественный вкус, – этот принцип в процессе профессиональной подготовки музыкантов соблюдается и поныне.

Заключение. Таким образом, в России музыкальное образование стало складываться в самостоятельный социальный «институт», центром которого стала «консерватория», только во второй половине XIX века. И тот колоссальный опыт создания музыкальных учебных заведений высшего образца оказал большое влияние на систему музыкального профессионального образования в современной России.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аракелова А.О. О некоторых особенностях возникновения развития системы профессионального музыкального образования в России / А.О. Аракелова // Вестник КемГУКИ. 2012. № 19. С. 45–54.
2. Гетьман В.В. Русская музыкальная культура и образование на рубеже XIX–XX столетий: профессионально-педагогический аспект / В.В. Гетьман; Под ред. Л.З. Коробельниковой и Е.М. Левашёва // Вестник МГУКИ. 2011. № 1(39). С. 174–179.
3. История русской музыки : в 10 т. М. : Музыка, 2004. Т. 10 Б. 1071 с.
4. Мариупольская Т.Г. Проблемы традиций и новаторства в современной теории и методике преподавания музыки. М. : Прометей, 2002. 204 с.
5. Суетин И.Н. Высшее музыкальное образование в России во второй половине XIX – начале XX века: проблемы кадрового обеспечения учебных заведений / И.Н. Суетин, А.И. Еремина // Известия Юго-Западного государственного университета. История и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 211–221.
6. Успенский Н.Д. Древнерусское певческое искусство. М. : Музыка, 1971. 356 с.

References:

1. Arakelova A.O. Some features of the professional music education system development in Russia / A.O. Arakelova // Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2012. № 19. P. 45–54.
2. Getman V.V. Russian musical culture and education at the turn of the 19th and 20th centuries: professional and pedagogical aspect / V.V. Getman; Edited by L.Z. Korabelnikova and E.M. Levasheva // Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. 2011. № 1(39). P. 174–179.
3. History of Russian Music : in 10 vol. M. : Music, 2004. Vol. 10 B. 1071 p.
4. Mariupolskaya T.G. Problems of Traditions and Innovation in Modern Theory and Methodology of Teaching Music. M. : Prometheus, 2002. 204 p.
5. Suetin I.N. Higher music education in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: problems of staffing of educational institutions / I.N. Suetin, A.I. Eremina // Bulletin of the South-West State University. History and Law. 2022. Vol. 12. № 3. P. 211–221.
6. Uspensky N.D. Ancient Russian singing art. M. : Music, 1971. 356p.

Информация об авторе

Чжоу Юйхан
магистрант,
факультет музыкального искусства,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
z837038420@163.com

Zhou Yuhang
Master's Student,
Faculty of Musical Arts,
Lomonosov Moscow State University
z837038420@163.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.63.73.002>
УДК 94

Attribution
cc by

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ (НА ПРИМЕРЕ ОПЕРЫ П.И. ЧАЙКОВСКОГО «ЧАРОДЕЙКА»)

Шао Мэнци

*Санкт-Петербургский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена*

Аннотация. Актуальность исследования напрямую связана с тем, что 06 ноября 2023 года будет отмечаться как День памяти П.И. Чайковского, который ушел из жизни в 1893 году, т.е. 130 лет назад. С этой точки зрения обращение к опере композитора «Чародейка» видится более, чем своевременным. В центре внимания автора статьи – философия любви. Предметом исследования выступает специфика любовного чувства в опере П.И. Чайковского «Чародейка». Цель исследования – дать представление о феномене любви, который связывает между собой главную героиню оперы «Чародейка» и трех других персонажей – княжича Юрия Курлятева, его отца – князя Никиты Данилыча и супруги князя – княгини Евпраксии Романовны. методологический фундамент работы определяется использованием методов интертекстуального анализа, интерпретации, метода диалектики (единство и борьба противоположностей), а также искусствоведческой рефлексией.

Обращаясь к эпистолярному наследию композитора, к материалам рецензий, написанных по поводу постановочных версий оперы «Чародейка», к научным исследованиям оперы, особенно ценимой П.И. Чайковским, автор демонстрирует неоднозначность чувства, испытываемого главными героями творения мастера. О двойственном характере любви свидетельствует и сравнительный анализ лексемы любовь, представленный в словаре М.М. Маковского, на который опирается в своей работе автор. Все это способствует выявлению специфики приводящего к непримиримым противоречиям всех участников разыгрываемой на сцене художественной действительности чувства. В итоге автор приходит к следующему мнению. Несмотря на это общее чувство, очевидно, что каждый герой любит исключительно по-своему. Поэтому Любовь предстает как на уровне разрушительной силы (убийство княгиней Настасьи, князем – княжича), так и на уровне силы созидательной (любовь Настасьи не позволяет княжичу стать убийцей, т.е. палачом). При этом именно Настасья демонстрирует истинный (жертвенный) характер любви, оставаясь благородной и чистой.

Ключевые слова: П.И. Чайковский, опера «Чародейка», философия любви, жертва, благородство, двойственный характер любви.

PHILOSOPHY OF LOVE (USING THE EXAMPLE OF P.I. TCHAIKOVSKY'S OPERA «THE ENCHANTRESS»)

Shao Mengqi

St. Petersburg State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Abstract. The relevance of the study is directly related to the fact that November 06, 2023 will be celebrated as the Day of Remembrance of P.I. Tchaikovsky, who passed away in 1893, i.e. 130 years ago. From this point of view, turning to the composer's opera «The Enchantress» seems more than timely. The author of the article focuses on the philosophy of love. The subject of the study is the specificity of the feeling of love in P.I. Tchaikovsky's opera «The Enchantress». The purpose of the study is to give an idea of the phenomenon of love that connects the main character of the opera «The Enchantress» and three other characters – Prince Yuri Kurlyatev, his father, Prince Nikita Danilych, and the prince's wife, Princess Eupraxia Romanovna. The methodological foundation of the work is determined by the use of methods of intertextual analysis, interpretation, the method of dialectics (unity and struggle of opposites), as well as art historical reflection.

Turning to the composer's epistolary heritage, to the materials of reviews written about the staged versions of the opera «The Enchantress», to scientific studies of the opera, especially valued by P.I. Tchaikovsky, the author demonstrates the ambiguity of the feelings experienced by the main

characters of the master's creation. The dual nature of love is also evidenced by the comparative analysis of the lexeme love, presented in the dictionary of M. M. Makovsky, on which the author relies in his work. All this helps to identify the specifics of the feeling that leads to irreconcilable contradictions among all participants in the artistic reality played out on stage. As a result, the author comes to the following opinion. Despite this general feeling, it is obvious that each character loves exclusively in his own way. As a result, love appears both at the level of destructive power (the murder of Princess Nastasya, the murder of the prince by the prince) and at the level of creative power (Nastasya's love does not allow the prince to become a murderer, i.e., an executioner). At the same time, it is Nastasya who demonstrates the true (sacrificial) nature of love, remaining noble and pure.

Keywords: P.I. Tchaikovsky, opera «The Enchantress», philosophy of love, sacrifice, nobility, dual nature of love.

Введение. В одном из произведений В. Пелевина – речь идеи о романе «Священная книга оборотня» – герои ведут между собой следующий диалог:

– *Зачем людям язык, если от него одни беды?*

– *Во-первых, чтобы врать. Во-вторых, чтобы ранить друг друга шипами ядовитых слов. В-третьих, чтобы рассуждать о том, чего нет* [9].

Думается, что эти слова могут стать эпиграфом к нашему исследованию, в центре которого философия любви. В данном случае соединение двух понятий – философии и любви в контексте творчества П.И. Чайковского, на первый взгляд, кажется несколько парадоксальным. Тем не менее, аргументацией первого понятия служит ближний круг общения композитора, в который входили люди, не лишённые философского дара, а также имеющиеся на его книжных полках работы профессиональных философов [1].

Что же касается понятия второго, то вряд ли кто станет возражать против того, что едва ли не значительная часть творческого наследия П.И. Чайковского посвящена интересующему нас феномену и здесь ярчайшим доказательством обозначенной позиции будут такие творения мастера, как:

- опера «Евгений Онегин», в фокусе которой находятся отношения сестер Лариных с Евгением Онегиным и Владимиром Ленским;
- опера «Пиковая дама», где любовное чувство приводит к трагедии Германа и Лизы, вовлекая в свою орбиту и князя Елецкого;
- опера «Иоланта», названная так по имени дочери короля Прованса Рене, чья любовь к Готфриду Водемону приводит слепую от рождения девушку к прозрению;
- балеты «Лебединое озеро», либретто которого выстраивается вокруг истории любви принца к заколдованной злым гением девушке и «Щелкунчик», чья история также связана с любовным чувством, возникшем между Мари и Принцем;
- симфоническая поэма «Франческа да Римини», повествующая о любви замужней женщины Франчески к Паоло;

- Шестая симфония и многие другие. (Не случайно именно музыка Шестой симфонии П.И. Чайковского звучит сразу в двух балетах Б. Эйфмана «Идиот», 1990 г. и «Анна Каренина», 2005 г. В последнем наряду с музыкой Шестой симфонии хореограф использовал музыку Симфонии № 2, Симфонии «Манфред», а также Сюиты № 2 и Сюиты № 3. Помимо этого, на музыку Шестой симфонии Чайковского поставил свой балет «Анна Каренина» Андре Проковский, 1979 г., а также Ролан Пети – создатель балета «Пиковая дама», 2001 г.

Знаменательно, что помимо собственно сочинительства композитор делится своими представлениями о любви и в письмах. В частности, в переписке с Н.Ф. фон Мекк на ее вопрос о том, испытывал ли он чувство платонической любви, П.И. Чайковский написал: «Ни да, ни нет». Помимо этого, он признавался своей корреспондентке, что никогда не был сильно влюблен в человека. Соглашаясь с тем, что музыка невыразима, Чайковский был твердо уверен: именно музыка способна передать все оттенки любовного чувства, поскольку музыка – язык любви. Нельзя не признать, что здесь русский композитор мыслит в унисон и с Пушкиным («Одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия»), и с Г. Берлиозом («Музыка может дать представления о любви, равно как и любовь рассказать о музыке, но зачем разделять их, если они два крыла души»).

Важно подчеркнуть, что отчасти интересующая нас проблема затрагивалась на Теоретическом семинаре сектора философских проблем Академии наук (г. Москва) в выступлении профессионального философа А.П. Козырева, имя которого связано с радиопередачами «Философский клуб» на радио «Русская служба новостей и «Философские ночи» на радио «Вера». Также тема философии любви в опере П.И. Чайковского «Чародейка» косвенно была представлена в статье «Композитор-философ как ключевая фигура музыкальной эстетики (на примере духовного опыта П.И. Чайковского)», написанной нами в соавторстве с Го Шаоин [4].

Обсуждение и результаты. Интерес к написанию оперы возник у П.И. Чайковского в 1885 году, когда он познакомился с драмой И.В. Шпагинского «Чародейка». Спустя два года, в 1887 году, Чайковский выступил в качестве дирижера ор-

кестра, который принимал участие в премьерной постановке «Чародейки» на сцене Мариинского театра. Одна из главных героинь оперы – Настасья, хозяйка корчмы, чья страстная натура угадывается как в любви к жизни, к русской природе, так и в любви к княжичу Юрию.

По сути, трансформация, которой подвергается чувство княжича, намеревающегося сначала убить ненавистную Настасью, а затем полюбившего ее всей душой, и оказывается главным узлом повествования наряду с любовью княгини к своему супругу и к сыну, а также князя – к Настасье. Не случайно одна из рецензий на постановочную версию оперы, которая была показана на сцене Нижегородского театра оперы и балета 26 октября 2018 года получила название «В поисках любви: об опере П. Чайковского «Чародейка»». По мнению музыкального критика, «желание любить – вот что объединяет всех главных героев оперы. Не только хозяйка корчмы и князь не могут справиться с ним, но и княжич Юрий..., также сраженный красотой Настасьи, и княгиня..., забытая мужем, почти оставленная любимым сыном, тоже мечется без любви и вынашивает план страшной мести...» [3].

То обстоятельство, что оба мужчины – отец и сын гибнут, испытав любовь к Настасье, которая умирает от рук княгини, вполне вписывается в неоднозначность интересующей нас лексемы.

В частности, в «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского находим следующие определения любви:

- музыка, гармония;
- пустота, бездна;
- ночь, яма;
- звук;
- слово, говорить;
- зияние;
- слепой, темный;
- голый;
- маниться, затмеваться;
- облако, туман;
- опасность, болезнь;
- смерть;
- небо и т.п. [7, с. 212–213];

Представленный анализ делает весьма значимой мысль, согласно которой «подлинная трагедия разворачивается только в глубинах внутреннего Я, когда вектор духовного пути приводит к падению в «мировую бездну» [5, с. 13]. Не менее

примечательным, в данном контексте, становятся и слова В.Н. Ильина – представителя русского зарубежья, профессионального философа и профессионального композитора: «знай, если тебе не удалась жизнь, тебе удастся смерть».

Подчеркнем, что обозначенные слова – лишь часть цитаты, которая приводится в работе «Философия культуры в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже (20–30-е годы)». «Так, чего стоят несколько строк, написанных по поводу поздних симфоний Чайковского...: «Там, где не принимают имени Логоса – «Святого Крепкого», там остается только любовь к року (*amor fati*) древних стоиков. «Ты не мог преодолеть своей судьбы, полюби же ее, тебе не остается иного выбора», – мрачным эхом на зловещую древнюю мудрость отзываются слова Ницше. И словно из-под толстой могильной плиты раздается: «Знай, если тебе не удалась жизнь, тебе удастся смерть»» [6].

Принимая во внимание тот факт, что Е.О. Китаева рассматривает оперу П.И. Чайковского «Чародейка» в аспекте «религиозно-философской православной антропологии», что дает российскому ученому «возможность увидеть в ней отражение сложнейшей метафизики трагедийного начала» [5, с. 14], выскажем следующее соображение. Несмотря на цитируемую ранее установку музыкального критика А. Черновой относительно того, что все члены семьи князя, равно как и сама Настасья охвачены любовью, подлинное чувство, гимн которому сложил Апостол Павел, оказывается уделом только Настасьи, что, на первый взгляд, противоречит расхожим представлениям о ее доступности. Однако именно она демонстрирует жертвенный характер любви, забывая о себе, тем более, не задумываясь о том, насколько обращенное к ней чувство молодого княжича соизмеримо с глубиной и масштабом того, что переживает она сама. Знаменательно, что Б. Асафьев свидетельствует о том, что никто другой, как Настасья выступает носителем любви, стремящейся к взаимности, «идущей навстречу любой опасности, чувству отнюдь не рабскому, чувству, в котором жизненный рост человеческой личности достигает вершин светлой страстности и благородства» [2].

Не случайно сам П.И. Чайковский, поясняя специфику этого образа одной из исполнительниц, писал о Настасье как о «гулящей бабе», которая, тем не менее, исполнена «внутренней нравственной силы и красоты» [2]. Вопреки желанию окружающих ее людей запятнать вдову, Настасья остается чиста и благородна. Несмотря на трагическую смерть княжича, героиня спасает своего возлюбленного от участи, на которую его обрекает мать: стать палачом.

С этой точки зрения, действительно проигравшими в этом поединке света и тьмы, любви и ненависти, агапе и эрота оказываются княгиня и князь, чья любовь (княгини – к сыну и супругу, князя – к сыну и Куме) несет только разрушение

и гибель. Другими словами, признавая верность слов, согласен которым «если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье» [8, с. 620], добавим лишь одно.

Чтобы не случилось трагедии, такое несчастье должно касаться исключительно самого влюбленного и всякий, кто грезит о любви, должен быть готов встретить его с достоинством и твердостью духа. Тогда же, когда безответная любовь толкает влюбленного на преступление, она не только оскорбительна для того, кого любят, но и унижительна для любящего, поскольку со всей очевидностью доказывает верность следующего положения. Человек перестает быть хозяином своего чувства, которое, овладев им, превращает его в слепую марионетку, движимую игрой страстей.

Соответственно, если любовь лишена эгоизма, стремящегося к порабощению того, кого любишь, если она по-настоящему искренна, то такая лю-

бовь способна преодолеть «стихийную страстность» во имя счастья любимого человека, даже если это счастье не удастся разделить.

Заключение. В жизни каждого человека нет явления более интимного, значимого и, в то же время, более загадочного и противоречивого, чем любовь. Любовь связана с глобальным изменением ценностного сознания человека, и она обязательно относится к нравственному поступку, которым руководствуется в своих действиях любящий человек.

Раскрывая специфику любовного чувства главных персонажей, Чайковский показывает общее, объединяющее всех главных героев оперы – желание любить: хозяйка корчмы Настасья, князь, княжич Юрий и княгиня, забытая мужем и любимым сыном. Но, несмотря на это общее чувство, каждый герой любит исключительно посвоему. В одном случае любовь выступает разрушительной силой (убийство княгиней Настасьи и князем – княжича), в другом, – силой созидательной (любовь Настасьи к Юрию не позволяет княжичу стать убийцей). При этом только у Настасьи мы видим истинный (жертвенный) характер любви.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Айнбиндер А.Г. Личная библиотека П.И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 25 с.
2. Асафьев Б.В. «Чародейка». Опера П.И. Чайковского. Опыт раскрытия интонационного содержания. М.; Л. : Изд-во и типолитогр. Музгиза, 1947. 40 с. URL : harmonia.tomsk.ru/pages/3/?43 (дата обращения 19.10.2022).
3. В поисках любви: об опере П. Чайковского... URL : stnmedia.ru/Новости/21778 (дата обращения 21.12.2022).
4. Го Шаоин. Композитор-философ как ключевая фигура музыкальной эстетики (на примере духовного опыта П.И. Чайковского) / Го Шаоин, Шао Мэнци // Проблемы музыкальной науки Music Scholarship. 2023. № 3. С. 7–15.
5. Китаева Е.О. Оперы П.И. Чайковского 1880-х годов: поэтика трагического : дис. ... канд. искусствовед. М., 2010. 26 с.
6. Козырев А.П. Философия культуры в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже (20–30-е годы). URL : <https://www.km.ru/referats/CBE2306BC0D44DA1A3990B6857A9286B> (дата обращения 21.12.2022).
7. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках М. : «Гуманитарный издательский центр Владос», 1996. 416 с.
8. Маркс. К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М. : Гос-ое изд-во политической литературы, 1956. 775 с.
9. Пелевин В. Священная книга оборотня. URL : livelib.ru/Священная_книга_оборотня Цитаты (дата обращения 12.02.2023).

References:

1. Einbinder A.G. Tchaikovsky's personal library as a source for studying his creative biography : author's abstract. dis. ... cand. art criticism. M., 2010. 25 p.

2. Asafyev B.V. «The Enchantress». Opera by P.I. Tchaikovsky. The experience of revealing intonation content. M.; L. : publishing house and typolithogr. Muzgiza, 1947. 40 p. URL : harmonia.tomsk.ru «pages/3/?43 (date of the application 10/19/2022).
3. In search of love: about P. Tchaikovsky's opera... URL : stnmedia. ru»News»21778 (date of the application 12/21/2022).
4. Guo Shaoying, Shao Mengqi. The composer-philosopher as a key figure of musical aesthetics (on the example of the spiritual experience of P.I. Tchaikovsky) // Problems of musical science. Music Scholarship. 2023. № 3. P. 7–15.
5. Kitaeva E.O. Tchaikovsky's operas of the 1880s: poetics of the tragic : dis. ... cand. art critic. M., 2010. 26 p.
6. Kozyrev A.P. Philosophy of culture at the St. Sergius Theological Institute in Paris (20–30s). URL : <https://www.km.ru/referats/CBE2306>
7. Makovsky M. M. Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages. M. : «Humanitarian Publishing Center Vados», 1996. 416 p.
8. Marx. K. Economic and philosophical manuscripts of 1844. M. : State Publishing House of Political Literature, 1956. 775 p.
9. Pelevin V. The Sacred book of the werewolf. URL : livelib.ru «The Sacred Book of the Werewolf» Citations (date of the application 12.02.2023).

Информация об авторе

Шао Мэнци

аспирант кафедры
музыкального воспитания и образования
Института музыки, театра и хореографии
Санкт-Петербургского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена

Shao Mengqi

PhD Student at the Department
of Music Education and Education,
Institute of Music, Theater and Choreography,
Herzen State Pedagogical University
in St. Petersburg

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/HSCP.2023.26.50.006>
УДК 32

Attribution
cc by

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЗОВОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Синь Юйдэ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Цель. Данная статья представляет анализ международных отношений с учетом глобальных и региональных аспектов вызовов, стоящих перед современной цивилизацией. Методы. В статье были использованы общенаучные методы исследования. Результаты. В статье рассматриваются основные тренды и проблемы, с которыми сталкиваются государства в условиях развития глобальной экономики, политики, экологии и социальных процессов. Особое внимание уделяется взаимодействию между государствами, а также влиянию региональных конфликтов на мировую политическую и экономическую стабильность. Выводы. В статье анализируются перспективы развития международных отношений в контексте современных вызовов цивилизации и возможных путей их решения. Любые программы по социальной адаптации и реинтеграции женщин и детей, причастных к террористической деятельности, на проведении которых так рьяно настаивают наши западные партнеры, должны происходить в рамках пенитенциарной системы.

Ключевые слова: международные отношения, глобализация, политика, цивилизация, терроризм.

INTERNATIONAL RELATIONS: GLOBAL AND REGIONAL ASPECTS OF CHALLENGES TO CIVILIZATION

Xin Yude

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Goal. This article presents an analysis of international relations taking into account the global and regional aspects of the challenges facing modern civilization. Methods. General scientific research methods were used in the article. Results. The article discusses the main trends and problems faced by states in the context of the development of the global economy, politics, ecology and social processes. Particular attention is paid to the interaction between States, as well as the impact of regional conflicts on global political and economic stability. Conclusions. The article analyzes the prospects for the development of international relations in the context of modern challenges of civilization and possible ways to solve them. Any programs for the social adaptation and reintegration of women and children involved in terrorist activities, which our Western partners so zealously insist on, should take place within the framework of the penitentiary system.

Keywords: international relations, globalization, politics, civilization, terrorism.

Введение. Российская политика в сфере антитеррора обусловлена глобальным характером терроризма и беспрецедентно высоким уровнем его угрозы, способности изменяться под влиянием обстоятельств. По-прежнему данные угрозы продолжают исходить со стороны ИГИЛ, «Аль-Каиды», Движения талибов и связанных с ними террористических структур. Несмотря на военное поражение ИГИЛ, нанесенное при решающем содействии российских Вооруженных Сил форпосту террористов в Сирии, различные группировки в данном регионе, меняя тактику, мутнируют в разветвленную сеть подпольных ячеек.

В этих условиях, МИД России работает над решением задач, связанных с организацией коллективного, силами всего международного со-

общества, отпора терроризму при центральной координирующей роли ООН и без «двойных стандартов», которые часто практикуются отдельными странами и даже коалициями государств, что лишь играет на руку террористам. Важно напоминать и помнить о причинах укрепления терроризма, заключающихся во внешнем вмешательстве, разрушении государственных институтов, а также попустительстве террористам или использовании их для достижения конъюнктурных геополитических целей [1].

Результаты. На международных площадках Российская Федерация выступает инициатором либо соавтором решительных мер противодействия различным видам подпитки терроризма — путем рекрутирования новых активистов, изыс-

кивания финансовых ресурсов за счет контрабанды энергоресурсов, оружия, наркотических средств, культурных ценностей, торговли людьми. И дела МИД России, оценены всем миром по заслугам. Нельзя не согласиться с тем, что даже тот факт, что во главе недавно созданного Управления ООН по контртерроризму был назначен наш согражданин В.И. Воронков, означает признание действительно лидерских позиций России в глобальном антитерроре [2].

Всё еще актуальной инициативу Президента России Владимира Владимировича Путина по формированию широкого антитеррористического фронта с участием всех стран в меру их возможностей и с согласия государств, на территории которых ведется борьба с терроризмом.

Думаю, что не стоит ставить под сомнения оценки, утверждающие о военной победе над ИГИЛ. Можно, однако, предложить выделить в этом процессе несколько этапов: в частности, вполне очевидным и обоснованным представляется мнение о том, что на данном этапе с ИГИЛ как территориальным проектом на Ближнем Востоке покончено. Можно говорить о контроле этой группировки над какими-то локальными местностями, но «халифата», в шаге от создания которого эти мракобесы были еще буквально три года назад, уже, понятно, не будет.

Вместе с тем, постановка вопроса о степени той опасности, которую ИГИЛ представляет собой в упомянутых двух странах, является, конечно, справедливой. Известно, что в ряде провинций Ирака все еще действует, пусть распыленные, но, все же, отряды игиловцев в количестве нескольких сотен человек в каждом. При установленном формально властями Ирака полном контроле над своей территорией, игиловцы находят возможность совершать не просто террористические акты, но и скрытые вооруженные вылазки. Примерно также пока обстоит дело и в Сирии. Ситуация в этой стране сложнее, прежде всего, в силу того, что части сирийской территории не контролируются сирийским правительством, образуя эксклавы, используемые различными силами в своих интересах, которые как правило противоречат интересам сохранения Сирии как единого государства в прежних довоенных границах [3].

Обсуждение. Результаты. Достаточно примеров того, как из этих неконтролируемых зон различными террористическими группировками, включая ИГИЛ и «Аль-Каиду», совершаются боевые нападения на правительственные войска и поддерживающие их силы. Эти отряды оказываются хорошо подготовленными и вооруженными.

Россия активно продвигает и «цементирует» свои подходы в ООН, Совете Европы, в Глобальном контртеррористическом форуме. Среди наиболее значимых инициатив можно выделить внесение два года назад проекта резолюции СБ ООН по противодействию террористической идеологии. К сожалению, из-за политизирован-

ной позиции западных партнеров, работа над документом была заморожена. Работа эта, все-таки, даром не прошла, и многие важные положения российского проекта нашли отражение в принятой в мае 2017 г. фундаментальной резолюции 2354 СБ ООН в поддержку «всеобъемлющих международных рамок» с набором рекомендаций и передовых практик по противодействию пропаганде ИГИЛ, «Аль-Каиды» и связанных с ними, тергруппировок.

Также, российские дипломаты выступают с инициативой введения в международно-правовое поле положения о необходимости добровольных контртеррористических ограничений в СМИ и для официальных лиц, которые предполагали бы добровольное воздержание от нагнетания медийного контекста, способного спровоцировать ведущую к терроризму радикализацию населения. В этой связи, мы основываемся на опыте разработки и реализации «Антитеррористической конвенции по правилам поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции», которая была принята Индустриальным комитетом СМИ в 2003 году после теракта на Дубровке [4].

В современных международных отношениях можно выделить объективные и субъективные трудности.

С объективной точки зрения, рассматривать международный терроризм как какую-то единую консолидированную систему нельзя – ведь не случайно международное сообщество не может, в рамках ООН, договориться об универсальном определении терроризма. Скорее, это удобное, привычное медийное клише, на деле же все сложнее. На глобальном уровне действуют лишь одна-две организации: «Аль-Каида» и, видимо, ИГИЛ. Они реально представляют собой угрозу для очень многих государств. Но, в большинстве случаев, иерархия террористических угроз для каждого государства специфична и индивидуальна, в том смысле, что некоторые террористические организации действуют в региональном масштабе или даже в субрегиональном, а то и только в одной стране.

Таким образом, некоторые партнеры России говорят, что они борются, в первую очередь, с «Аль-Каидой», другие – с «Исламским движением восточного Туркестана» (ИДВТ), еще кто-то – с «Хизб-ут-Тахрир», с «Бокс Харам», с «Аль-Шаабаб» и т.д. Важно отметить, что террористическую угрозу в мире ощущают очень многие, но у каждого она «своя», и этот мировоззренческий разнобой сейчас является одним из главных препятствий в борьбе с этим злом.

С субъективной же точки зрения, главным источником «препонов» в объединении усилий на антитеррористическом фронте является деструктивная и оппортунистическая позиция западных государств, к тому же, блокирующих все российские намерения и двигающих свою повестку. В этом контексте, достаточно упомянуть отстаива-

емую западными партнерами концепцию «противодействия насильственному экстремизму», позиционируемую в качестве неких универсальных рамок международного антитеррористического и антиэкстремистского сотрудничества. Данная концепция опасна тем, что допускает вмешательство во внутренние дела суверенных государств под флагом «борьбы с авторитарными режимами». Явно за этими «заходами» стоят сами американцы (недаром эта концепция «всплыла» в рамках, так называемого, Вашингтонского процесса в 2015 году). Россия же считает, что с терроризмом надо бороться только сообща и при неукоснительном соблюдении международного права. А иначе – никак.

В противоположность концепции «противодействия насильственному экстремизму», Россией был выдвинут альтернативный проект, нашедший отражение в принятой в 2017 году новаторской Конвенции ШОС по противодействию экстремизму, которая призвана стать «золотым стандартом» в этой области и содействовать укреплению международно-правовой базы в данной сфере [5].

Таких приоритетов на данный момент три.

Во-первых, Россия активно выступает за четкие меры по противодействию радикальной идеологии и подстрекательству к терроризму. Сейчас это один из главных механизмов радикализации, вербовки террористов и подготовки терактов. Мы в такое время живем, что надо предпринимать решительные меры по противодействию использованию террористами Интернета, но при соблюдении норм и принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела [7].

Во-вторых, Россия занимается решением проблем, связанных с материальной подпиткой террористов, в том числе, оружием. Уместно обратить внимание на проведенную в начале сентября этого года международную конференцию по вопросам поставок оружия террористам [6]. Полученными в ходе ее проведения наработками, мы готовы охотно делиться с нашими партнерами. Безусловно, однозначная военная победа сирийского правительства над террористами-экстремистами не устраивает многих – тех, в частности, кто еще несколько лет назад настаивал на том, что «Асад должен уйти». Налицо продолжение подпитки в различных формах разношерстной «умеренной» оппозиции, при которой значительная часть ресурсов случайно или намеренно оказываются в руках «патентованных» террористов (то есть, признанных таковыми Советом Безопасности ООН).

Как показала военная фаза операции в Сирии, тергруппировки в САР на регулярной основе получают от внешних спонсоров продукцию военного назначения, что позволяет им противостоять вооруженным силам сразу нескольких госу-

дарств. Поэтому Россия по-прежнему считает, что необходимо на уровне ООН ввести всеобъемлющее торгово-экономическое эмбарго в отношении территорий под контролем ИГИЛ, и частично это удалось прописать в резолюции 2368 СБ ООН – об обзоре санкционного режима в отношении ИГИЛ/«Аль-Каиды» и 2370 – о предотвращении попадания оружия в руки террористов.

В-третьих, Россия ведет бескомпромиссную борьбу с иностранными террористами-боевиками, которые, в результате краха ИГИЛ, возвращаются в страны происхождения либо перемещаются в третьи страны. Данному вопросу, в частности, была посвящена, принятая в декабре 2017 года резолюция 2396 СБ ООН, одним из главных разработчиков которой стала и наша страна.

Вследствие этого разгрома ИГИЛ, боевики рассеялись, однако, ИГИЛ пытается рассредоточить своих людей, и в этом заключается нынешняя политика «Исламского государства». Эта тенденция обозначилась давно. Еще два года назад Россия предупреждала, что ИГИЛ все больше приобретает черты горизонтальной структуры, сетевой организации, как «Аль-Каида».

Таким образом, акцент будет сделан уже не на территориальном проекте построения собственного государства – «халифата», а на более традиционных террористических методах. Значительная часть выходцев из России и стран СНГ перебирается через Турцию на Украину, в Грузию и Афганистан, который вместе с соседним Пакистаном, несмотря на все усилия, по-прежнему остается одним из основных районов сосредоточения террористов. Есть такой термин, который прижился на Западе, – «lone wolf terrorism». Это – малозатратный терроризм одиночек. Правда, все всегда говорили, что террористов-одиночек в «чистом виде» практически нет, у них всегда находятся пособники, поэтому для характеристики нынешней ситуации, пожалуй, больше подойдет понятие «автономный джихад».

Заключение. Россия плотно вовлечена в международное сотрудничество на этом направлении. Нахождение на территории зоны влияния террористической организации, живущей по законам Шариата в окружении фанатичных джихадистов, способствует радикализации сознания человека даже в случае его нежелания участвовать в силовых акциях. В большинстве случаев, произнесение клятвы на верность террористической организации, является обязательным условием вступления в нее; причем, данное правило действует и в отношении жен боевиков. Очевидно, что любые программы по социальной адаптации и реинтеграции женщин и детей, причастных к террористической деятельности, на проведение которых так рьяно настаивают наши западные партнеры, должны происходить в рамках пенитенциарной системы.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Иванов И.И. Международные отношения и глобализация: вызовы современности. М. : Издательство «Наука», 2015. с. 540.
2. Петров С.С. Региональные аспекты международных отношений: тенденции и проблемы. СПб. : Издательство «Лань», 2018. С. 120.
3. Сидоров А.А. Цивилизационные вызовы в современных международных отношениях. М. : Издательство «Проспект», 2017. С. 340.
4. Кузнецов Д.Д. Глобальные тенденции и вызовы современной цивилизации. М. : Издательство «Дело», 2020. С. 400.
5. Николаев В.В. Роль региональных аспектов в мировой политике. М. : Издательство «Эксмо», 2016. С. 330.
6. Марченкова Л.М. Международные конфликты и их урегулирование / Л.М. Марченкова // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 39–40.
7. Ушакова Н.В. Перспективы устойчивого развития в политике международных институтов глобализации / Н.В. Ушакова, И.А. Гулиев, Э.И. Дамирчиев // Дискуссия. 2023. № 3(118). С. 82–96.

References:

1. Ivanov I.I. International relations and globalization: challenges of modernity. M. : Nauka Publishing House, 2015. P. 540.
2. Petrov S.S. Regional aspects of international relations: trends and problems. SPb. : Publishing House «Lan», 2018. P. 120.
3. Sidorov A.A. Civilizational challenges in modern international relations. M. : Prospect Publishing House, 2017. P. 340.
4. Kuznetsov D.D. Global trends and challenges of modern civilization. M. : Publishing house «Delo», 2020. P. 400.
5. Nikolaev V.V. The role of regional aspects in world politics. M. : Eksmo Publishing House, 2016. P. 330.
6. Marchenkova L.M. International conflicts and their settlement / L.M. Marchenkova // Eurasian Legal Journal. 2022. № 1(164). P. 39–40.
7. Ushakova N.V. Prospects for sustainable development in the policy of international institutions of globalization / N.V. Ushakova, I.A. Guliyev, E.I. Damirchiev // Discussion. 2023. № 3(118). P. 82–96.

Информация об авторе

Синь Юйдэ
аспирант,
факультет глобальных процессов,
международных отношений,
глобальные и региональные исследований,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
xinyude66778899@mail.ru

Xin Yude
Graduate Student,
Faculty of Global Processes,
International Relations,
Global and Regional Studies,
Lomonosov Moscow State University
xinyude66778899@mail.ru

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

**Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.**

Корректор – Попов М.Ю.
Оригинал-макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.12.2023
Подписано в печать 25.12.2023
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 5,9
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 124

e-mail: id.yug2016@gmail.com